

Голос Кавказа

№ 1/2007

Северо-Кавказский
некоммерческий
ежеквартальный
литературно-
публицистический
и художественный
альманах

ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
ПУБЛИЦИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЯ АЛЬМАНАХУ	3
Лейла БЕКИЗОВА. В добрый путь!	6
Василий ТАНАСЬЕВ. ПЯТИГОРСКУ 225 ЛЕТ. Фотоочерк	9
Александр МОСИЕНКО. Вслед за солнцем в Лос-Анджелес. Повесть	13
Камал ХОДОВ. Я мужеству верю. Перевод Б. Авсарачова	31
Герман ГУДИЕВ. Стихию гор не выдюжат стихи	34
Ирина Гуржибекова. Уходят романтики в небытие	40
Зоя РАЗУМОВСКАЯ. Эсмеральда из Прикумья. Повесть	43
Андрей ДЖИМБИЕВ. Сильней судьбы. Повесть. Перевод Н. Егорова	91
Валерий ПРОКОПЕНКО. Названный брат. Рассказ	106
Муса АХМАДОВ. Деревянные куклы. Рассказ	108
Машар АЙДАМИРОВА. На чужбине. Рассказ	117
Мусса БЕКСУЛТАНОВ. Ягненок. Рассказ. Перевод Э. Минкаилова	120
Владимир ГНЕУШЕВ. Там, в горах... Главы из автобиографического романа	123
НАСЛЕДИЕ	
Иса КАПАЕВ. Воспоминание о Муссе Батчаеве	131
Мусса БАТЧАЕВ. Когда осуждают предки. Повесть	133
Ахмат КУБАНОВ. Муссе Батчаеву. Перевод А. Трилисова	151
ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	152
Цебек АДУЧИЕВ. Римма ХАНИНОВА. Евгений ПАХОМОВ. Алим ХАНФЕ- НОВ. Билял АППАЕВ, перевод Б. Рахманина. Махмут КУБАНОВ, перевод Ю. Кузнецова. Хизир АБИТОВ, перевод Б. Попова. Джемуладин ЛАГУ- ЧЕВ, перевод Р. Котовской. Лариса ШЕБЗУХОВА. Иса КАПАЕВ, перевод А. Трилисова. Умар ЯРИЧЕВ. Лула КУНИ. Мадина ЯСАЕВА. Вахид ИТАЕВ. Ия НИКОЛАЕНКО. Леча АБДУЛАЕВ, перевод Х. Борхаджиева. Шарип ЦУ- РУЕВ. Саид-Магомед ГЕЛАГАЕВ. Шайхи АРСАНУКАЕВ, перевод О. Нико- лаевой. Магомет-Саид ПЛИЕВ, перевод В. Бояринова. Раиса ДИДИГОВА.	

**Марьям ЛЬЯНОВА. Сали АРЧАКОВ. Владимир ЕФРЕМОВ. Елена ИВАНОВА.
Дмитрий БАРАНОВ. Елена КРИВЕЦКАЯ. Светлана КЛИМЕНКО.**

ИСКУССТВО

Людмила ПОДКОЛЗИНА. Первый из передвижников. Пейзаж в творчестве Н.А. Ярошенко. К 160-летию художника	169
Екатерина СОСНИНА. Кавказ глазами Франции. История одного поиска	174
Ольга МЕТРЕВЕЛИ. Микрокосмос Олега Басаева	179

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир ОЛЬХОВ. Тополя беззащитны, как и поэты	182
Геннадий КОЛЕСНИКОВ. ...Успеть воспеть любимую Россию.	188
Зайнди ДУРДИЕВ. Рыцарь «Легиона чести»	198
Николай МАРКЕЛОВ. «Мстислава древний поединок...»	204

ЭПИСТОЛЯР

Юлия ТАМКОВИЧ-ЛАЛУА. Мир без границ	211
--	-----

ЗАДОРИНКИ

Михаил ЗАДОРНОВ. Афоризмы	222
Владимир СКОРИК. Блоха и лев. Басня	222

СТРАНИЧКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сугури УВАЙСОВ. Поскорей бы взрослым стать. Стихи. Перевод Л. Шубной	223
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Юрий ТХАГАЗИТОВ. «И в стихе я живу...» Размышления о творчестве выдающегося кабардинского поэта Алима Кешокова	225
--	-----

НАВСТРЕЧУ V МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ «МИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ЧЕРЕЗ ЯЗЫКИ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРУ»	
Елена АБУЛОВА. Чарующий, всех нас объединяющий...	228
2007 – ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА. В беседе участвуют Руслан ЛУКОЖЕВ, Анна МАЛАФЕЕВА, Дмитрий ГИМАДЕЕВ, Татьяна МАТВЕИЧЕВА	230

УНИКАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Владимир ВЕТРОВ. «Современный Кавказ».	232
Виктор АНТОНОВ. Курорт стал нам роднее	233
Людмила ЧИГЛИНЦЕВА. История Кавказа в лицах	234
Виктор ШУШКЕВИЧ. «Русские на Кавказе»	236
ВЛАДИМИР КЛЕНОВ. Динамика творчества. О словаре «Литературы народов России. XX век»	237
Александр ЗОЛКИН. Выходит в свет полное издание сочинений выдающейся дочери Дагестана Марьям Ибрагимовой	238

НАШИ КОНКУРСЫ

	239
--	-----

ПРИВЕТСТВИЯ АЛЬМАНАХУ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГУБЕРНАТОРА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Дорогие читатели!

Уважаемые авторы и меценаты!

От всей души поздравляю всех с выходом первого номера литературно-публицистического и художественного альманаха!

Благородны и своевременны цели нового издания – объединить представителей творческой элиты Северо-Кавказского региона.

Ставропольский край – не просто один из субъектов Южного федерального округа России. Живыми нитями родства он связан с соседними территориями. Уникальное геополитическое положение – на 45 параллели, в точке пересечения Европы и Азии – между бассейнами Черного, Азовского и Каспийского морей, – делает край центром Предкавказья. Считаю, что укрепление традиционно сильных культурных и творческих межнациональных связей послужит благому делу укрепления мира, единства и добрососедства между нашими народами.

Знаменателен сам факт рождения нового издания именно в Пятигорске в день его 225-летия, в местах, овеянных литературной славой гениев русской словесности А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Уверен, ваше стремление к возрождению диалога национальных культур на новом временном этапе найдет горячий отклик в сердцах лучших представителей культуры народов многоязычного Северного Кавказа.

Нам дорого творчество, устремленное к высотам духовности и нравственности – понятий, суть которых всегда была единой для нас. Имя нового альманаха – «Голос Кавказа». Надеюсь, этот голос будет сильным и добрым, а истины, которые благодаря вашему изданию обретет благодарный читатель, послужат установлению мира, дружбы и человеколюбия. Более того, думаю, что со временем оно будет дополнено новыми именами и свершениями и получит достойное продолжение в интересах развития литературы и искусства!

**Губернатор Ставропольского края
Александр Черногоров**

Сердечно поздравляю авторов и читателей, всех друзей альманаха «Голос Кавказа» с выходом первого номера! Этот факт тесно связан с двумя знаменательными для Кавказских Минеральных Вод событиями. Основан альманах в день 225-летия Пятигорска, а первый номер его появился практически одновременно с присвоением Кисловодску, Ессентукам, Пятигорску и Железноводску долгожданного статуса Федеральных городов-курортов.

Главная цель издания – возобновление жизненно важного диалога культур и этносов Северного Кавказа, и первые шаги в этом направлении успешно сделаны.

Очень важно, чтобы «Голос Кавказа» бережно хранил лучшие традиции российской толерантности, а его публикации открывали миру новые таланты – главное достояние Кавказа.

Это тот самый случай, когда своеобразному коллективному собранию сочинений так и хочется пожелать, чтобы оно никогда не заканчивалось. В меру сил постараюсь содействовать этому. Так держать!

**Руководитель администрации Федерального курортного региона
России – Кавказские Минеральные Воды, первый заместитель
председателя правительства Ставропольского края,
заслуженный работник культуры России
Виталий Михайленко**

От всей души поздравляю создателей и читателей литературно-публицистического и художественного издания «Голос Кавказа» с выходом первого номера. Основанный в день 225-летия Пятигорска, славного традициями уникального творческого многоголосья культур и этносов, «Голос Кавказа» самой жизнью призван на службу духовного объединения народов.

Искренне желаю альманаху, чтобы в начале им диалоге культур рождались новые, яркие, высокохудожественные произведения литературы и искусства, чтобы крепили в сознании идеалы дружбы и добрососедства, взаимопомощи и подлинного братства! Чтобы бережно хранилось и получало свое продолжение самое лучшее из наследия прошлого!

Пусть «Голос Кавказа» всегда будет надежным пристанищем таланта, мысли, свободы мнений!

**Президент Кабардино-Балкарской Республики
Арсен Каноков**

**Главному редактору альманаха «Голос Кавказа»
В. Н. Ольхову**

Уважаемый Владимир Николаевич!

Печатное слово остается важным фактором воздействия на умы и чувства людей. Особенно, если это слово художественное. Всем известно, как стихи народного поэта Дагестана Расула Гамзатова «Журавли», ставшие крылатой песней, заставляют задуматься о Родине, о судьбе каждого из нас в ее великой судьбе.

Приветствую выход в свет нового литературно-художественного альманаха «Голос Кавказа». Он сейчас крайне необходим. Ибо с его страниц, конечно же, будут и должны звучать призывы видных деятелей культуры и литературы Кавказа к дружбе и единению людей различных национальностей.

Поэты, переводчики, прозаики, драматурги, журналисты и публицисты должны правдиво, образно, высоким слогом рассказывать об истории и современной жизни всех народов, проживающих на огромной территории нашей многонациональной и многоконфессиональной Родины.

Работникам нового издания предстоит нелегкая, но почетная задача так преподнести читателю каждый номер альманаха, чтобы он стал мудрым советчиком и занимательным рассказчиком, желательно, в каждой семье горца, степняка, казака...

Пусть молодое поколение воспитывается на добрых традициях уважения к старшему поколению, гостеприимства, любви к России – нашей великой Родине!

Удач в вашем замечательном деле!

**С уважением,
Глава Республики Калмыкия
Кирсан Илюмжинов**

**Дорогие друзья, земляки, читатели и авторы
альманаха «Голос Кавказа»!**

Горячо поздравляю вас с выходом первого номера этого замечательного издания, сам факт рождения которого уже говорит о многом. Ведь если в таком небольшом, по российским меркам, но славном великими культурными традициями

городе, как Пятигорск, издается литературно-художественный альманах с символическим названием «Голос Кавказа», – это свидетельство того, что жизнь в России налаживается, что Северный Кавказ перестал быть на ее карте одной большой «горячей точкой», что наша с вами малая родина по-прежнему богата талантами и творческими, инициативными, деятельными людьми.

Желаю вам, чтобы «Голос Кавказа» был услышан и высоко оценен не только в нашем с вами регионе, но и в других областях России, чтобы во всех номерах альманаха мы находили подлинно художественные открытия и острые публицистические материалы. Только так наш новорожденный альманах сможет достичь солидного творческого долголетия.

**Заместитель Председателя
Государственной Думы Российской Федерации
Владимир Катренко**

**Дорогие друзья, читатели, авторы, меценаты
и издатели альманаха «Голос Кавказа»!**

Мне особенно приятно отметить, что первый номер альманаха, выражающего интересы многонационального Юга России, является светлым ростком, который по праву пробился в Пятигорске – культурном центре Северного Кавказа, овеянном творчеством великих русских поэтов и писателей.

Уверен, что творческий коллектив альманаха будет твердо идти к возрождению чувства национального достоинства народов, к конструктивному диалогу их культур, что, в итоге, упрочит национальное взаимопонимание и мир на Кавказе.

Надеюсь, что читатели найдут в альманахе свою надежную духовную опору и будут вносить собственную лепту в творчество, достойное культуры великой России.

Искренне верю, что у альманаха с таким именем будет счастливая судьба.

**Член Совета Федерации, Федерального Собрания РФ,
доктор философских наук
Анатолий Коробейников**

Уважаемый Владимир Николаевич!

Весьма признательны за Ваше к нам внимание именно в данный момент, в период нашего второго рождения (вернее – возрождения).

Название альманаха – «Голос Кавказа» – считаем символическим, оно касается каждого дома Кавказа.

Сотрудничество и публикации на страницах своего родного альманаха для нас – большая честь, а быть членом его редколлегии – вдвойне, на что даю согласие с удовольствием.

Что касается тиража на нашу долю, то мы можем гарантировать подписку на 50 экземпляров. В дальнейшем эта цифра будет увеличена.

**С уважением, председатель правления
Союза писателей Чеченской Республики
Эдуард Мамакаев**

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Выход альманаха, который бы объединил творческие силы многонационального Кавказа, востребован самой жизнью. В последние годы вопросы издания произведений национальных писателей на русском языке оказались, как это ни печально, вне поля зрения государства. Это привело к тому, что прерываются не просто культурные, литературные связи, но и, в какой-то степени, приостановилось развитие самих национальных литератур.

Национальная литература существует в жанрах, книгах – это форма ее существования, ее вхождения в российскую и мировую культуру.

Символично, что идея создать такой альманах возникла именно в Пятигорске, отметившем свое 225-летие, – в этом территориально традиционном центре Северного Кавказа. Здесь 7 октября 2005 года, в Северо-Кавказском институте по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства ОАО «Севкавгипроводхоз», коллектив которого в лице генерального директора, заслуженного мелиоратора России, академика МАНР, известного подвижника культуры Константина Николаевича Носова, выступил меценатом некоммерческого издания, группа инициаторов, литераторов Кавминвод зафиксировала факт рождения альманаха.

Символично и то, что впервые полное название альманаха как «Голос Кавказа», было озвучено в стенах Дома дружбы. И случилось это сразу после того, как делегация писателей и поэтов Карачаево-Черкесии возложила цветы к открытому в дни юбилейных торжеств памятнику великому Льву Николаевичу Толстому.

И как тут не вспомнить прекрасные традиции вот такого совместного общекавказского участия литераторов в открытии памятников русским писателям на этой древней земле, где жили адыги, черкесы, кабардинцы. Все вместе мы открывали памятник Пушкину. А первым литературным памятником в Пятигорске был памятник Лермонтову. На его открытии Коста Хетагуров, обращаясь к народам Кавказа, сказал: «К мавзолею искусств, в храм науки святой с ним пойдешь ты доверчиво, смело...»

Это были пророческие слова. Многовековая художественная культура народов Кавказа давно стала неотъемлемой частью мировой культуры. Кавказ вдохновлял не только тех поэтов, которые родились на этой благословенной земле, но и представителей других народов на создание поэтических произведений высокой пробы, вошедших в мировую культуру, выражающих отношение к кавказскому миру, кавказским горцам. Кавказ привлекал к себе не только ли-

Лейла Абубекировна БЕКИЗОВА. Вице-президент Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи, председатель правления Союза писателей Карачаево-Черкесской Республики, член редакционной коллегии альманаха «Голос Кавказа».

тераторов, но и художников. Эта традиция живет со времен Пушкина, Лермонтова, Толстого, которые первыми в русской литературе обратились к кавказской тематике. Они увидели Кавказ не с колокольни официальных представителей царской России, а глазами русского человека, патриота, который с уважением относится к народам, населяющим Россию с незапамятных исторических времен. Эти писатели первыми открыли Кавказ для многонационального читателя России. Русский язык уже тогда был языком общения на всей территории страны, где проживали самые различные народы.

Огромная заслуга русских поэтов и писателей состоит и в том, что они увидели не только горцев, но и их устремления, их свободолюбивый дух, их нравственные идеалы. Литература Северного Кавказа, развивающаяся на родных языках, благодаря переводам на русский язык, стала бесценным достоянием читателей огромного геополитического пространства, называвшегося СССР, а теперь – Россия. В последние годы, с распадом творческой школы переводчиков, национальная литература оказалась фактически оторванной от России, а Россия стала отрываться от своих суверенных корней. Не решаются уже многие проблемы с изданием книг даже на родных языках. Литераторы Кавказа все более оказываются в условиях, грозящих распадом давно освоенных интеллектуальных высот. Вот почему я возлагаю большие надежды на альманах «Голос Кавказа», издание которого представляется очень своевременным. Верится, что наш голос услышат все, кто делами своими доказывает свое стремление к подлинному единству России, укреплению ее государственности. Это важно и потому, что альманах охватывает основные литературные жанры: поэзию, прозу, художественную публицистику, критику, библиографию, эпистолярный жанр. Альманах фактически даст нам возможность возобновить некогда прервавшийся, но такой необходимый диалог, и хотя бы частично возобновит затухающий процесс общения со всеми народами, населяющими Россию.

Во все республики Северного Кавказа были разосланы обращения с предложением принять участие в формировании альманаха. На его страницах увидят свет и другие жанры художественной литературы (драматургия, сценарии, а также живопись и скульптура). Это не что иное, как искренняя попытка объединить усилия всей творческой интеллигенции Кавказа. К примеру, мы с большим интересом узнали о том, что сын известного писателя Юрия Шидова (он пишет на русском и на черкесском языках, обещал дать свои произведения в альманах) занимается весьма редким творчеством – он увлечен миниатюрной скульптурой. Его работам была посвящена целая телепередача. Нам нужно обязательно рассказать о нем.

...Судя по задуманной структуре, альманах намерен осваивать весь художественный мир многонационального Северного Кавказа. Что это нам даст? Прежде всего, не только возможность продолжить жанровый и эстетический диалог с большим миром, но и возможность увидеть, что объединяет народы Кавказа, что формирует в их душах лучшие качества, что нужно развивать и культивировать, ибо наша культура плодотворна и динамична только в своем поистине уникальном единении.

Нашему альманаху, думается, надо показывать, как в создании феномена кавказской культуры участвуют все без исключения народы Кавказа, как формируется

общекавказский феномен, как он существует в мире со своими национальными особенностями, которые и составляют его единство.

Думается, что решение этих задач не просто актуально, а жизненно важно в нашем раздираемом противоречиями времени. Альманах «Голос Кавказа», отбирая и печатая лучшие произведения, работающие на эту животворную идею, надо полагать, обретет широкую популярность. Конечно, все будет зависеть от желания авторов участвовать в этом многотрудном процессе, но что он весьма актуален и потому жизненно необходим, не вызывает сомнений.

У нас многонациональная писательская организация. Я всегда была инициатором того, чтобы на Кавказе было как можно больше изданий. И потому я искренне обещаю, что весь материал, направляемый из Карачаево-Черкесии, самым тщательным образом будет отбираться на предмет того, насколько этот материал служит делу возвращения Кавказу его настоящего лица, а не «лица кавказской национальности», которое опошлено сейчас употребляется применительно к кавказцам, а того благородного, прекрасного начала, которое было увидено русскими поэтами Пушкиным и Лермонтовым и воплощено в созданных ими образах горцев, и казаков Льва Николаевича Толстого, и в образах прекрасной природы, среди которой живут, и с высотой гор соотносят свои идеалы народы Кавказа. Красоты гор, о которых так проникновенно писали Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, наверное, создали и закалили характер горца: стойкий, целеустремленный в высоту и ориентированный на вершины Кавказа.

Именно в такой работе мы примем участие и как писательская организация, и как творцы культуры нашей, и, несомненно, альманах обретет свое лицо. Верится, что «Голос Кавказа» в современных условиях будет услышан не только многонациональным народом Кавказа, но и каждым человеком, выражающим идеалы этих народов, представителем которых он является, чтобы представление о Кавказе в мире было не в виде «горячих точек» и беспокойной криминальной обстановки. Хочу, чтобы альманах способствовал возвращению подлинной концепции образа гор и образа кавказцев, которую увидели и предложили читателям великие русские писатели. Я – за восстановление диалога и культивирование этого диалога, и за развитие в диалоге культур не только Северного Кавказа, но и всей многонациональной культуры народов России, неотъемлемой частью которой является и наша художественная культура Кавказа.

ВСЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ В ЛОС-АНДЖЕЛЕС

ПОВЕСТЬ

1

Борис Журавлев засобирался в Америку, хотя к богатым туристам его влез в большие долги, целый год ходил по земле с чувством горькой вины перед кредиторами и вот только-только рассчитался со всеми, как получил радостную весть: в Лос-Анджелесе нашелся его отец, с которым он не общался ровно двадцать пять лет. Трудно понять, как Борис решился на такие поиски. Ведь столько лет прошло. Он даже не знал: жив ли отец. А все-таки поиски начал.

Но сначала о том, почему он стал искать. К тридцати шести годам Журавлев многое успел: женился, окончил университет, аспирантуру, стал профессором, получил кафедру. У него растут две прелестные дочурки, похожие на мать, как две капли воды. За ним закрепилась слава образцового семьянина. И в детях, и в жене видны его мягкая чистая душа, ощущение уравновешенности и покоя. Коллеги удивлялись: как в столь короткое время он сумел добиться всего этого. Поговаривали о мифической «волосатой» руке. А все гораздо проще.

Когда Борису было восемь лет, мать с отцом разошлись. Он и сейчас не знает истинной причины их разлада, но отца запомнил именно с той драматической ночи, а не с тех коротких встреч, которые случались и после – еще года два-три. Он запомнился ему так: красивый крепкий мужчина с короткой стрижкой, неизменным дипломатом, в котором всегда были его фонендоскоп, белый халат, колпак хирурга, какая-нибудь книжка и термос с горячим кофе. Так было и в этот раз. Запомнилось, как родители расставались. Мать хотела чтобы при этом не было Борика, а он детским сердцем чуял недоброе, вцепился в штанину отца и все плакал:

– Не уходи, папа, не уходи...

Мать пыталась оторвать Борика от штанины, повторяя:

– Журавлев, ты же умный человек... Не мучь ребенка. Он все равно останется со мной.

Отец щекотал малыша за ухом и спокойно отвечал:

– Останется, останется... Только дай мне еще хоть чуть побыть с ним.

Александр Алексеевич МОСИЕНКО (род. в 1935 г.). Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры, лауреат губернаторской премии по литературе им. Андрея Тристан-Губина (2006 г.). Прозаик, драматург, поэт, публицист. Лауреат ряда премий союзного, республиканского и международного значения, автор книг: «Кто за рулем», «Сентябрьская сирень», «Базальт», «Сны Горбачева», «Радуга над Дамхурцем», «К поэзии и прозе прикасаясь», «Душа болит».

– Нет! – кричала она. – Тебя для нас больше нет!
– Для тебя – да, но не для него, – еще спокойнее отвечал отец.
– Ты уже повторяешься, Журавлев! Она еще в мирное для них время часто называла мужа по фамилии. И он не обижался.

– Может быть... но Алла, дай мне еще пять минут, и я уйду из твоей жизни. Слова были не злые, понятные, однако больно задевали сердце Аллы. Она начинала громко плакать:

– Ты погубил мне всю жизнь!

– Я виноват... Ну прости меня. Прости!

– Никогда! Ни за что!

И с этими словами она резко дернула Борика за воротник, оторвав сына от отца. Слезы, истерический крик ребенка и голос:

– Не плачь, сынок. Я тебя не забуду.

Отец несколько секунд смотрел на него, на Аллу, потом взял с пола свой дипломат, это было все, что он взял с собой, и, резко повернувшись, быстро пошел к двери, слыша за спиной такой недетский крик, который еще долго-долго снился ему, едва он смыкал глаза...

Мать вскоре вышла второй раз замуж. За человека, который был тоже очень добрый, быстро сумел подружиться с Борисом, а малыш даже не заметил, как полюбил нового родителя, стал называть его папой. Папа Рома ничего не жалел для мальчика. Школа обычная, школа музыкальная, репетиторы, концерты, поездки на море, в горы. Плюс ко всему – хорошая квартира папы Ромы, куда Борис вместе с матерью охотно перебрался из своего тесного жилища, отсутствие какой-либо нужды делали жизнь, похожей на праздник.

Борис унаследовал от отца самую сильную его черту – трудолюбие, которое с годами проявлялось все активнее и помогло стать тем, кем он стал. Ему грех было обижаться на отчима, но в последнее время неодолимое желание найти родного отца не давало покоя. Даже во время защиты докторской он вспоминал его, четыре часа отвечая на вопросы оппонентов. Именно тогда он твердо решил: «Не отступлюсь, пока не найду». И вовсе не потому, что хотелось доказать, что и без помощи отца он все-таки сумел выйти в люди. Его звала родная кровь и – желание поговорить как мужчина с мужчиной, на равных – отец доктор и Борис доктор, только – филологии.

Он знал, что отец уехал в Америку, эмигрировал. Говорят, что его вынудили сделать это, хотя он не занимался политикой, не митинговал, просто был классным хирургом. В бумагах Бориса, тайно от матери, все эти годы хранится заметка из местной газеты, где рассказывается, что на счету Леонида Журавлева было триста операций и – ни одной с летальным исходом. Видимо, было что-то очень серьезное или – наоборот – совсем глупое, но он уехал, как в воду канул – ни одного письма не прислал. Ни сыну, ни Алле, ни своей сестре. Почему? Неужели можно так вот взять и навсегда вычеркнуть из своей памяти, из сердца, некогда любимых и дорогих ему людей. Любимых, по рассказам матери. Да и сам он всю жизнь помнил тот последний взгляд и слова его: «Сынок, не плачь, я тебя не забуду». Но забыл же. Почему? Этот последний вопрос и толкнул Бориса на поиски. Нельзя же так – одиноко пройти по жизни и никогда больше не встретиться. Впрочем, вопрос одиночества весьма спорный.

Он писал письма в российское посольство, в комитет русских эмигрантов и даже в администрацию Президента США. Ответа не было. Однажды после

лекции в своем университете он разговорился со студентом из Америки (его звали Йозеф Зибероф), почему там так плохо работает почта. Наверное, в ней причина. Йозеф охотно вызвался помочь. Надо только собрать все необходимые документы, а там уж его дело.

После каникул он вернулся в университет уверенным, что все будет о`кей. Машина запущена. Журавлев обязательно найдется. И правда: через три месяца после возвращения американского студента в Россию, пришло то самое письмо. Радость Бориса была не только оттого, что отец отыскался, а еще и оттого, что тот звал его к себе в гости «хотя бы на месяц». За счет отца, разумеется. Его просьба настойчиво повторилась и в телефонном разговоре, состоявшемся вскоре после письма: «Борь, я прошу тебя, пожалуйста, приезжай».

«Холодная война» давно закончилась, «железный занавес» спущен, и Борис без особого труда выправил все бумаги, приобрел в «Шереметьево-1» билет на рейс Москва–Лос-Анджелес, сел в комфортабельный «Дуглас-3020» и полетел в неизвестность.

2

Место было удобное, возле иллюминатора. Ярко светило солнце. С первых же минут полета Журавлев приник к стеклу и долго наблюдал за тем, как под ним проплывали разноцветные квадраты полей, желтопесчаные холмы, петляющие реки, осколки озер, маленькие деревушки и большие города с прямыми, как стрела, проспектами и кружевами улочек, огромные лесные массивы и спрятавшиеся в них глубокие водоемы. Все это было неопишимо красивым, свежим, ярким, как на картинке, и называлось не менее красивым словом – Россия. И хотя он не знал точно, что ждет его впереди, как произойдет встреча с отцом, настроение было отличным, лирическим. Хотелось всех и все любить. Журавлев даже испугался – слишком хорошо складывалось все, а такого в жизни не бывает или бывает крайне редко.

На какое-то время стюардесса отвлекла его от этих раздумий, предложив для начала легкий завтрак, прохладительные напитки. К своему удивлению, уже в самолете Журавлев узнал, что полет будет проходить не через Европу, а через Северный Ледовитый океан, без единой посадки до конечного пункта. Бориса вновь потянуло к иллюминатору. «Дуглас» уже был на заданной высоте – десять тысяч метров, и теперь, хотя по-прежнему стояла ясная погода, земля просматривалась не так четко, была покрыта голубой дымкой. Зато ослепительное солнце неподвижно стояло над головой, даже казалось, что оно навсегда зависло в этом положении. Оказывается, самолет шел вслед за ним. Двенадцать тысяч километров вслед за солнцем! Земной шарик невидимо для пассажиров вращается вокруг своей оси, а самолет вроде бы стоит на месте: безоблачное небо, естественное отсутствие каких-либо объектов создавали иллюзию отсутствия движения вперед. Но Журавлев был очень внимателен, напрочь забыл о пассажирах рядом, не отрывался от иллюминатора и видел, как медленно, но менялся рельеф местности, даже то, как скуднее становились растительность, гамма красок, как редели населенные пункты, хотя не со всяким зрением можно различить все это с такой высоты. Самолет приближался к Северному Ледовитому океану. Зелено-голубые леса сменялись тундрой и наконец – океан!

Журавлев, еще мальчишкой перечитывавший «Северный полюс» Р. Пири, «Южный полюс» Р. Амундсена, а позже и все материалы о дерзком переходе семерки Дмитрия Шпаро к Северному полюсу, видел из иллюминатора такую картину: бесконечная, белая с рябыми торосами, гигантскими черными проемами и пятнами не замерзшей пучиной воды, равнина, столбы айсбергов и как бы застывшие океанские волны, ледяные горы, как бы разделявшие отца и сына. И – никаких признаков жизни, будто не бороздят океан современные ледоколы; все вымерло, и только то, что гудит самолет, что Журавлев смотрит в иллюминатор, говорило еще: всюду жизнь; пока ты в ней, не ленись познать ее, ищи ответы на поставленные тобою же вопросы. И где-то подспудно, параллельно этому созерцанию, Борис пытался представить себе, как встретит его отец, угадает ли, получится ли у них разговор, стоило ли лететь в другое полушарие...

Разговор с отцом. В самом деле, а вдруг не получится. Ведь у тети Гали, сестры отца, не сразу получилось. Но там совсем другая ситуация. Кстати, если все пройдет хорошо, надо будет рассказать ему. Он, пожалуй, и не знает ничего, кроме того, что во время войны тринадцатилетней девчужкой немцы угнали в неволю самую младшую сестру Журавлева. А лет десять назад, когда уже Журавлева не было в России, и никто не знал, жив ли он, сестры нашлись. Как и Борис, тетя Галя посылала письма во все мыслимые и немыслимые организации мира с просьбой помочь ей найти сестру. И когда тетя Галя потеряла всякую надежду, ей пришла телеграмма: «Вас вызывают переговоры Оттавой...». Галя не сразу поняла, кто это такая. Ей объяснили, что это столица Канады, что переговоры завтра, в шестнадцать, с мадам Журавлевой. «У вас есть сестра в Канаде?» – «Нет, мою сестру во время войны немцы угнали в Германию». – «Но вы Николаевна?» – «Да». – «Вот мадам Журавлева, что в Канаде, тоже Николаевна... Она получила розыскное письмо... Приезжайте в райцентр на переговоры. Не опаздывайте».

3

Самолет уже третий час летел над безмолвным океаном. Борис дважды отказался от обеда, который стюардессы подавали пассажирам. У него заболела шея от не совсем удобной позы – он уже несколько часов смотрел через иллюминатор вниз и – на стоящее неподвижно солнце. Воспоминание о судьбе сестры отца так взволновало Бориса, что он на какое-то время даже забыл, куда летел сам.

...Тетя Галя пришла на переговорный пункт часа за два и все ждала: а вдруг вызовут раньше. Но ее не вызывали, она начала нервничать. Господи, хоть бы не было ошибки! Хоть бы это действительно оказалась сестренка. Пусть не та, тринадцатилетняя, ей уже под пятьдесят, но моя сестренка. Сколько ж они пережили! Отец погиб в первый же день войны под Кагулом. Мать от простуды умерла во время оккупации. Немцы каждый день гоняли их в грязь и в холод на рытье противотанковых рвов, другие работы. Простудилась, питания никакого, что и доставала, все детям, все – детям, а сама, как придется. Так и умерла, оставив троих – Леонида, Галю и Олю, самую младшенькую. На произвол судьбы. Люди добрые, да и власти не дали погибнуть. Леонид, отец Бориса, окончил школу, мединститут в Астрахани, врачом стал, Галя – библиотекарем, а Оля в полной неизвестности – то ли погибла, то ли жива да не может откликнуться. И вот, слава Богу, наконец-то. Хоть бы не было ошибки. Я не переживу.

Галя приехала на переговоры не одна, с мужем. Он – для поддержки.

Мало ли чего. И вдруг приглашение: «Журавлева-Рябцева! Вас вызывает Оттава». У нее все оборвалось внутри. Муж взял ее под руку и повел к кабине. Очень четкий голос из далекой Канады: «Галюсь, сестренка, это ты? Я – Оля, из Канады...»

– Я-а, – только и успела сказать Галя. Потом еще, – ты живая?

– Живая, живая, а как Ленечка? – услышала Галя и потеряла сознание. Едва вмещавшийся в переговорной будке муж, подхватил Галю и, одной рукой держа ее, другой перехваченную телефонную трубку, ответил в Канаду:

– Оля, это муж Гали, Костя Рябцев, ты меня не знаешь... У нас все хорошо. Все живы-здоровы...

– Почему не говорит Галя? Что с ней?

– Она сильно волнуется, говорить не может.

– Как, совсем?

– Нет, сейчас... ей надо успокоиться.

– Тогда перенесем разговор на завтра, на это же время. Хорошо?

– Хорошо, до завтра.

Лишь на другой день, напившись всяких таблеток «для спокойствия», Галя смогла поговорить с сестрой. Узнала, что Оле трудно было, пока их везли эшелонам в Германию. Там ее купил в домработницы один канадский бизнесмен и увез к себе. А так как она была хорошенькой, к тому же сообразительной и аккуратной, в доме бизнесмена все приняли ее как свою, да она и стала через пару лет своей: сын Уоррен женился на ней, а Оля подарила ему троих сыновей, которые теперь уже взрослые...

Галя уже дважды ездила в Канаду, посмотрела, как живет ее сестра. Это вполне счастливое семейство. Свой дом, у каждого по машине, в том числе и у Оли. Куча племянников. Все учатся, помаленьку приобщаются к бизнесу. Была бы мама живая, вот бы посмотрела на ее счастье. Домой Галя и в первый, и во второй раз привезла массу всяких подарков, а потом по здоровью уже лететь в Канаду не смогла, и ей пошли посылки, что заинтересовало кагебешников, после чего были только письма с цветными фотографиями. Оля все пыталась сама приехать в Россию, да под разными предложениями ей отказывали в визе. А теперь Гали нет. Можно приехать, посмотреть на могилу, на детей, внуков. И никаких препятствий с визой.

Борис думал о том, как он будет рассказывать отцу обо всем этом. Наверное, и он загорится желанием увидеться с сестрой, тем более, что она у него под боком – в Канаде. Просто рукой подать. Какая это будет радость для тети Оли, да и для Журавлева-старшего.

Интересно, как отец и его семья примут Бориса? А на что, собственно, можно рассчитывать: он никогда не видел их, его жену, детей, они – его. Потом, не известно, что о нем рассказывал отец и рассказывал ли.

Но такие мысли не могли долго задерживаться в голове Бориса. Он даже удивился, как это они смогли вообще прийти, ведь он летел по приглашению отца, а тот наверняка знал, что делает.

Борис, нажав кнопку вызова, пригласил стюардессу и попросил коньяк, листок бумаги. Бумага ему нужна была для того, чтобы записать кое-какие мысли, но ее не оказалось. Тогда он попросил пару бумажных салфеток. Все это и закуска, и чашечка кофе были поданы ему тотчас же. Коньяк он выпил сразу, а кофе растягивал между записями на чистой салфетке.

Самолет уже оставил позади Северный Ледовитый океан, летел над территорией Америки. Проплывали совершенно другие картины, впрочем, природа оставалась прежней, а города были покрупнее и чаще, чем в России. Солнце наконец-то убежало от «Дугласа», и бесконечный световой день начал тускнеть, наступал вечер, впереди был город Лос-Анджелес...

Борис давно пописывал стихи, нигде не печатал их. И сейчас на салфетке появилась первая заготовка, которая, может быть, вскоре пригодится, а нет – оставит для лучших времен. Во всяком случае начало надо бы сохранить.

*Рушится ночь на осколки лучистые,
Жаром пронизан бетон,
Кружит рулетка, танцую неустово
Свой очумелый чарльстон...¹*

Он еще не знает, куда выведет его это начало и выведет ли, но это – часть настроения перед посадкой в аэропорту. Еще до наступления темноты, там, над Тихим океаном, он думал о том, что оставил дома, что там давно глубокая ночь, а тут день, ты находишься вне времени, вне прошлого, которого уже нет, вне будущего, которого еще нет. Казалось, время вообще остановилось, будто и не пересекал ты несколько часов назад Гренландию, Исландию, не летел вдоль западного побережья. Но вот вдруг стало быстро смеркаться, еще видна полоска вечернего заката, а на тебя хлынули россыпи огней великого города. Эти огни играют, будто драгоценные камни в какой-то сверхсовременной сказке, а «Дуглас» уже делает круг над аэродромом, и город, этот ночной город, кажется тебе в виде большой коробки рождественских конфет со строгими симметричными рядами и ячейками для каждой. Вот-вот самолет коснется бетонки, пробежит по ней точное количество метров и остановится. Подгонят трап, а потом и автобус. Уже внутри аэровокзала ему вернут багаж, Борис выйдет через дверь, где будут стоять толпы встречающих. Как же найдет его отец? Это все равно, что иголка

¹ Здесь и далее, кроме Песни охотника, стихи прототипа, не пожелавшего раскрывать свое настоящее имя.

в стоге сена. Придется добираться по адресу. И вдруг Борис увидел себя в большом зеркале. В его руках не было чемодана, а над головой он держит самодельный плакат со словами: «Я – Журавлев!»

«Что со мной?» – подумал он, хмурясь. А в зеркале лицо улыбалось самой счастливой улыбкой. Господи, да это же он!

– Отец! – крикнул Борис.

– Сынок! – ответил тот. Бросив свой плакат, он в два прыжка оказался рядом с Борисом, и они начали целоваться, тискать друг друга. Вокруг них, как вокруг островка, текли люди. Кто-то безразлично, не задерживаясь, кто-то приостанавливаясь от любопытства. А они все тискали друг друга. Когда же опомнились, Журавлев-старший взял чемодан и скомандовал:

– За мной! Тут недалеко припаркован мой «мерседес».

– Чемодан оставь мне, – попросил Борис.

– Нет, нет. Я тебя встречаю, сын. И как видишь, на здоровье не жалуясь.

– Вижу, – улыбнулся Борис, беглым взглядом оценив непоказное здоровье отца. – Годится.

4

Отец вел машину по вечернему Лос-Анджелесу. Улыбка не сходила с его лица. Горели многоцветные огни рекламы, взад-вперед пронеслись автомобили самых разнообразных марок всего света. В салоне работал стереомагнитофон, звучал старинный русский романс «Отцвели хризантемы в саду». Очень красиво звучал, и это подымало настроение, не чувствовалась чужбина.

– Ну, как ты, Борис? – впервые за эти минуты назвал его по имени отец.

– Как видишь... Приехал на тебя посмотреть.

– Смотреть-то особо не на что, – был ответ.

– Не скажи, – возразил Борис. – Когда я увидел тебя в аэропорту, подумал, что это мое отражение в зеркале.

– Умеешь льстить. Представляю, какие комплименты ты отпускаешь женщинам.

– Кроме шуток, па, – улыбнулся Борис. – Ты здорово выглядишь!

После первых реплик наступило родственное сближение. «Борис», «па» – это уже говорило о том, что общение будет без комплексов, может совсем домашним. Борис боялся холодка отчуждения. Но они сидели в «мерседесе», не переставая улыбаться и говорили, говорили.

– Как ты считаешь, Борик, мы еще покатаемся по городу или поехали домой?

Борис не совсем понял вопроса: то ли отец не торопится везти его к себе в дом, чтобы избавиться от нежелательных встреч, то ли еще что-то. Но отец понял сразу, чем обеспокоен сын.

– Не подумай плохого: домой не тороплюсь только потому, что хочу усилить твои первые впечатления о Лос-Анджелесе. Ведь завтра уже будет другое восприятие.

Похоже, что отец очень любил этот город. И Борис сделал ему приятное:

– Па, я сам хотел тебя попросить об этом: по возвращении домой я во

всех подробностях буду рассказывать это детям, твоим внукам, маме, папе Роману... как мы с тобой ездили по ночному...

– Ясно, ну тогда давай еще часок погоняем сайгаков. (На его сленге это означало поехать не только по прямым проспектам, но и завернуть в отдаленные кварталы).

– Это – китайский район. Тут живут, в основном, китайцы. Живут и работают. И школа у них своя, и медицина. Впрочем, есть и район русских. Там тоже такая картина. Я, к примеру, работаю там, обслуживаю, в основном, русских. Поэтому за столько лет не совсем одичал.

– Па, не занимайся самоуничтожением.

– Сынок, это правда:

если бы я не видел каждый день русских людей, не участвовал в их судьбах, я бы давно... в общем – не выдержал бы. Эмигрантов здесь ни в грош ставят. К государственной службе – ни на шаг. Благо, что нас тут довольно много и потому я – с работой, да и руки у меня на месте. А так – быть бы твоему отцу американским бомжем или вообще уже не быть.

– Не прибедряйся, па, – сказал Борис, поглядывая на роскошный салон «мерседеса».

– Нет, я не прибедряюсь. Я живу совсем даже хорошо. Но есть нечто другое, мой мальчик... Понимание этого нечто приходит потом... Ну вот мы и приехали.

Небольшой особнячок примыкал ко двору клиники. Он нажал какую-то кнопку, и ворота сами открылись. Машина вошла во двор. И тут же высыпало все семейство отца. Кто с цветами, кто без.

– Не слышу оркестра: мы приехали! – то ли шутя, то ли серьезно сказал отец. Солидная дама, видимо, жена отца, первой подошла к ним и по-английски стала извиняться, подчеркивая, как ей стыдно перед Борисом, что не смогли по-человечески встретить, что, по их расчетам, они должны были приехать еще полтора часа назад, а вот только появились. Наверное, он думает, какие мы не воспитанные и...

– Довольно, мой сын профессор и говорит не только по-английски, но и по-французски, – остановил жену Журавлев-старший. – И еще по-японски, по-китайски, по-испански, – пригнул он.

Жена его заохала, заохала, стала приглашать в дом, попутно знакомя со

взрослыми детьми отца и невесткой одного из сыновей. Другой сын загнал машину в гараж и перенес чемодан в отведенную для Бориса комнату. Ему тут же предложили принять ванну, дабы снять усталость после длинного пути. Все это было сделано как-то быстро, без напряжения, хотя и была в первые минуты встречи какая-то заминка. Чистый, одетый по-домашнему – светлые брюки и тенниска из ткани, похожей на крупное сито, – он, приглаживая, как у отца, ежик темных волос, вышел в столовую.

Стол был накрыт по-русски, то есть изобилие напитков и закусок. Отец сел в центре стола и там, где обычно сидела его жена, посадил Бориса, объяснив:

– Сегодня особый праздник: я встретил своего сына, вашего брата (эта часть фразы относилась к его американским сыновьям). Для всех нас, полагаю я, это необычный день.

Борис сидел, смущаясь от необычного многословия отца и оттого, что с семейством он как-то круто обходится и, похоже, они его побаиваются и уважают.

– Я шел к этому дню двадцать пять лет. И вот он настал. Давайте выпьем эти бокалы за моего сына, за нашего Бориса. Ты не будешь возражать против таких слов?

– Нет, конечно, – ответил Журавлев-младший. – Я тоже очень рад этой встрече.

Зазвенели бокалы. Слово попросила хозяйка дома. Начав говорить по-русски, она застенялась своего произношения, перешла на английский:

– К тому, что я уже сказала, добавлю: я так же счастлива, как мой супруг Леон, что вы, наконец, встретились. Ваше счастье – наше счастье.

Она подошла с бокалом к Борису и троекратно поцеловала его, потом чокнулась с ним, со всеми остальными. Нельзя сказать, что Борис в первую же минуту воспылал любовью ко всему семейству отца, но он видел, как тот был потрясюще счастлив, и решил, не думая о последствиях, сделать ему приятное. Едва сидевшие за столом успели слегка закусить, Борис, коснувшись плеча отца, встал и обратился ко всем:

– Эти слова я должен произнести по-русски. Надеюсь, вы меня поймете. В России у меня есть мама и папа, и в Лос-Анджелесе вот мой папа, а вот моя мама... С вами я вдвойне счастлив.

Затем он подошел к Элизабет, трижды поцеловал ее. Под бурные аплодисменты. И не садясь, поочередно подошел к своим новым братьям, к жене одного из них, расцеловался с ними, называя каждого по имени: Майкл, Дейв и Анкет. Потом выпил, что повторили остальные.

Журавлев-старший не ожидал от сына такого жеста, но в общем был благодарен ему. Когда все несколько успокоились, стали разговаривать и по-русски, и по-английски, повеселевший, он встал с бокалом.

– Борик, дети, Элизабет, посмотрите сюда, – бокалом он показал на стоящее у окна взрослое мандариновое дерево. – Когда мы переехали в этот дом, я посадил его и решил: никто не должен срывать с него плоды, пока не появится здесь мой первый сын Борис. Плоды появились уже несколько лет назад, а я, не считайте это за самодурство, никому не позволял срывать их. И сам не срывал. Они, переспев, падали и пропадали. Вот и опять появился урожай этого года. Наступил мой долгожданный день. Борис здесь! Пожалуйста, сорви первым спелый плод.

Борис еще не совсем понимая, что бы значил этот поступок отца, но интуитивно чувствовал, что это часть его души, и потому подошел к мандариновому дереву.

– Любой?

– Срывай любой, – сказал отец. Борис сорвал, тут же очистил его и раздал всем по дольке. Их оказалось ровно столько, сколько было людей за столом. Журавлев опять был поражен находчивости Бориса и его умению общаться. Это крайне понравилось всем. Они с радостью начали срывать оставшиеся мандарины и тоже разламывать, делиться дольками, а Журавлев стоял и плакал. «Вот ты какой, сынок, – повторял он вполголоса. – Вот ты какой...»

Борис, увидев его мокрые глаза, подошел к нему.

– Не надо, па, слышь – не надо.

– Все, все, это я так – размяк немножко... А я тебя никогда не забывал...

– Верю. Но почему не давал знать о себе? Думал так легче?

– Какой там легче. Не хотел вас с матерью под удар ставить.

– Какой еще удар?

– О, сынуля, ты думаешь я по прихоти своей эмигрировал? Нет, меня подвели к этому... Не сейчас... Чуть попозже я тебе все расскажу.

– А если в двух словах? Я хочу сейчас узнать.

– Если в двух словах, то, пожалуйста. Преуспевающий хирург. Едет во Францию. В туристской делегации. И всего-то на десять дней! Там познакомился с таким же медиком. Разговорились. Он оказался человеком, который знал Солженицына то ли лично, то ли по его произведениям, знал его судьбу. Подарил мне книжонку, где рассказывалось, как его преследовали у нас, как вытолкали за границу. Я кой-что знал по «Би-би-си». Ну и взял с собой эту книжонку. У самой границы струсил и выбросил ее. Но по возвращении меня все равно начали таскать на беседы, обвинять в измене Родине. И пригрозили: либо срок от пяти до восьми, либо уезжай из страны. Ей, дескать, предатели не нужны... Вот и все.

– Это когда ж было? Когда ты уже не жил с нами?

– Года два спустя... Эх, ладно, сын... Не надо обособляться от остальных. У нас еще будет время поговорить обо всем-обо всем. Давай-ка что-нибудь споем для них. Пусть посмотрят, какие мы. Ты что-нибудь народное помнишь?

– Конечно. «Ходют кони», «Охотник».

– Давай «Охотника».

Не объявляя о своем намерении, они запели «Охотника». Борис нередко у себя дома, вернее в университете, с двумя друзьями срывал за нее такие аплодисменты, которым позавидовал бы любой профи. Они начали петь на два голоса. Уже в середине их подхватил Дейв, и это было чудо, ради которого стоило лететь на другой континент, хотя и зрителей было всего одна средняя семья.

Мелодия набирала силу, слова – озорство и драматизм, захватывая весельем все семейство Журавлева-старшего. Но откуда узнал эту песню Дейв? Оказывается, это вольный перевод из Беранже, который приспособили к своему колориту забайкальские казаки:

*Поехал охот-ы-ник на теплые во-я-ды,
Где гуляла рыб-ы-ка при ясной пого-я-де.
Бросился в лес, ай-ну-да,
Во лес по тропинке-дорожке,
Где спала, да ну, краса-я-вица*

*На мягкой траве.
Груди у ней не-жа-ны,
Цветами прикры-я-ты,
Щечки у ней, а-я-лы, слезами покры-я-ты.
Он увидал, ай-ну-да,
Упал, задрожал, задрожал-да,
«Венера», – да ну,
Краса-я-вище тихонько сказал.*

Никто не понял, как через частокол французского, разухабистость русского, чопорность английского и снова русского эта песня вошла в дом, где большая часть его еще недавно была чужой для Бориса, сделала всех родными и даже духовно близкими. А когда принесли гитару, оказывается Дейв тоже, как и Борис, играл для себя, иногда для друзей, в университете, все началось сначала. И было так красиво, так радостно, что вряд ли во всем Лос-Анджелесе кто-то слышал нечто подобное. Семья Журавлева-старшего была счастлива, и эту радость, это счастье привез Борис.

5

Все понимали, что им надо остаться одним, чтобы выговориться, и потому после застолья, не очень поздней ночью, разошлись по своим спальням, оставив Бориса с отцом наедине. Они говорили до утра, то сидя в шезлонгах перед бассейном, расположенным в уютном дворике, то прохаживаясь по его извилистым дорожкам. Отец спрашивал о том, как он с матерью жил эти годы, как ее здоровье, счастлива ли, жалели ли его, не проклинали ли за столь бессердечное исчезновение; как он сумел дорасти до профессора.

– Знаешь, – говорил он, – по манерам – да, а по языку я не заметил, что ты профессор.

– Верно, – отвечал Борис, – но сам знаешь, здесь не было нужды выказывать свою ученость и уж тем более – сорить ученой терминологией. Это никому не интересно, а главное – непонятно.

– И все же, какое открытие ты сделал, став доктором? – спросил отец.
– Никакого. Я провел исследование, систематизировал имеющиеся сведения, кое-что додумал сам. Получилась работа. (Он назвал тему, показавшуюся отцу слишком заумной).

– А что это такое?

– Вот видишь... Уже непонятно. Так разве мог я портить настроение своей так называемой ученостью, – съерничал Борис. – Ну а если коротко, суть работы в следующем: звуки речи по своей этимологии имеют спектры определенных значений. Эти значения мы можем восстановить, глядя на современные слова и проследить, как мы получили ту или иную языковую картину... Впрочем, па, ну его к бесу все это. Лучше ты расскажи о себе. Как ты тут? Вспоминал нас или, если бы я не нашел тебя...

– Не говори больше, сынок! Не было дня, не было ночи, чтобы я не думал о вас, о доме вообще. О работе там, на Ставрополье и в Калмыкии. Особенно в Калмыкии. В селе Приятном. Пусть там была средненькая больница, не всего хватало, но там я был бог, хирург, которого все уважали, которому искренне кланялись и почитали за честь пригласить в гости, на охоту, на рыбалку. Помню, однажды прихожу домой, а мне целое ведро свежей рыбы принесли – я не смог из-за операции поехать на рыбалку, так ребята, вернувшись с большим уловом, отдали «мою долю». Да разве в этом только дело? Я работал, не думая о деньгах, в удовольствие. Помнишь фильм «Коллеги»? Там у молодого врача, делавшего ночью операцию, была проблема со светом... Так у меня похлеще ситуация была. Привезли парня в больницу с запущенным аппендицитом. И вдруг вырубил свет. Неизвестно, когда будет и будет ли до утра, а у парня вот-вот перитонит начнется. Как быть? Мужики придумали: подогнали два «Камаза» и свет фар направили в окно отделения. Так и стояли, пока я не кончил операцию. Все прошло благополучно. А потом, когда парень на ноги стал, его родственники организовали охоту на сайгаков. О, это было зрелище! Я позже себя сравнивал с этим сайгаком. Ты один отбил от стаи, а за тобой целая свора охотников и каждый норовит – в мозжечок, в мозжечок, чтоб полное отключение. Это было со мной после Франции. Ту брошюрку о Солженицыне я не выбросил – отдал одному поляку. Приезжаю домой и тут же обвинение – мне инкриминируют «защиту взглядов писателя А.И. Солженицына и осуждение ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году». У меня была готова докторская диссертация, оставались формальности, но меня выставили за двери клиники, потом и за кордон. Лишь много спустя я узнал, что мне не восемь лет грозило за эти «преступления», а всего три... А тогда я решил, чтоб и вас не подвергать опасности и свои годы не портить почем зря, – махну куда глаза глядят, то есть не куда попало, а в Америку. Тогда многие так поступали. Слишком рискованно было оставаться: все равно затравили бы... Но ты ж сам знаешь: я не мог себе позволить такое. И – уехал. Думал, хоть там буду сам себе хозяин. Дудки! Там другой хозяин. Могущественный, беспощадный, все разъедающий. Это, конечно, доллар. Впрочем, он, кажется, сейчас на всей земле хозяин... Я думаю, из-за него и в России такой бедам уже который год творится.

– А ты откуда знаешь?

– Милый мой, техника на что? Тем более, что я без вестей оттуда – выпотрошенная курица...

– Па, можно вопрос на засыпку?

- Валяй.
 - Вы могли с мамой помириться, когда я еще пацаненком был?
 - Безусловно.
 - А в чем же дело?
 - В гордости. В глупой гордости. Ее и моей.
 - Только ли в ней? Если вы любили друг друга, неужели нельзя было через гордость перешагнуть?
 - Теоретически – да, можно. Но я был серьезно виноват... Просил прощения. И не раз. Увы, не вняли.
 - Все. Я молчу. Мне все ясно.
 - Да? Мне до сих пор не ясно... А ты-то как живешь? Все в порядке?
 - Пойдет.
 - Дети как?
 - О, я их очень люблю, просто обожаю.
 - Я рад за тебя. Это моя первая за двадцать пять лет настоящая радость.
 - Спасибо... Может, поспим немного?
 - Давай еще.
- И они говорили, говорили, говорили. До рассвета говорили.

6

Казалось, не было темы, которую отец и сын обошли стороной в ту первую ночь в Лос-Анджелесе. Между ними невозвратно лежал путь длиною в двадцать пять лет, и вот они сократили его до расстояния вытянутой руки. Борису вспомнилось далекое детство, когда отец, лежа на диване, рассказывал ему какую-нибудь удивительную сказку, и было так хорошо, что порой они, не заметив, так и засыпали оба. Потом приходила мама, нежно целовала его и, пожелав сонному спокойной ночи, уходила. Борису и теперь казалось, что все это, даже мамины поцелуи, он помнил сам, но это только так казалось. На самом деле картина возникала в памяти из рассказов мамы, которая делилась своими воспоминаниями, когда он, будучи третьеклассником, просил ее: «Мам, ну расскажи про папу Леню...» В то время у них уже был «папа Рома». Ее рассказы всегда получались светлыми, без тени обиды или какой-нибудь темной краски. И выходило, что папа и мама всегда любили друг друга. Было не совсем ясно, почему они разошлись, за что он так разобиделся, что ни разу не написал, ни каким-либо другим способом не дал знать о себе. Но теперь и это Борису стало понятно.

Он проснулся первым, открыл глаза. В уютной спальне были приспущены жалюзи, но все равно видно, что давно день на дворе. Встать не хотелось. Отец лежал на диване с закрытыми глазами и ровно дышал, потом открыл глаза. Борису показалось, как вчера в аэропорту, что он видит свое отражение в зеркале. Но отражение вдруг заговорило: «Привет. Как спалось?»

- Отлично, – ответил Борис и понял, что это было не его отражение.
 - Будем вставать?
 - Пожалуй.
- Отец похлопал Бориса по плечу и сказал:
- Молоток, сын.
 - Да ладно... ты знаешь, па, я все-таки забыл тебе кое-что рассказать...

Отец насторожился:

- Хорошее?
- Очень. Думаю, ты будешь рад.
- Рассказывай!

В доме было тихо: все, кроме Элизабет, недавно ставшей пенсионеркой, разъехались по делам, на работу. Элизабет чем-то гремела на кухне. Услышав разговор проснувшихся мужчин, она, извинившись, постучала к ним в дверь:

– Мальчики, завтрак готов.

– Сейчас, – ответил Журавлев-старший. Они пришли в тот же зал, где вчера пировали со всей семьей, где снова все стояло так же красиво и торжественно, только на три персоны.

– Ну, давай рассказывай, – напомнил Борису отец.

– Я тебя сильно расстроил вчера, рассказал о смерти тети Гали. Мы сами переживали: она была очень хорошим человеком. Даже трудно поверить, что ее уже нет. Но... ты знаешь, что тетя Оля жива?

– Какая тетя Оля?

– Сестра твоя.

Журавлев не сразу понял, о чем говорит Борис.

– Какая тетя Оля? – переспросил он.

– Сестра твоя... которую еще в войну немцы угнали. В Германию.

– Ты-то откуда знаешь?

– Тетя Галя лет десять назад нашла ее. В Канаде живет.

– Борис, сынок, – разволновался отец, – она же пропала без вести. Погибла там, на чужбине. Как угнали немцы, так больше ни слуху, ни духу. Я тоже много лет разыскивал ее. Бесполезно. Вот и решил, что она погибла... Может это не она?

– Она, она! Тетя Галя два раза к ней в Канаду ездила. Уже когда тебя в Союзе не было... Все расспрашивала про тебя. Плакала... Обещала найти. Но, видно, что-то помешало.

– Мальчики, вы говорите и кушайте, кушайте и говорите, – подала свой голос Элизабет. – Лео, не надо так волноваться.

Не обращая внимания на жену, на остывший завтрак, Журавлев начал ходить вдоль стола. Потом подошел к Борису и, глядя в глаза, спросил:

– Адрес у тебя есть?

– Есть. Мама дала мне. Она с тетей Галей общалась до последнего.

– Так давай же! – чуть не крикнул отец. Борис тут же по памяти набросал на листке канадский адрес своей тети. Журавлев впился глазами в листок и вновь громко:

– Едем в Канаду! Это ведь ближе и проще, чем в Россию.

– Лео, успокойся, – остановила его жена. – Сначала надо навести справки, может, поговорить по телефону, подготовить сестру, а потом уже ехать.

– Элизабет права, – сказал Борис.

– Так давай все узнаем! – взволнованно выпалил Журавлев.

– Сначала надо поесть, – успокаивала его Элизабет. – Без завтрака я вас никуда не пушу. Так, кажется, принято в России – накормить перед дорогой?

– Так, так, – грубовато ответил Журавлев.

– Па, чуть спокойнее.

– Да как же можно – спокойнее? Через пятьдесят лет сестра отыскалась! А я должен – спокойнее.

– Понимаю.
 – Йес, йес, – обрадовалась мадам Журавлева, поддерживая Бориса.
 – Йес, так йес... Ладно, давай поедим. Жене он налил фужер белого вина, а себе и Борису по стопке армянского коньяка.
 – За то, чтоб мы нашли Олечку!
 Он забыл, что Олечке было не тринадцать, а уже шестьдесят три. Но она навсегда осталась в его памяти той юной девчушкой.
 Они поели очень быстро. Вконец разволновавшийся Журавлев даже забыл, что он не в России и собрался идти на переговорный пункт, чтобы сделать заказ для связи с Канадой, но обстоятельная Элизабет остановила их:
 – Зачем идти? Это можно заказать и дома. Журавлев стукнул себя ладошкой по голове:
 – Вот куриная башка... В самом деле – можно заказать...
 И он начал набирать разные номера, с кем-то говорить, на чем-то настаивать. Через полчаса телефонистка ему сообщает:
 – Мистер Журавлев? Канада на связи. Говорите. Он взял трубку и, заикаясь от волнения, спросил:
 – Оля, это ты? Здравствуй! Леня звонит из Лос-Анджелеса... Как не Оля? А где же Оля?
 – Вас интересует госпожа Грюнкопф-Журавлева? – ответили ему.
 – Йес, йес – Журавлева! – не обратив внимания на первую часть фамилии, закричал в трубку Леонид.
 – Госпожа с мужем три дня назад уехала в круиз по Европе.
 – С кем я разговариваю?
 – Экономка госпожи Ольги...
 – А когда они вернуться?
 – Через месяц.
 – Целый месяц?!
 – Да, но вы говорите: я все запишу, и вам по возвращении ответят. А кто вы такой?
 – Я ее брат из Лос-Анджелеса, точнее из России.
 – Она будет очень рада, но отдых есть отдых.
 – Благодарю вас. Я еще буду звонить, – упавшим голосом закончил Журавлев. А потом к остальным: «Елки-моталки! Целый месяц ждать... Неужели правда – Оля жива?»
 – Правда, па, абсолютная правда.
 – Вот это история... Пятьдесят лет! Не верю... Да еще и госпожа... А Галя, чего ж тетя Галя молчала? Хоть бы открыточку... Я бы давно ее нашел.
 – Они думали, что и ты без вести пропал.
 – Все! Будем пьянствовать... Элизабет, праздник продолжается! Позвони ребятам, Аннет. Пусть едут домой. У нас еще праздник!
 – Йес, йес, мальчики! Все будет о`кей, – весело ответила жена. – И пит будем, и гулят будем...

7

Незаметно пролетел месяц. Настал день, когда семья Журавлева-старшего проводила Бориса в аэропорт. До самой посадки в тот же «Дуглас», которым он прилетел сюда из России.

Ему снова досталось место возле иллюминатора. Самолет набирал высоту, но было отлично видно, как проплывал и терялся в дымке Лос-Анджелес, растянувшийся почти на девяносто километров вдоль побережья океана, город, ставший для Бориса не просто географическим понятием. Здесь произошла долгожданная встреча с отцом, с его новой семьей, которую он уже никак не мог назвать чужой. Талантливый музыкант Дейв с достоинством американца и предупредительностью русского, почти каждый день повторявший одну и ту же фразу: «Мы не чужие, мы – братья»; сдержанный, по-девичьи нежный Майкл с его любимым словечком «горджес», то есть «великолепно». Словечко это он часто произносил во время застолий и в часы прогулок по океану; его жена, типичная американка, со своей очаровательной улыбкой, невольно заставлявшая улыбаться всех вокруг, особенно когда целовала Майкла и с придыханием произносила: «Я тебя люблю»; наконец, «мама Элизабет», которая все дни была ангелом-хранителем самого благоприятного климата в доме, где, казалось, никогда в жизни не висело ни одного хмурого облачка; разумеется, отец, ставший для Бориса тем, кого он всю жизнь хотел увидеть – умный, уверенный в себе, не боящийся проблем, чувствительный человек, сквозь веселье которого смутно проглядывала затаенная грусть, – все это принадлежало теперь Борису.

Самолет летел над океаном вдоль побережья. Еще видны были спящие по трассе букашки-автомобили, бесконечные пляжи, пассажирские лайнеры, сверкающие белизной на голубом фоне, частные яхты, даже – тяжеловесные сухогрузы. Все это оставалось позади, кто знает – надолго ли, может быть, навсегда. Отец не обещал скоро приехать в Россию, во всяком случае – в этом году. Сына повидал, объяснился, оба поняли друг друга. Лос-Анджелес, вообще Америка его не держат. Он мог бы уехать хоть сейчас, этим же рейсом. Но куда? Кому он там нужен? Бывшая жена, естественно, не примет. Сестра Галя умерла. У сына своих забот хватает. Начинать все сначала – слишком поздно: когда тебе за шестьдесят, срываться с места неразумно. Да и привык он уже иначе жить, иначе, чем двадцать пять лет назад.

Борису было жаль отца, жизнь которого прошла вдали от родины. А может, так оно и должно было случиться? Ведь никогда и никто не знает, как все пойдет. Сказано же: человек предполагает, а Бог располагает...

Когда самолет набрал свою предельную высоту, лег курсом на Москву, Борис на некоторое время оставил иллюминатор и свои мысли об отце, попросил стюардессу, начавшую разносить завтрак:

– Мне, пожалуйста, кофе с коньячком!

Стюардесса улыбнулась ему (он вдруг заметил, что это была та же девушка, что и месяц назад) и ответила:

– Да, да, конечно.

Борис выдвинул откидной столик, поставил свой кофе, отхлебнул глоток другой, вспоминая отцовское мандариновое дерево и все, что там, в его доме, произошло, когда он разрешил ему первому сорвать спелый плод, открыл записную книжку и перенес туда несколько строф только что сочиненного стихотворения. Дома еще будут доработки, может, появится мелодия, а пока он торопился записать, чтобы потом не забылось. По сути это было продолжение размышлений о его встрече с отцом и их судьбе:

...Мандариновое дерево,
 Просто сгорбилось под тяжестью
 Многочисленных плодов.
 Я сорву одно из солнышек,
 Станет легче горемычным нам
 От разлуки и трудов.
 Мандариновое дерево,
 Знаю, все когда-то кончится:
 После радости и праздника
 Снова тяжкая страда.
 Я вернусь к себе на родину,
 Где растет сосна высокая,
 Только вместе ваши веточки
 Не сплетутся никогда.
 Мандариновое дерево,
 Не грусти, не одиноко ты
 Рядом с белою березою
 И геранью под окном.
 Все понятны нам до листика:
 Ждут тепла и просят дождика
 И, как мы, наверно, думают
 О высоком и простом.
 Мандариновое дерево,
 Мы всю жизнь как будто прожили
 Вместе тоненькими стеблями
 Прорастали из Земли.
 Верю, мы еще обнимемся,
 Почки свежие распусятя,
 И весну отметим заново
 Ту, что годы унесли!

Борис оторвался от записной книжки и вдруг увидел: перед глазами была уже знакомая тубетейка – впереди сидел его попутчик, узбек, с которым он познакомился уже стоя на посадочной площадке. Узбек заметил, что глаза Бориса, только что простившегося с отцом и его семьей, были, как говорится, на мокром месте.

– Родственники?
 – Отец, – ответил Борис.
 – Домой?
 – Домой, – нехотя сказал Борис.
 – Я тоже домой. Но всего на одну неделю. Представляешь: пять лет не видел жену, детей...
 – Не пускали?
 – Деньги зарабатывал. Хочу всю семью в Америку перевести.
 – Плохо дома?
 – Не то слово... Очень плохо. Фундаменталисты, коммунисты, демократы... бьют друг друга среди бела дня и ночи. А простому человеку куда податься? Вот я – повар. И тут поваром работаю – спасибо, друг помог. Мой шеф. Он тоже узбек. И тоже сюда сбежал... Зачем так? Разве это нормально? Бежим из родного края. А что делать? Дети... У меня их четверо, у него – пятеро.

Борис смотрел на тубетейку, вспоминая этот недавний диалог, и с грустью думал: «Мир не меняется. По-прежнему одни набивают карманы, наращивают счета в банке, другие ищут свое счастье на чужбине. И лишь немногие его находят... Бедный мой отец, бедный этот узбек да и другие люди, что были принуждены покинуть родной край лишь потому, что имели смелость открыто высказывать свое мнение, когда смелость других выходила не дальше домашней кухни; отчего все перемешалось в мире, где все настойчивее размываются границы между правдой и ложью, верой и безверием, где в конце концов невозможно узнать, кто конкретно виноват в этом, и будет ли время, когда на всей земле торжествует справедливость и люди станут крепкими, как базальт, который не в состоянии разрушить никакой ветер?»

Ответа на этот банальный и вечный, как мир, вопрос профессор Журавлев не находил. А хотелось: ведь он напрямую связан с судьбой его отца и ему подобных. Все они напоминали историю с березкой. Один африканский студент привез из России к себе домой понравившееся ему деревце. Посадил на самом хорошем участке своей усадьбы. Каждый день поливал, подсыпал удобрения. А березка не прижилась. Засохла – не та почва, не ее климат...

День был ясным, солнце по-прежнему стояло на одном месте. Хотелось с кем-то поделиться своими мыслями – об отце, обо всем, что увидел, что понял, чего не понял, и даже об этом узбеке, который безмятежно спал в своем кресле. Впереди и рядом были незнакомые люди, которым чувства, переполнявшие душу Бориса, могли показаться наивными, непонятными и смешными. Ему даже стало зябко. Может, от мыслей, а может, от того, что он снова увидел внизу: там бесконечно простирались черно-бело-серые просторы Северного Ледовитого океана.

Пятигорск

Рисунки художника Александра Яковлева

Я мужеству верю...

ПЕРЕД ПЕРЕВАЛОМ

Я не был в походах,
Которые стали легендой.
Мой путь неизведан –
Поэзия кажется бездной.
Цветок мой заветный
Растет за крутым перевалом.
Как выглядит он?
Не погиб ли под снежным обвалом?
До звезд не могу
Я никак дотянуться руками.
И не потому ли –
Душа моя бредит ночами.
И сколько – неведомо –
Сердцу поэта придется
Утраг испытать,
От которых оно надорвется.
Но все еще будет,
Я знаю, что все еще будет,
Покамест на свете
Хоть капелька горя пребудет.
Но, жизни сопутствуя,
Легкой, незримою тенью
Ко мне прикоснется
Судьба моя, как вдохновенье.
И песни – от сердца
Насытятся кровью бессонной.
Зарей родниковой,
Ее синевою бездонной.
Когда отречешься
От лени, лжи и покоя –
И песня, и сердце
Сольются в единство живое.
Как легок и светел
Весны переменчивый ветер,
Скользкий жестоко
В ущелье на самом рассвете.
Цветок мой желанный

Растет за крутым перевалом
И манит к себе,
Точно в сказочном сне небывалом.
В том сказочном мире
Зеленые мчатся ракеты.
Там кони пасутся –
В пополах из лунного света.
И ждут в нетерпенье
Отважных своих седоков –
И белые искры
Летят из-под синих подков.
В стране сокровенной,
В преддверье моих ожиданий,
Я мужеству верю,
А мужество – боль испытаний.
Какое из них
Я не выдержу, ревностный горец?
С мечтой разминувшись,
Я с собственной жизнью рассорюсь.
Цветок мой заветный
Растет за крутым перевалом
И манит к себе,
Точно в сказочном сне небывалом.
Найду ли его
И увижу ль в надоблачной выси,
Где солнечный ветер
В оленьих коронах струится?

ЧЕМ ЖИВУ

Утренний, тонкий,
Трепещущий луч, –
Частая россыпь
Копыт из-за круч.
Греются за ночь
Продрогшие горы.
Эхо в ущельях
Ведет разговоры.
Ласковый шелест
Весенних дождей,
Купы в цветенье –
Не видно ветвей!..
Там, на изгибе
Скалы и ручья,
В белой накидке

Стоит алыча.
С гор оползают
В долину туманы,
Травы под бременем
Рос первозданных.
В зелени леса
Петляет тропа...
День ли обычный?
Нет, это судьба.
Большого я у нее
Не прошу:
Этим живу,
Этим дышу.

РОДИНЕ

Не святотатство ль –
В словаре сердечном
Искать слова,
Сравнимые с тобой?
С твоей душой,
В ее величье вечном?
С любимой
И единственной судьбой?

Я сравнивать тебя –
Ни с чем не вправе,
Хоть тыщу слов
К твоей прибавлю славе.
Что может поместиться
В слове скромном?
Ты в сердце – вся,
И чутком и огромном.

Перевод Бориса Авсарачова

Стихию гор не выдюжат стихи...

КАЙСЫН

Непостижимо и обыкновенно
рождение... Но знаю я, и знал,
что этот человек рожден Чегемом,
рожден рекой летящих к небу скал,
и ветром, что стволы на оземь валит,
рожден поэт,
рожден, почти святой,
волной дождя, что бил над перевалом
кипящим изумрудом – не водой...

Чегемом он рожден, и эта тема
была его, хоть в мире много тем...
Он жил, дышал и мучился Чегемом,
конем и буркой был ему Чегем!

Чегем, Чегем – спасенье и награда,
Чегем – последний радостный приют,
когда из-за души твоей ограды
в тебя швыряют камни и плюют...

Чегем – когда любовь невыносима,
Чегем – когда проклятия глухи...
Чегем – когда рывком уходит сила
из доброй, к нам протянутой руки!

Чегем – когда конец тревожно близок,
уходит враг в слезах и плачет друг...
Чегем – когда и смерть уже не лижет
на письменном столе усталый плуг...

Попытаясь, встав с пустой постели,
крича вселенной шепотом: «Зачем?»
Он сам не знал, что губы еле-еле
произносили вешнее:
«Чегем!»

И дождь над перевалом изумрудный
свинцовым шел на грудь опавших скал,
когда исторгли каменные губы:
«Чегем»,
хотя мальчишка крепко спал...

как будто он не смертный,
а гора!
В чалме, белее снега,
он зловещ,
и гневен ум,
неколебима речь,
крепка рука,
спокоен мерный шаг...

Он сдался в плен,
а все вокруг –
дрожат!

* *
* *

Сто лет назад... Владикавказ.
Что пробуждало сонный город? –
Шум Терека, а в пятый час,
подковы конников, двуколок,
обитых кожей фаэтонов,
и медь на них – щемила глаз...
В воскресный день – колокола,
они звенели над рассветом,
и свежесть синяя текла
по древу изумрудных веток.
Калитки хлопали, жужжа,
рой сонных мух стучал о стекла.
По мостовой из голыша
сновали верткие пролетки.
И криком диких янычар
кричал базар, пекли пекарни
лаваш, похожий на пергаль,
а в перезвоне наковальни
был слышен мех и резкий треск
уже замоченного угля...
И открывал сушеный перс
свою лавчонку расписную –
какая там была халва,
табак, щербет, хна, красный сахар...
На черепицах просыхал
вчерашний дождь... Божился знахарь...
А с гор Чечни и Кабарды
катили всадники и гости,
звенят доспехи и рубли,
улыбки, молотки, гармошки,
зурна, цыгане – карнавал –

кружились в брызгах спицы быта!
Все это было позабыто,
да и, наверное, пора.
Но в это время жил мой дед
и дорого мне время деда,
как в шкапе – рвань его бешмета,
а в сердце – стершийся портрет.

* *
* *

Я любил лошадей,
не жокеем на скачках,
не девчонкой, которой щекотно меж ног,
от шершавого крупа,
от мускуса,
качки,
еслипустишь лошадку с аллюра в галоп...

Я любил лошадей
за покорность и норов,
за доверие к нам,
и за ненависть к нам...
Но любил не корнетом, втыкающим шпоры
остриями в бока!
А хлыстом – по ногам!

Я любил лошадей
не цыганом, что в табор
их приводит, ворованных,
чувствуя куш!
Я любил лошадей
за идею кентавра –
этот образ поэтому так всемогущ!

Я любил лошадей!
Сам за лошадь отвечу...
Как жандарму сказал одинокий абрек:
«Лошадь – это, поверь,
человечность,
о которой не может мечтать
человек!...»

ПОРТРЕТ ПРЕДКА

Здесь тень орла к земле сгибает ветки
и дикий тур, захлебываясь, пьет,
и бездну неба,
 и свистящий ветер,
и воду гор, холодную как лед!
Здесь нет земли –
 замерзший, серый камень,
над саклей рваный дым,
 в подвале сыр,
мука в мешке –
 бесценны даже граммы,
в обмен на сыр мой предок привозил
ее за сотни верст,
 и на дороге,
где все грозит отнять твоё добро,
он полз в арбе –
 с горы трудней, чем в гору,
чахоточный,
 с поломанным ребром.
Он ждал удара справа, слева, сзади:
абрек,
 лавины – гневен бог дорог,
но он сидел прямой как на параде,
он лгать судьбе и случаю не мог.
Он драться мог,
 освеживать барана,
рубить нагорный лес,
 латать арбу...
Безжалостно воспитанный горами,
он воздавал почтение врагу.
Еда и сон казались высшим счастьем,
но тратить время попусту нельзя...
И честью никогда, нигде не клялся,
но отводил при женщине глаза.
И никогда не жаловался другу,
родным своим, тем более себе,
хоть кашлял кровью в каменную руку.
И так и умер –
 сидя на арбе.

■

ИРИНА ГУРЖИБЕКОВА

народный поэт Северной Осетии-Алании

Уходят романтики в небытие...

РАССВЕТНЫЕ СТИХИ

Еще покойны руки, ноги, голова,
И мысль к рассвету пробивается едва.
Ничто не сказано – ни правда и ни ложь.
И никуда ты не встаешь и не идешь.
И не дымит кофе утренний, и нет
Еще ни здарсьте, ни прощай, ни бурь, ни бед.
Но где-то в самой глубине существа
Родятся странные, несмелые слова,
Как будто крылья обретают на ходу...
Не ты их – а они тебя ведут.
Бумага и перо им не нужны –
Лишь только адское блаженство тишины.
Проклюнулись! Взмоли! Уже живут.
Ни критик, ни читатель – им не суд.
О Господи, скорей бы записать...
Ты покидаешь в панике кровать.
Вот стол... Вот лист... Но, не дождавшись их,
Вдруг угасает твой младенец-стих.
Как будто растворился, хоть кричи,
В безжалостной, прожорливой ночи.
Что это было? Ветер? Блажь? Волна?
А может, просто продолженье сна...

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТУ

Меняю
Относительное спокойствие жизни –
На мудрое спокойствие духа.
Телевопли и теледебаты –
На диалог двух оставшихся на ветвях осенних
листов.

Меняю
Заверения в преданности мимоходных друзей –

На предательский писк комаров за спиной
в полночь,
Духи от Коко –
На аромат свежескошенных трав.

Меняю
Только пищу дающую газовую плиту –
На тепло и пищу дающий огонь костра,
Огонь – вдохновенье.
Белый лист бумаги, уставший от своей белизны, –
На ржавый листок из блокнота,
Усеянный буквами новых творений.

Меняю час суетных суток –
На полчаса любимых раздумий.
Свое суперодинокчество
В разноликой и разновеликой стране –
На одинокость в одной из ее частиц,
Где человек еще не превратился в товар,
А товар – в подделку.

Меняю
Квартиру в центре шумного города –
На скромную хату в Болдине /шутка!/
Звонить по...
Телефонный кабель в ремонте.

ЗАБЛУДИЛОСЬ ЭХО

Среди гвалта, спешки, чепухи,
Над страной, почерневшей от страданий,
Проплывают невидимками стихи –
Мимо сердца. Мимо парка. Мимо зданий.
Как остывшая ненужная еда,
Как опасное просрочкою лекарство,
Проплывают к никому и в никуда,
Наплевав на уют и на мытарства.
Мимо согнутого холодом бомжа,
Под веселый мат детишек демократии,
И под музыку с восьмого этажа
Разгулявшейся комковой братии.
Надышавшись пылью книжных полок,
Пронесутся, чтоб растаять где-то,
Или бродят, беззащитные и голые,
Одаряя землю чистым светом.

Со своею мыслью среди бессмыслицы,
С теплотой, угасшей в жаре будничном,
Проплывают, не имея пристани, –
Порождение прошлого без будущего.
Стих звенит... Но заблудилось эхо.
Что ж, эпоха стихолюбья канула.
Стих – он нынче горький шут без смеха
И певец без слуха музыкального.
Но уж если в черно-синих сумерках
Все ж родятся бедные счастливыцы,
Значит, что-то в нас еще не умерло.
Значит, есть надежда пробудиться.

* *
* *

Уходят романтики в небытие.
Уходят... Уж так получилось.
Хоть было непросто их звонкой семье
Сдаваться эпохе на милость.
И злато заката, вершин серебро
Сменить на шуршанье валюты...
Но главное – это сменилось нутро,
На бизнес закручено круто.
И песнь о геологах воем попысы
Заткнула эстрада беспечно.
Прощайте, романтики... Только часы
Мы сверим, в надежде на встречу.
Уходят романтики... Синий туман
Растаял в назойливом смоге.
И это страшней для России беда,
Чем дураки и дороги.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Яричев Умар. В обойме времени. Стихи. Поэмы.**
Грозный, ГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2005
- **Шевченко Виталий. Уходит память в тишину... Стихи.**
Ростов-на-Дону, «Ирбис», 2006

ЭСМЕРАЛЬДА ИЗ ПРИКУМЬЯ

ПОВЕСТЬ

Если бы знала Галина, чем обернется ее упрямство, тысячу раз открестилась бы от желания все сделать по-своему. Да что теперь вздыхать? Во всем виновата она. И сколько ни кланяйся да ни молись, Бог и не взглянет, нет ей покоя, нет прощения...

Сквозь тонкие шторы окна сочился рассвет, а подушка, как камень, ни сна, ни отдыха. Пора вставать, впереди еще один день, до краев наполненный заботами. Галина не давала себе продыха, лишь бы не оставаться наедине с мыслями о своей непутевой жизни. Стоило ей остановиться, тяжелой волной накатывало раскаянье, горло сжимал один и тот же вопрос: «Могла ли она тогда остановить ход событий, или это было не в ее воле?». Птицей на плечах сидела горькая вина, и не было у нее сил отогнать ее от себя.

Во дворе хлопотала мать, слышался ее голос.

«Цып, цып, цып...», – подзывала пернатую живность Анна.

Со стороны улицы донесся громкий рокот мотоцикла – кто-то подъехал к калитке, лихо развернулся, заглушив мотор. Галина оделась, перебирая в сумочке вещи: ключи от машины, от сейфа, деньги, пудреница.

«Так, вроде все на месте», – решила она, выходя на крыльцо.

Радугой красок и звуков встретило ее утро. Галина зажмурилась, глядя на солнышко, вдохнула теплый, напоенный духмяным разнотравьем воздух:

– Как себя чувствуешь, мама? – спросила она Анну, вглядываясь: кто это ждет ее у ворот?

– Бог миловал, доня, хорошо. А ты опять макового зернышка во рту не держала! Ну сколько ты мучить меня будешь? Каждый раз не евши из дома уезжать? Истощаешь!

– Все нормально, мама, не сердись, я в правлении поем, заодно погляжу, как в столовой рабочих с комбината кормят, – чмокнула ее в щеку Галя.

У ворот дождался ее Степанов сын. Галина вздрогнула, увидев его.

– Здравствуйте, Галина Ивановна! Меня с конезавода прислали, просили передать, чтобы вы сегодня обязательно заехали к ним. У Виктора Макаровича дело к вам имеется.

– Заеду, коли просят. А ты как? На свадьбу скоро позовешь? – спросила его она, втайне любясь парнем; уж больно похож Денис на своего отца, как наваждение: будто нет прожитых лет, а стоит перед ней молодой Степан, слегка наклонив голову, пощипывая рукою ус...

Сердце зашло болью от этого видения.

Зоя Магомедовна РАЗУМОВСКАЯ-ЗЕБНИЦКАЯ (род. в 1951 г.). Прозаик, автор книги философских миниатюр «Пустырь и Мыслитель», остросюжетных повестей «Баден-Баден» и «Миссия». Повесть «Эсмеральда из Прикумья» публикуется впервые.

Денис поймал ее странный взгляд и отвел глаза, он знал, кем был для Галины его отец.

– Нет, тетя Галя, не выросла еще невеста моя...

– Так ведь все девчата в станице по тебе сохнут.

– То, они сохнут, а надо, чтоб я присох!

– Ох и коварный ты парень! – покачала головой Галина, взъерошив ему чуб, – гляди, доперебираешься!

Она пошла к своей машине, на ходу доставая ключи, а Денис смотрел ей вслед, на все еще статную фигуру Галины. Смотрел мужским взглядом, всем сердцем понимая и не осуждая отца.

...Люди говорят, что ее подобрали. Кто-то принес к дому завернутого куколем младенца и положил в сарай на сеновал. А собака привела хозяев к подкидышу.

Да и то верно, не похожа была Галина на свою родню – ни на мать, ни на отца.

– Левокумская она, – говорили люди, – там такие востроглазые!

– А может, ее цыгане подкинули, глядите: волосенки-то черненькие! – шутили другие.

Много толков было – откуда ребенок, в одном только сходились станичники: Анне с Иваном счастье привалило за добрый нрав и терпение.

Бабка звала ее не иначе как приبلудой, но любила истово.

Росла Галина крепкой, не было в ней убогости да сиротской прибитости.

С младых лет по-хозяйски себя вела, будто одолжение своим родителям делала, что у таких тихих да неприметных поднималась красавицей.

И все ладно в доме было, мирно жили, дочкой гордились. А она хоть и крутила родней по своему усмотрению, но благодарна была всем сердцем.

Только нрав имела озорной, остра была на язык – спасу нет! Никакого угомона на нее не было.

– Змея, а не девка! Что у нее во рту жало двоякое, так к доктору не ходить! – ругались мужики, а Виктор Макарович, председатель правления, пряча довольную улыбку в усы, напутствовал: «Ты, Галина, хоть и достопримечательность станицы, но не гордись, а учись, чтобы прославила Решетовку нашу!»

Да только не к добру красота ее была.

Еще совсем девчонкой выйдет из дома, а пацаны на велосипедах ее ждут, глядят, кому она на задки сядет. А потом Галкиного избранника бьют лютым боем. Вечером мать битого кричит на всю станицу: «Люди добрые, поглядите, опять из-за этой заразы хлопцы передрались! Да чтоб ты провалилась, проклятая!»

А уж как подросла...

Что-то колдовское было в Галине, притягательное. Рослая, сильная, с серыми, яркого и чистого цвета глазами, с белоснежной улыбкой сквозь красивый изгиб губ. Тяжелые каштановые волосы обрамляли белое лицо. И этот контраст между светлыми глазами и блеском темных волос являл собой загадочное единство гармонии. И лишь густые, вразлет, словно крылья, брови подчеркивали характер. Она запоминалась сразу, стоило только взглянуть на нее. Словно вобрала в себя всю удаль и красоту казачьей вольницы, все мечты и чаяния о некоем образе женщины, от которой пошел род на этой земле.

– Изведут тебя девки окаянные, – вздыхала мать, – вон в субботу Валька Шанкова за речку шмыгала к знахарке Таисии! Кралась, как воровка, а назад довольная шла, порозовела вся, будто чьей кровушки напилась. Небось, на тебя колдовала, от парней отворот ворожила. Ты бы в город подалась, злые здесь все. Не дадут тебе, донечка, цвести, изведут!

– Не боюсь я их, мама! Что с их рожами-то ворожить? А мне и самой тут все уныло. Вот справлю аттестат и поеду, на институт замахнусь. Виктор Макарович направление обещал дать. А если по конкурсу не пройду, так в техникум поступлю. Только хлопцев жалко – за кого они морды друг дружке мять будут? Сопьются они от тоски по мне! – сверкала в смехе зубами Галина.

Как в воду смотрела: поступила в институт, словно песню спела. Хотя проходных баллов не добрала, но председатель приемной комиссии бился за нее, как за родную: «Это же золотой фонд, – говорил он, – из села, из глубинки, а сколько воли и желания учиться!»

А потом отыскал ее в коридоре и, крепко стиснув плечо, выдохнул жарко: «Отвоевал я тебя, красавица, смотри, благодарной будь!»

Целый год она «морозила» декана, пока на экзамене он не забрал ее зачетку, зло бросив: «Верну, когда заслужишь!»

В тот вечер она вышла из общежития и в темном переулке села к нему в машину. Не успел декан «дать по газам», как обняла его крепко и поцеловала в губы. Поцеловала так, будто «захват» произвела. А когда он задохнулся от дикой силы, что исходила от этой девчонки, Галина, откинувшись на спинку кресла, сказала, как приказала: «Женись на мне! Че зря кувыркатся-то? Смотри, какая я!»

...Несколько месяцев спустя под косые взгляды деканата, под вой и проклятья жены он развелся и повел Галину в загс.

– Живешь, как мед ложкой пьешь! – говорили ей подруги, а Галина вспоминала эпизод из детства...

Тогда учительница ботаники пригрозила ей двойкой за то, что в ее гербарии нет черенка и цвета вишни.

– На дворе октябрь, где же ей цветок вишни взять? – горевала Галина. Придя домой, побежала она в сад и с такой неистовой надеждой стала смотреть на вишни, что росли вдоль забора, будто и не деревья это были, а ангелы, у которых просят помощи. Но ничего, кроме облетевших веток и сморщенных черных ягод даже на самых верхушках, видно не было.

А на третий день, пробегая утром по выложенной кирпичом дорожке, что ведет к калитке, Галина вздрогнула. Будто кто позвал ее! Оглянувшись на вишню, она не поверила своим глазам! На почти голом дереве, в развилке веточек, белым лебеденком сиял цветок, качаясь на крохотной кисточке с двумя бутонами. Святые небеса или оттепель сотворили это чудо – неведомо, но оно существовало!

Галина смотрела на цветок и понимала детским сердцем, что это не просто чудо, а некий знак: проси и непременно дадено тебе будет. Надо только очень верить и ждать!

Когда она, бережно положив цветок в коробочку, прикрыв шелковым лоскутом, принесла его учительнице, та несколько не удивилась.

– Положи его под пресс, высуши, – сказала она.

Галина замерла от удивления: «Чудо под пресс? Высушить чудо? Как она может так говорить!»

– Ни за что! – выдохнула Галина, прижав цветок к груди.

Учительница подняла на нее глаза и, увидев в этой крохотной, отчаянной девчонке прирожденную соперницу, мстительно вывела в журнале жирную двойку.

С тех пор Галина вычеркнула из своей жизни женщин. Ни одной, даже самой лучшей подруге, она не давала ни единого шанса. Она всегда была соперницей, веря только в себя и в нечто большее, чем она сама, что вело ее по жизни, даря порою чудеса.

Окончив институт, она «пустила под откос» свою разлюбленную жизнь с деканом. Ушла от него легко, на прощание посоветовав:

– Возвращайся-ка ты в семью. Они тебя хоть любят, не то что я!

Замученный всеобщим осуждением, сплетнями и пересудами, стыдась терпеливой жертвенности бывшей жены, он с радостью и облегчением согласился, а Галина стала работать на производстве, где проходила еще студенткой практику.

Там у нее была крупная цель...

Директор предприятия хоть и был крепким хозяйственником и примерным семьянином с тремя детьми, но главные ценности жизни уважал. А что в этом мире ценнее денег? Конечно, женщина!

Когда Галочка заходила к нему в кабинет подписать документы или обсудить рабочий момент, счастливая улыбка не сходила с лица директора. Окончив дела, она царственно направлялась к двери, так покачивая стройным станом, что начальник от волнения покрывался липкой испариной, а потом еще долго смотрел ей вслед. Смотрел на закрытую дверь кабинета, как на экран, прокручивая в голове одному ему ведомое кино про себя и Галину.

Но прежде чем сделать решительный шаг и набросить пленительную сеть на склоненную голову поклонника, Галине надо было съездить в родное село, повидать Степана.

Каждый раз, выходя на тропу жизненной борьбы, ей необходим был глоток своей окаянной любви, что, как зов волчицы, будоражил ее кровь.

Этот щемящий зов смешивал в голове мысли, наливал упругостью грудь, оттачивал до звонкого перелива смех, загибал вверх ресницы и поволокой истомы затягивал взор.

...Бог ведь, когда это началось – четырнадцать ей было или уже исполнилось пятнадцать, – кто их считал, ее годки?! Уже нарезали круги вокруг нее парни стайками да поодиночке, а она сердцем, не взглядом, выбрала Степана. А ведь неказист он был тогда.

Чуть старше Галины, после окончания сельскохозяйственного техникума, ушел работать к отцу в техническую бригаду, «гайки крутить». К нему молодые бабенки, озверевшие от беспробудного пьянства своих мужей, уже стали приглядываться.

Выжидали: годок-другой – и наберет парень стать, а там с ним – хоть в лесок, хоть на сеновал...

Да только Галина ждать не стала. Что-то в проклюнувшемся пушке над губами да в развороте крепко сбитых плеч Степана ей подсказало: вот он, источник такой же неизбывной силы, что уже колобродила, вскипала и искала выхода в ее девичьей груди. Страсть вспыхнула, как молния в грозу. Словно мелкая речушка, в одну проливную ночь набравшись влаги до краев, превозмогая себя, ринулась по новому руслу, сметая все на своем пути.

Так и поладили они, так и полюбили. И никто не знал об их любви, будто сама ночь накинула на эту не по-юношески взрослую связь свой покров. Будто знала со своей высоты, что страсть их исконная, редкая, какая на миллион – одна. Как жизнь, как природа, что их окружала, – мощная, реальная, живая.

Так среди людей, когда любовь иссякает, стирается, обрастает ложью, красотью и уродством, рождаются вновь Адам и Ева изначальные. Происходит это с непостижимой закономерностью, в строгой временной последовательности. И от их первозданных чувств, незамутненных ни ложью, ни корыстью, обновляется любовь, очищается и возвращается к людям.

Может, придумала себе все это Галина? Но в том, как невидимый магнит сближал и притягивал их со Степаном, как, прикоснувшись друг к другу, сливались они в единое, неразрывное целое, в том, как уходила земля из-под ног и опрокидывалось на них жаркое небо, было нечто тайное.

То, что рождается подальше от людских глаз и в сакральном укрытии зреет и крепнет до тех пор, пока молодой любви становится не страшен этот мир.

И только когда Галина, будучи студенткой, приехала домой на свои первые каникулы и открыто встретила со Степаном, охнула станица.

Прознала, догадалась, откуда ниточка тянется, и загудела, зашумела: «Так вот почему Степка от наших нос воротит! Вон оно, когда они еще снюхались с Галкой! А мы – ни сном, ни духом! Она хвостом махнет да в город укатит. А как там себя блюдет, бабка надвое сказала! А он тут, как неприканный, и никого в упор не видит. Да как такое стерпеть-то?!»

Они же, не глядя ни на кого, не слушая молвы, пошли на свое космическое сближение. Облюбовав островок у излучины реки, объявили его «островом любви» перед всем миром, не таясь.

И пошел раскол в станице.

Мужики, не сговариваясь, стали их любовь сторожить. И хоть славный затон был у излучины, не рыбалил никто, а как бы невзначай приставили там казачат на «стреме» стоять.

И не зря! Потому как на третий день, накрутив характер матери Степана, горя мщением, ринулись бабы к реке. Шли прекратить этот блуд – поженить любовников или разлучить, чтоб дурного примера для остальных не иметь.

Тогда пошел по станице свист. Казаки, засунув пальцы в рот, как по телеграфу, от куреня к куреню передавали сигнал тревоги.

Свистели до тех пор, пока малец, что караулил их у самой кромки реки, не залился оглушительной трелью.

Когда женщины, галдя и размахивая руками, добрались до «места преступления», влюбленных и след простыл.

Позже Галина раздумывала: «Почему казаки поддержали их со Степаном?!» И поняла: даже самый неказистый мужичок в глубине души – рыцарь. В каждом из них живет часовой и страж любви, потому что мужчины, в отличие от женщин, чтят любовь как высшую меру жизни. Злыми и гулящими они становятся от поруганной любви, когда все, о чем мечтал мужчина еще мальчиком, во взрослой жизни оборачивается ложью.

А остров их любви прозвали в станице «Степанов» или «Блудный», т. е. полюбивший, как кому понравилось.

Да и то верно: не сговаривалась Галина со Степаном на жизнь и домострой. Разная у них была дорога, разная судьба, только любовь одна-единственная, не обремененная ни бытом, ни родней, ни чужим указом. И хотя страдал Степан, когда она уезжала, наливался тяжелой яростью на разлуку, Галина, как рукой, отводила все его попытки что-то изменить, говоря: «Не на жизнь мы с тобой венчаны, Степан, – на любовь!»

Через год его забрали в армию, а Галина замуж за декана выскочила. Ей мать написала тогда: «Ты, доня, не приезжай со своим в станицу, а то казаки дюже злы на тебя. Говорят, что Степан служит в “горячей точке”, жизнью рискует, а ты вроде как изменница подлая. Пережди пока, пусть поутихнут».

Да разве угадаешь судьбу?! Месяцев пять спустя ранним утром открыла она на звонок дверь и обмерла. На пороге стояла сестра Степана.

– Беда у нас, Галина, – без приветствия сказала она, – Степан тяжело ранен, в госпитале лежит. А где мне искать этот госпиталь, не знаю. Тетка Анна твой адрес дала, вот с вокзала я и пришла...

Галя бросилась хватать Ольгины оклунки, затаскивать их в квартиру, слезы градом полились у нее из глаз. Но Ольга сурово осаждала ее: «Ты не больно хлопочи! Если б кто еще в городе был из наших, ни за что бы к тебе не пришла. И помни, Степан все знает про твои шашни и про хахалю твоего. Может, оттого и под пули полез. Нам в военкомате сказали, что он ранен в геройском бою, и его из одного госпиталя в другой перевозили. Помоги найти его, а там сама решай: показываться ему на глаза или нет».

Что уж было потом, Галя толком и не помнит: как в горячем бреду, разыскали они Степана, рухнула она на колени, увидев его, изуродованного, перевязанного, без сознания лежащего на солдатских простынях, как не отходила от него ни на миг, борясь с черной смертью, которая не хотела выпускать его из рук.

А когда сошел жар и Степан, открыв глаза, увидел Галину, то не было у него сил прогнать ее.

Так и поднимались они рука об руку, оправлялись от болезни, тщательно обходя любой намек и разговор о Галкином муже.

Только другим стал ее любимый. Как подменили его!

То ли контузия сказывалась, то ли насмотрелся он в своей «горячей точке» на такое, что все остальное в жизни уже не имело значения, но появилась в нем задумчивость и отчужденность. Какое-то холодное бешенство накатывало на него порой – пот градом струился по вискам и трясло его, как в лихоманке.

Как-то к вечеру в воскресный день она пришла к нему. Его уже на выписку готовили. Молча встретил он Галину, потом взял за руку и повел в дальний угол больничного коридора.

Там, в маленькой комнатке, где санитарки держали швабры и ведра, он грубо, не терпя сопротивления, овладел ею. А потом сел на грязный кафельный пол, обхватил голову руками и, раскачиваясь всем телом из стороны в сторону, стал повторять: «Сука ты, Галка, какая же ты сука! Что ж ты ломаешь меня? Война не сломала, а ты веревки вьешь. Убью я тебя, убью, убью!», – он так глянул на Галину, что она охнула, сползла по стеночке и, упав ему в ноги, горько заголосила: «Степушка, прости ты меня! Прости Христа ради! Ну не могу я быть всегда с тобой рядом – РАЗ-ЛЮБ-ЛЮ... Я хочу тебя искать, ждать, желать, чтоб все у нас было, как в первый раз! Ну что тебе до остальных? Ведь ты у меня только один – муж мой, любовь моя единственная». Она гладила и целовала его волосы, щеки, глаза. Закрывала поцелуем готовые вырваться из уст его гневные слова, припадала к груди, жарко шепча: «Только ты, только ты, только ты...»

Так и плакали они о своей любви, в которой вместе быть нельзя и врозь невыносимо.

Больше она к нему не приходила, памятуя о страхе, что испытала перед мужчиной единственный раз в жизни. Просто не готова была тогда умереть. Ничего не хотела терять – ни судьбы, ни любви. Слишком молода еще была, слишком полна безудержной жадной жизни. Но запомнила это навсегда: убить, как и любить ее, может только Степан!

Накрепко запомнила...

Чуть позже бойца мотострелковой бригады сержанта С. Немова комиссовали, наградили медалью «За отвагу», и он вернулся в Решетовку.

Мать потом писала ей: «Степка поначалу сильно пил, хотя работать сразу стал на прежнем месте. Ольга, сестра его, всем растрандела о том, как ты его в госпитале выхаживала. Ходят слухи о предстоящей женитьбе Степана на фельдшернице Любе. Говорят, что она по долгу службы к ним в дом ходила,

глюкозу ему ставила для окончательной поправки после ранения. Что к матери Степана ужом приластилась, и теперь мать его пилит: «Женись да женись!»

А народ глядит, чем дело кончится. Говорят, что сам-то он к Любке без внимания, по тебе сохнет. Спрашивают меня ехидно, не собираешься ли ты в гости?

Я Таньке с третьей линии аж под ноги плюнула, говорю: «Да когда ж вы успокоитесь? Галина учится, замужем давно, живет в хоромах, муж у нее начальник. Ей до вашего Степана дела нету. А что у них там было, какое кому собачье дело?»

...Но месяц спустя сообщила, что в конце августа все-таки будут свадьбу играть. Галку эта новость, как хлыстом, ударила. Ни пить, ни есть не могла, все ходила из угла в угол, решала: разрубить ли этот гордиев узел, бросить все и вернуться в станицу? Зажить счастливой жизнью, нарожать Степану детишек! Или оставить все как есть?

Противоречия раздирали душу Галины. Вот когда «аукнулись» ей страдания Степана! Ревность, словно пуля, пробила ее сердце насквозь.

На третий день терзаний она встала ранехонько, умылась холодной водой. Будто на угли плеснула, жар погасила. Собралась налегке и рванула в Решетовку, благо, июнь на дворе!

Но прежде чем сесть в рейсовый автобус, забежала на вещевого рынок набрать подарков для родни. У декана ее только что летняя сессия закончилась, так что денег хватало...

Сколько бы она ни ездила этой дорогой домой, дух каждый раз захватывает от красоты, что расстилается кругом. Пока хватает взора, тянутся по окоему серо-голубые холмы, будто акварелью писанные. Легкая сиреневая дымка скользит по их вершинам, опускаясь длинными языками в синие распадки. А над ними – клубящиеся облака ослепительно белого сверкающего цвета.

Пониже холмов – изумрудные перелески и залитые солнцем поля, что в сердечном изгибе спускаются к родимой речке – матушке Куме.

– Дед, а почему речку так называли? – спрашивала она в детстве сидящего на берегу с удочкой старика.

– А ты не знаешь? В ней ведь казаки наши, первые поселенцы, детей своих крестили. Да... Еще церковью не построили, а обряды христианские блюли. А крестную как называют? Кума! Вот и стала речка крестной для казаков. Это, почитай, наш местный Иордан...

– Дед, а Иордан – тоже казак?

– Не, дитя, эта река такая, далеко. В ней сам Господь крестился!

– Вона как... – удивлялась Галина.

Через всю жизнь с любовью и священным трепетом в сердце пронесла Галина эту быль про свою родовую речку.

А дорожка вьется. Вот уже и фермы показались, а на крайних улицах станицы встречают автобус гуси. Машут крыльями, гогочут, недовольно вытягивая шеи, ругаются.

Эти чудо-птицы – народ особый! В доме у них гусак Гришка – пуще собаки злой. Кобель во дворе по лютости ему в «пыль не попадает», так себе, для форсу и для брехни, а для охраны – Гришка! Никого на порог не пустит, как коршун,

налетают, щиплет больно, крик поднимает со своей шелкоперой командой на всю округу.

Улыбается Галя в предчувствии встречи со всем, что так дорого ей, думает: «Мама стареет, болеть стала. Надо в город ее отвезти, врачам показать. Отец уже силы подрастерял и к бутылке проклятой часто тянется. Крыша у дома совсем прохудилась, надо бы мастерам ее перебрать. Вишни ее ненаглядные жмутся к плетню. Каждый куст, каждая травинка знакома, люба до слез!»

И только мысли о Степане гонят прочь от себя. Ждет ли ее казак лихой, орел степной?! И кипит в ней кровь от предстоящей встречи, и жаром щеки обдает.

... Каждый вечер она к излучине ходила, ножки в речке мыла, все на остров глядела. Не приходил Степан.

В четвертую же ночь скрипнула калитка, сбрыхнула и тут же умолкла собака, узнав своего. Галина выбежала на крыльцо – в лунном свете, как привидение, стоял ее любимый. Бросилась к нему, прижалась горячими губами к губам, зашептала счастливо:

– Степушка, милый, ненаглядный мой! Вот и пришел, дождалась я тебя! А то думала: позабыл ты нашу любовь, навсегда меня оставил!

А Степан, подхватив ее на руки, шагнул в темноту, повторяя: «Извела ты меня, Галка. Начисто извела!..»

Кивали им тонкими ветками вишни в звенящей тишине. Ветер ласково теребил кусты шиповника, усыпанного розовым цветом, вздрагивал и вздыхал жасмин. А камыш в тихой заводи шелестел, меж собой о любви говорил...

Как и прежде, укрывала их покровом ночь, глядя звездными глазами на дивную любовь – одну на миллион! Но одна звезда ярче всех сияла посреди подруг. Галя подмечала, что она будто пасла их со Степаном, словно поставлена была на небосвод гореть для них двоих, быть свидетелем, чтобы молвить потом перед Богом словечко. Заступиться за их любовь.

Как имя твое, звезда?!

Много позже, приехав с иностранной делегацией на одну из высокогорных обсерваторий, она спросила: «Что за звезда так ярко горит в летние ночи над полями Прикумья?»

– В какой стороне? – уточнил астроном.

Галина почти безошибочно указала направление.

– Юго-запад? Значит, это альфа Волопаса!

– Альфа Волопаса!.. – зачарованно повторила Галина, чувствуя, как неукротимая радость охватила сердце, заходила у нее в груди. «Только так должен был называться пастырь их любви. Только так!»

... Широки дорожки, да узки соперниц тропки. На второй неделе встретились они с Любаней. Та с подружками стояла на площади перед магазином. Галина спокойно прошла мимо, не глядя на них, только брови ее чуть дернулись в усмешке. И разминулись они вроде, но в спину ей камнем было брошено: «Шалава!»

Галина замерла, потом развернулась, сделала два шага вперед и со всего размаха залепила Любке пощечину.

Все ахнули и расступились.

Люба после секундного замешательства, не зная, что предпринять, хотела броситься на обидчицу. Но, встретившись с Галкиным взглядом разъяренной тигрицы, не посмела.

Сильная, смелая стояла Галина, как скала, готовая умереть, но не отступить.

Закрыв лицо руками, Люба разрыдалась и кинулась прочь от своего позора.

Галина обвела взглядом ее подруг, как бы вопрошая: «Кто еще на меня?». Получив в ответ молчаливый укор, повернулась к ним спиной и пошла своей дорогой.

Женщины, что торговали картошкой перед магазином, загомонили вразнобой:

– Ты что себе, Галка, позволяешь? Да разве так можно?! Она ж невеста его!

– Она невеста, а я жена... – процедила Галина, уходя с окаянного места.

– Жена! Слыхали, бабоньки? – понеслось ей вслед. – Что-то больно много у тебя мужей развелось. Гляди, отравит тебя фельдшерница! Отольются тебе ее слезы!

Галина шла, ничего не видя перед собой, горько было у нее на душе. Разве такой желала предстать она перед соперницей? Нет! Хотела быть веселой, насмешливой, равнодушной. Как шубу с барского плеча, как крохи со стола, хотела сбросить Степана ей в мужья.

Что-то теперь будет...

Через час к дому Галины подъехала председательская машина.

Виктор Макарович, зайдя в горницу, поглядел тяжелым взглядом на Анну и сказал:

– Зови, мать, свою Эсмеральду!

Галина пришла и, как в юности, стесняясь и потупив взор, встала перед ним.

– Ты что, девонька, очумела? – загремел он. – Такие пляски на площади устраиваешь! Развела тут «Собор Парижской Богоматери», ядрена в корень! Вы что, последние в станице? Люба – фельдшер, ты – без пяти минут экономист, а сцепились из-за солдата, как лахудры драные. Позорище! – он яростно засмолил цыгаркой. – Собирайся, отвезу тебя подальше, а то доведешь тут всех до смертоубийства. Перебаламутила ты, девонька, народ.

Галина кивнула головой, без звука набросила кофточку, взяла в руки уже собранную сумку и, обняв мать на прощание, пошла к машине.

Всю дорогу Виктор Макарович вздыхал: «Что за народ вы, женщины, не пойму... Ну чего ты, Галка, как собака на сене? В какое положение Степана ставишь?! С какого перепуга ты приехала перед самой свадьбой? Чтобы гонор свой показать, поломать теперь и Любаше судьбу? Откуда в тебе эта беспощадность?»

– Любовь у нас, Виктор Макарович...

– Так кто же тебе мешал эту любовь обустроить? Сама виновата! В

городе за кандидата наук выскочила! Значит, зря мы тебя учиться направляли? Нам позарез специалисты нужны, а ты всех пустила побоку: и Степана и родную станицу!

Галина, уже отойдя от стресса, избежав взрывоопасной ситуации, расправилась. Глазам ее вернулся озорной блеск. Она потянулась всем телом так, что косточки хрустнули, и, развалившись на заднем сиденье, лукаво приготовилась слушать нотацию.

Председатель глянул на нее и аж крикнул от досады:

– Эх, девонька, наломаешь ты еще дров по жизни... А в станицу, смотри мне, больше ни ногой! Пока Степана не женим да детки не пойдут, не смей!

– Ясно-красно! – рассмеялась Галка, – дело житейское: дети, куры, гуси... А когда Степа всю эту радость разведет, мне в дом родимый вернуться можно?

От таких слов Виктор Макарович подавился дымом сигареты, долго кашлял, сдерживая матерщину, а откашлявшись, просипел:

– Не была бы ты, Галина, замужней женщиной, остановился бы здесь, прямо в поле, да отхлестал бы ремнем, чтоб глаза твои бесстыжие повывлазили!

Галка еще шире заулыбалась: «Не сердчайте, господин начальник, а примите от меня подарок любезный. – Она достала из сумки красивую коробочку с галстук-бабочкой. – Будете в этой бабочке на правлении дояркам грамоты вручать!»

Председатель глянул на Галку хитро и съязвил:

– Давай, я ее на свадьбу к Степану надену!

Галина закручинилась, отвернулась к окну и не проронила больше до конца дороги ни слова.

На прощание она обняла его, как дорогого человека, пообещав:

– Я обязательно вернусь, Макарыч! Вот покурю еще годков пять и вернусь!

– Ой-ли?... – сдвинул на затылок фуражку председатель.

Странные чувства обуревали Галину. Она точно знала, что стоит ей только тронуть маховик судьбы – он начнет вращаться с неумолимой силой. В его стремительном движении полетит к чертям жизнь директора, его детей и ополоумевшей от центробежного распада семьи, жены.

Но ни сожаления, ни жалости к этим фатальным событиям не испытывала. Она ничего своими руками не делала, просто появлялась в нужное время в нужном месте, а уж события развивались сами по себе. Она была не охотницей, а скорее, предметом охоты – вожаемым призом, ради которого не жалко и дров наломать.

Душу ее обуревало только одно чувство – азарт. Удалой азарт ставки, словно шарик, брошенный в рулетку судьбы.

Он точно останавливался на «зеро», за которым всегда стояла Галина, потому что не несла с собой ничего, кроме собственной свободы.

Она ни от кого не требовала любви, она была наполнена ею до краев. Мужчины же, чутко улавливая в ней этот неисчерпаемый источник,

сами жаждали припасть к нему, за один глоток такой любви готовые перекрошить все вокруг себя, прорваться и зачерпнуть, сколько удастся, этот драгоценный дар.

Для них это была любовь, а для Галины – просто жизнь, ее плоды, ее устройство. И видит Бог, ни зла, ни корысти в том, как она срывала эти цветы, не было!

Городские цветы – красивые, ухоженные, порой диковинные, но без корней, как перекасти-поле, сорвались со своей земли, не помня родства. Сорвались и зацепились за комфорт квартир, офисов, машин, создав огромный уродливый куст под названием «город», прорастая и паразитируя друг на друге.

Она вообще потомственных горожан считала ущербными, относилась к ним как к растениям в горшках. Тот, кто не чуял свою землю босыми ногами, не черпал воды из студеных криниц, не собирал диких трав и ягод в сыром перепревшем лесу, кого не поднимали с зорькой петухи и гомон живности на базу, кто не вдыхал полной грудью пар от поднятой плугом пашни, тот, вроде, вовсе и не жил.

Она была твердо уверена: деревня – это колыбель, в которой надобно родиться. А уж потом, как в школу, можно идти в город учиться мудреным наукам и по свету можно погулять. Но непременно на закате жизни вернуться обратно к родимой земле, чтоб петухи тебя отпели.

Иногда ей снился один и тот же сон, будто она, как в сказке, становилась огромной дивой и легко плыла по воздуху, между небом и землей, не касаясь ногами почвы, она шла-летела по направлению к городу. С высоты ее роста он казался ей огромной, усеянной светлячками-огнями тарелкой с неровными краями, брошенной в поле среди холмов.

Она знала, что если ей набрать в щеки побольше воздуха и дунуть на эту тарелку, то она разлетится на тысячи светящихся осколков. Но в последний момент Галя вспоминала свой институт, уютную однокомнатную квартирку, своих любимых и нелюбимых мужчин, и отменяла опасное решение.

Самым упоительным в этом сне было пробуждение. Она открывала глаза в полной уверенности, что когда-нибудь пробьет час и ее могучее желание осуществится.

В реальной жизни она шла сквозь битвы, завоевания и потери с одной лишь целью. В одной надежде, что настанет день и она, опьяневшая от ласк Степана, спустится по кромке бережка своего острова, нагая ляжет на камушки мелко-водья в излучине родовой реки. А вода, журча и перекачиваясь по всему телу, унесет, очистит и смоет ее грехи, смоет следы чужих рук, жажду и жадность обладания, мусор тщеславия, гордыни, блуда, отчаянья, ханжества и стыда.

Отдаваясь в безраздельную власть природе, сольется она с рекой, раскинув руки, словно русалка, глядящая из воды в синее небо.

Вновь рожденная, выйдет она из воды, отожмет рукою волосы, а полынный, горячий ветер со степи будет целовать ее, наполняя сердце звенящей радостью бытия.

После своего внезапного отпуска Галина вышла на работу и обнаружила, что дела пошли совсем не так, как она планировала. Слишком уж стремительно стали развиваться события.

Утром ей позвонила жена директора. Как только Галя услышала ее шипя-

щий от ненависти голос, она положила телефонную трубку на стол и метнулась в кабинет директора, попросив его нажать клавишу селекторной связи.

Все выходы с «цыганочкой», которые исполняла в гневном монологе его супруга, директор прослушал с выпученными глазами. Когда все было кончено, он, утирая пот, только и мог сказать: «И с этой женщиной я прожил пятнадцать лет?!»

«Карфаген» был разрушен без малейшего усилия со стороны Галины. Ситуация требовала немедленных действий – надо было срочно «брать быка за рога». Что она и сделала...

– Успокой ее, – сказала Галина с сочувствием и пониманием, – скажи, что я не собираюсь сиротить ее детей. Ты ведь любишь своих детей? Вот и оставайся с ними... А я буду рядом, – она положила на стол рекламный проспект строительной компании. – Квартиру мне купишь вот здесь, – она ткнула пальчиком в изображение дома. – Это рядом с твоим микрорайоном, с другой стороны. Мы назовем наше гнездышко «Обратной стороной луны», чтобы твоя благоверная даже в телескоп нас не разглядела.

Она пошла из кабинета своей фирменной походкой, бросив на прощание:

– Но надо поторопиться, милый, а то квартиры в этом доме быстро продаются.

Директор посмотрел на прайс-лист с расценками квадратных метров, поскреб в затылке, с радостью и огорчением понимая: «Пришла пора доставать заветный чемоданчик. Что ж ему без дела лежать?!»

... «Обратная сторона луны» находилась на седьмом небе – на седьмом этаже элитного небоскреба, полукругом на три стороны света, с панорамными окнами, с безразмерными, как пляжи, лоджиями, скоростным лифтом, японским домофоном и консержкой в подъезде.

Четвертая же сторона света надежно отгородила их от жены, троих детей, семейных скандалов, от всего опостылевшего прошлого – во имя Галкиного светлого будущего.

Они вошли в квартиру, и директор протянул Галине ключи с документами о праве собственности. Она радостно взвизгнула, обняла и поцеловала его, сказав одно-единственное слово: «Мужчина!»

Так просто и достойно его не называл никто. Директор посмотрел на маленькую пуговичку Галкиной блузки, что еле сдерживала натиск молодых грудей, и понял – седьмое небо существует!

В стремительном движении вперед Галя никого не обделила своею щедростью душой.

Жена директора пораскинула мозгами да и притихла.

«Будем делиться, чтобы все не отняли», – решила она и стала пылинки с мужа сдувать. Ходила, словно потухший вулкан, – гордая, с клокующей лавой в груди, не допускающая ни малейшего толчка, чтобы от землетряски не рухнуло все, непосильным трудом нажитое.

По глазам мужа видела: стоит ей только «пикнуть» – рухнет все к черто-

вой матери. Чуяла, что знает он про проклятия и угрозы Галине, но молчит.

И она – тише воды, ниже травы. Муж на месте – и слава Богу! А то, что пропадает порой да не ночует, кому, кроме нее, известно?!

...Сколько их на Прикумской земле таких притихших вулканов? Сколько судеб, в молчании раскатанных страданием!

Южный вольный край, где зародился особый тип людей, где эталоном мужчины всегда был отважный и свободный духом казак, для которого борьба, опасность и добыча являлись обыденным делом. В этом краю спутниц жизни мужчины выбирали себе под стать. Это были женщины, умеющие любить, как никто другой, а терпеть – так до гроба.

Да и характер эти женщины имеют удивительный. Обладая волей, мужеством и талантом, способные в одиночку горы свернуть, они ставят, как икону, во главу семьи мужика, склоняя голову перед его воинским достоинством. Любят и терпят трудности, даже если он последний бездельник, а уж если умеет деньги зарабатывать, так цены ему нет! И это парадоксальное смирение является тем цементом, что нерушимо крепит жизнь в казачьих семьях.

Но если уж любовь нагрянет, то она, как ураган, сметает все вокруг, накрывая их с головой.

Такая здесь земля, такой воздух, где на прогретых солнцем полях щедро вырезают не только виноград и пшеница...

И кипят окрест аргентинские страсти, и рвутся в «хлам» неразрывные связи, и стремительно сходятся люди по зову любви.

Кто не жил под этим солнцем, кто не видел золотых полей, янтарных, полных соком виноградников, кто не тянул ноздрями горький запах чабреца и полыни от горячей степи, не видел по весне кипящий цвет алычи и абрикосов, тому вовек не понять, откуда льется эта песнь.

Занимаясь экономическим планированием, Галина стала потихоньку прибирать производство к рукам. Любовь – любовью, а деньги любят свой карман. Умение ладить с людьми, ловкость характера, смелость и пофигизм помогли ей решать самые замысловатые проблемы.

«Щас не пролезем, так завтра пробьем!» – этот девиз Галка начертала на производственном знамени. И пошли дела в гору! Поднялся товарооборот, расширился ассортимент, наладились связи с поставщиками.

Директор на нее надыхаться не мог, делился всем, что имел, закрывая глаза на небольшие финансовые проделки Галины.

Дальше – больше. Галя окончила курсы английского языка в рамках делового общения. Цель была одна – царить по всем направлениям и не подпускать к иностранным партнерам хорошеньких вертихвосток-переводчиц.

Все сходилось, как в пасьянсе, да только одно тяготило – ласки нелюбого. И хоть ладила она с ним наедине, но без огня, без азарта.

Все на небо смотрела, искала свою заветную звездочку. И не узнавала, не находила на городском лоскутном небосводе.

Три года не была она в Решетовке, три долгих года не видела Степана.

Она вызванивала к себе мать. Анна обещала, да долго собиралась. То посевная у нее, то уборочная, то корова вот-вот отелиться должна...

Наконец послала она за ней директорского шофера – важного, усатого, громогласного, похожего на депутата. На удивление и зависть всей станице, в сверкающей и ревушей, как зверь, заморской машине Анна укатила в город – «к дочке на недельку!»

Галя не могла нарадоваться на мать. Анна все ходила по квартире, трогала руками мебель, щупала занавески, любовалась посудой, дивясь дочкиному богатству.

– Это что, кандидат твой так зарабатывает? – спрашивала она, полная уверенности в незыблемости Галкиных брачных уз. – А где он?

– Он на выездной сессии, мама. У чукчей экзамены принимает, – серьезно отвечала Галина.

– Так далеко? – качала головой Анна, чуя сердцем брехню.

– Да! Там сейчас в губернаторах олигарх ходит, так он нашим хорошо за обучение чукчей платит, – куражилась Галка.

Днем они ходили по магазинам с огромными сумками и длинным перечнем заказов для родни и соседей. Некоторые пункты списка приводили Галку в исступление.

– Ну ладно, мама, мы накупили памперсов для всех станичных писунов, а гвозди зачем? Вот, смотри: «Петру – три килограмма гвоздей». Что, в Решетовке гвоздей нет?!

– Ну раз Петр записал, значит, нету, – уклончиво отвечала мать.

– А вот это что? – тыкала она пальцем в список.

– Что? – невинно переспрашивала Анна.

– Накладные ногти разноцветные – 20 уп. Тени для век синие – 20 шт.

– А... Так это девчата просят!

– А расчески для кобыл они не просят?!

– Ну что ты, Галя, сердисься? Ну что, я с пустыми руками воротюсь?!

А еще она очень уморительно здоровалась с дородной вахтершей, считая ее главной в доме. В лифте Галя ее спрашивала:

– Ты что, мам, ей так кланяешься?

– Так она ж управдом!

– Она – консьержка!

– Кто?! – с ужасом уставилась на дочку Анна.

Вечером за ужином, пропустив рюмочку, Анна глянула на Галю зорко и вздохнула:

– Что-то ты, доня, о Степане молчишь, ничего не выспрашиваешь?!

– Да что тут гутарить, мама... Он женатый человек, я замужняя... Что было, то былем поросло.

– Ты дуру-то из себя не строй! Вижу, горишь от нетерпения, аж дымишься!

– Ну так рассказывай, коли дымлюсь, – вздохнула в ответ Галя.

Мать рассказала о том, что Степан нынче не пьет, дом хороший поставил, что Любка его, как «подол развязала», рожает одного за другим. Уже двое детей – погодки, сын Денис и дочка Аллочка. А главное, что Виктор Макарович забрал Степана из бригады и поставил его старшим на сдаче зерна.

На элеваторах сейчас беспокойно. Пришлые перекупщики все зерно скупают, а то и отбирают. Угроза там большая. А у Степана как-никак медаль «За отвагу» и опыт армейский. Как стал он там верховодить – ни одна тонна зерна мимо элеватора не ушла. Казаки его за характер уважают.

А когда на прошлую Пасху из церкви шла, то встретила Степана и не узнала его прямо: похорошел, заматерел, ладный стал. Он при всех поклонился и похристосовался с ней. Любке потом люди рассказали, ее от злости колошматило. Она ведь ходит мимо – не здороваются.

Много чего рассказала Анна: о родных, о соседях – кто помер, кто женился, кого крестили, какой урожай нынче, а в прошлом году – недород, что корова Красуля телочку принесла, так что без молока им не бывать.

А потом пригорюнилась и всплакнула:

– Вижу я, Галя, что ты в достатке, как муха в меду, увязла, а радости в тебе нет. Ты про кандидата своего с чукчами подружкам будешь рассказывать. А я еще годка три назад сон видела. Будто сняла ты платок с головы и надвое его разодрала. А по всем приметам – к разводу это, к разлуке. Значит, думаю, кинула она своего кандидата вместе с его наукой. Правду люди говорят: «У девки красивой не бывает судьбы счастливой». Чем нынче живешь? Мне одной скажи, я смолчу, все, что скажешь, при себе оставлю.

– Ой, мама, не горюй! – рассмеялась Галка, – все у меня хорошо – дом, работа и boy-friend есть!

– Это еще кто?

– Ну друг сердечный.

– Полюбовник?

– Нет, спонсор.

– Галя, да что у тебя за язык такой собачий, ты по-людски можешь говорить? А почему не женится твой спонсор, почему деток не заводите?

– Да у него и без того трое по лавкам сидят!

– Грех-то, какой, Галя! Ты что, его с тремя детьми взяла?

– Ой, мама, с тобой говорить, что воду мимо лить. С ума сойдешь!

– Это ты меня заморочила!

Галя обняла мать и снова подлила в рюмки наливочки, спросив, с ее ли вишни сбор?

– С твоей, доня, с твоей колдовской. Она без тебя жухнет, лениво цветет, только на наливочку ягоду и дает. Будто бережет себя, хозяйку дожидается.

– А речка куда не утекла? – рассмеялась Галина и, подперев щеку ладонью, затянула раздольную, печальную песню.

Но Анна ее перебила:

– Ты что тут грусть развела? А ну нашу давай, веселую!

Встала и, мелкими шажками перебирая, подбоченясь, пошла уточкой. Заиграла глазами, повела плечами, пританцовывая:

Да ишел дожжичек с росой.

Была Галюшка с косою.

Да пошел дожжичек без росы,

Стала Галя без косы.

Она себе кошушку не мает,

Уся ее родня гуляет...

– Эх, вот так за «спонсора» тебя будем отдавать. Ой, погуляем, ой, погудим!

Ох! – схватилась она за бок, – поясница вступила! Дурында я старая. Ой, Галя, держи, а то упаду!

Они завалились вместе на диван, смеясь и охая. И Галка, прищутив глаз да подняв бровь, сказала, как прицелилась:

– А ты, мам, права... Свадьбу в станице будем гулять...

Прицел у Галки был верный, потому как совсем недавно, наведаясь к ее шефу добрый молодец из отдела экономической безопасности. Крупный такой, красивый. Щеки надувал, пальчиком сурово грозил.

Галя в кабинет зашла, он зыркнул на нее и сразу «стойку» принял. Ясно тут стало, кому за недоимки платить придется!

«А что? По купцу и товар!», – подумалось ей тогда и улыбнулась она ему сладенько. Приветливо ручки развела, вроде всю жизнь о встрече с ним мечтала.

...И пошло, поехало – налоговая, сверки, аудит, арбитраж. А когда в неравной борьбе повыдохлись все, и директор, спасаясь от ареста, в третий раз залег в больницу, Галя пошла на таран.

Одевшись «от кутюр», она приехала в ОБЭП и пошла на прием к Добру Молодцу – он был начальником отдела.

– Что же это делается? – спросила она его, – производство терпит колоссальные убытки, поставки заморожены, бухгалтерию лихорадит, директор в предынфарктном состоянии! Вы своих «опричников-то», придержите! Мы все-таки бюджет города на треть образуем. Что ж вы такую курицу, несущую золотые яйца, под нож пускаете? Арбитраж оспорил налоговые претензии, пора и честь знать!

– Курица, это кто? – уточнил начальник, не отрывая глаз от плотного «кутюра».

– Ну не я же! – засверкала жемчужной улыбкой Галина.

– А жаль, – вздохнул Добрый Молодец, – Вот заплатите сполна, тогда и «опричников» придержим.

– Да мы отдали все! У нас кредитов, долгов!

– Значит, не все... Вы документы оставьте, я их посмотрю, а завтра, – он полистал настольный календарь, – после 18 часов вам их привезут...

...Эх, хороши большие машины да с синими номерами! Никто их не остановит! Летят, как «птицы-тройки», всеми своими трехсотлошадными силами доказывая мощь и неукротимость государственных департаментов.

Галя и бровью не повела, расплатилась сполна, грудью отстаивая интересы производства. А когда директор, вздохнув свободно, слез с больничной койки, она нежно поцеловала его в лысую макушку и отправила в «отставку». На прощание помахала перед его носом пальчиком, чтоб ни телесных, ни имущественных претензий он к ней не имел.

Мирно разошлись. Три года «ягоды-малины», что собирал он с Галиной на «Обратной стороне луны», хватило ему для благодарных воспоминаний на всю оставшуюся жизнь. Да и в рукопашную не пойдешь. Где ж это видано

– тягаться хозяйственнику с «опричником»? Возраст не тот и удельный вес... «Отдавай и властвуй» – благоразумно решил директор и выполнил все прихоти своей ненаглядной.

А Добрый Молодец, по-хозяйски пройдясь по Галкиной квартире, поглядел в панорамные окна на три стороны света, подсчитал да прикинул и сдался начисто.

– Свадьбу будем играть в станице, – шепнула она ему на ушко между поцелуями.

– Чего так?

– Я так хочу! Собирай караван своих ребят с женами да детьми. Чтобы машин было – от околицы до дома родимого! И чтоб, КАМАЗ с пряниками перевернулся на моей улице!

К свадьбе стали готовиться с размахом. Галина, отпечатав в типографии приглашения, загодя послала их в станицу вместе с подарками и водкой для каждого станичника. Позвали всех, кроме родни Степана. Так велела Галина. Ни его самого, ни сватов, ни кумовьев – никого не позвали, обошли.

Род Степанов оскорбленно молчал, а станичники, хоть и колебались – обиду на Галку держали, но не устояли. Виктор Макарович приказал: «Всем быть!» Покобенились земляки и приняли приглашение. К ним с уважением да с подарками, а они в отказ? Не по-христиански это!

И вот настал день – загудел свадебный кортеж прямо от околицы. Одна машина краше другой. Нескончаемым потоком покатали они по станичным улицам. А в середочке ряда длинный, как белый пароход, «кадиллак», весь цветами украшенный, о шести окнах и четырех дверцах, а в нем невеста с женихом!

Заспешил, потянулся народ к дому Анны, где на большой поляне были накрыты столы, ломящиеся от угощения.

– Вот тебе и «союз сердечный» города с деревней! – развел руками председатель, любясь ладными, как на подбор, «опричниками» с молодыми и модными женами.

А когда вышла из машины Галина с Добрым Молодцем – ахнул народ, загордился. Как бриллиант в платиновой оправе, сверкала красота Галины – вся в белом шелку! Как яхонт – в форме офицера милиции, со знаками отличия на груди, сиял статный жених!

Смирненно пошли они под родительское благословение. Анна и отец вышли на крыльцо с Богородичной иконой, опоясанной рушниками, пожелали молодым: «Совет да любовь!»

И пошла гулять свадьба! Брызнула гармошка, зазвенел бубен, запели игрицы:

*Иди, иди, батенька, погляди –
Чево тебе, гостюшки привезли:
Да чи девоньку, бабочку,
Добру казаку парочку!*

Полилось вино рекой, зазвучали здравицы в честь жениха и невесты. За родителей и родню, за друзей и недругов. За край родимый, за землю-

матушку. «Гей, славяне! Казацкому роду нет перевода! Гоп, гоп! Пой, гуляй, станица!»

Городские парни не отстают, вместе со всеми поют. Душа радуется!

В такие минуты каждый вспоминает, откуда он родом, в сердце каждого поднимаются корни единого родства, что накрепко связывают всех живущих на этой дивной, овеянной легендами земле.

До поздней ночи длилось застолье, пока не настала пора проводить молодых в опочивальню. Тут отличились городские – раздали всем свечи, на блюдо положили лепестки роз. «Опричники» с женами выстроились с горящими свечами в два ряда, образуя коридор – от стола до крыльца дома, а детишки бросали под ноги жениха и невесты лепестки роз. Притихли станичники, дивясь такой красоте...

По всем статьям обставила свой триумф Галина, чтобы все запомнили!

Наутро гости вышли на баз и остолбенели от изумления – весь плетень и калитка были забросаны ветками поломанной калины. Тяжелые алые гроздья ягод нахально взирали на гостей.

Городские заахали, кинулись снимать веточки с плетня, дивясь красоте обычая. И лишь станичники молчали, сурово переглядываясь, как бы говоря друг другу: «Знамо, чьих рук это дело... Не стерпела-таки Степанова родня, отомстила!».

В казачьих станицах ломаная калина на плетне похлеще дегтя на воротах. Потому как калина – это символ девичьей чести. Если поутру второго дня сваха выходит к гостям с блюдом спелой калины, то негласно подтверждает чистоту невесты перед мужем. Гости угощаются терпкой ягодой и, утирая алые от сока губы, кричат: «Горько!». Отсюда и обычай целоваться молодым.

Кому принадлежит калина, тому и честь казачки принадлежит. А Степанова родня всем ясно указала, кому досталась Галкина честь.

Но не дрогнула Галина. Обвела взглядом притихших станичников, будто клятву с них взяла молчать. «Пусть городские дуркуют да радуются, а мы стерпим, промолчим», – взглядом своим Галя будто черту провела, – «Они там, а мы здесь. И я не им принадлежу, а вам. А своих казаки не сдают вовек!».

Как всегда, на выручку пришел Виктор Макарович:

– Эх, Галина, ягода-малина! Удивила ты нас вчера, таких гостей привезла! И я вас порадуя. Приглашаю всех на Решетовский ипподром. В честь вашей свадьбы объявляю скачки! Вот попируем сейчас, похмялятся все, кому требуется, – он погрозил здоровенным пальцем самым рьяным опохмельщикам, – и приступим к соревнованию!

Галка подбоченилась, расцвела в улыбке:

– Спасибо, председатель! И мы в долгу не останемся! – она призывно глянула на мужа и его друзей. Те согласно закивали головами.

– Выставляем на приз своего коня – «Жигули», семерку! – залихватски гаркнул Добрый Молодец.

Что тут началось! Зашумели, загалдели станичники: «Машину, машину в приз!» Весть эта молнией облетела всех, добравшись до ипподрома, где молодые казаки готовили своих коней для скачки.

...Все предусмотрела Галка, все просчитала. Зная, как славится и гордится Решетовка своим конезаводом. Зная, что председатель не преминет

покичиться перед городскими служивыми племенными конями, уговорила своего «бывшего», сделать ей свадебный подарок. Списать из автопарка почти новую машину и продать ей по остаточной стоимости, за «копейки». Вот и пригнала она ее в свадебном кортеже. Чтобы потом, когда утихнут пересуды о свадьбе, колесила эта машина по станичным колдобинам, каждый раз напоминая всем о Галкином подарке.

И чтоб Степану глаза мозолила!

Какие бы фортели не выкидывала Галина, как ни крутила жизнью и людьми – все ради него, единственного. Вечной сладкой болью, с каждым ударом пульса стучалось ей в висок и в сердце одно лишь имя – Степан, Степан, Степан...

Нет ничего милее для казака, чем смотреть на своего коня. Молод казак или стар, нет значения – единая всепоглощающая страсть к коню живет в сердце его. Он будто рожден в седле. Как вихрь, несется он по полю, всем существом своим сливаясь с конем, словно вылиты они из одной стали, словно вместе кованы и в одном горниле закалены.

– Любо, – кричат болельщики.

– Любо, – шепчут коню наездники, обгоняя соперников.

– Любо, – режут трибуны победителю!

Праздник удался! Показали решетовцы всю удаль свою и сноровку, показали джигитовку, какую и в черкесских аулах не видывали. А все оттого, что берегут традиции в казачьих станицах, с младых лет обучают ребят конному и боевому искусству. Чтобы через всю жизнь пронесли они казачью статью, способность восхищаться легкостью и красотой джигитовки, неподражаемым владением оружия.

В третий день, хоть и ломились столы от снеди, как на «Меланьиной свадьбе», собрались гости домой. «Опричники», счастливые от общения с добрыми, отзывчивыми людьми, с которыми побратались в застолье, от красоты и вольготности природы, что их окружала, гуртовались у своих машин.

Они курили, весело перебрасываясь остротами, приглашали станичников в гости, грозя «отомстить» им – напоить и накормить их не хуже, чем в Решетовке.

Вдруг со стороны реки раздался одиночный выстрел. Все замерли.

В полной тишине следом за первым прозвучал выстрел второй. В ту же секунду с отвратительным звуком ударился о капот джипа огромный ворон, простреленный навывлет. Скатившись под ноги новобрачным, он устался мертвым глазом на охваченных мистическим ужасом людей.

Тоненько заголосила, пророча беду, пьяная бабенка в дальнем конце стола.

– Это какая же паскуда! – взревели «опричники», выхватывая табельные стволы.

– Знамо, какая! – поднял руку председатель. – Простите, гости дорогие, – он зыркнул глазами на казачат, чтоб те убрали мертвую птицу, – не горячитесь! Видно, не всем в радость наше веселье. Мы сами найдем виновника и накажем. Не судите, прощевайте!

Будто темной шалью накрыло всех, разом потухли глаза, помрачнели лица. А Галина, не мигая, не отрываясь, смотрела, как уносят убитого ворона.

Смотрела, словно судьбу свою проглядывала, словно не птицу, а любовь ее уносили...

Хоть и старались председатель со станичниками сгладить случившееся, тем свадьба и была окончена. Взревели моторы, и кавалькада машин покинула станицу.

...Если бы только знала Галина, что ждет ее впереди, не кичилась бы свадьбой, не перебирала мужей, а бросилась бы вслед за одиноко уходящим от реки мужчиной, что шел, не зная, куда направит следующий патрон – в свое ли сердце или в сердце врага. Того, кто увозил его любовь.

И сделал бы это, если б не догнали его казаки.

– Охолонь! Брось ружье! – услышал он за спиной голос председателя. – Стой, сукин сын, а то, Богом клянусь, сами тебя здесь положим!

Степан повернулся, бешено кося глазом:

– Не подходи!

Но галопом понесся на него молодой казак, ударом нагайки выбив ружье из рук. А потом навалились гуртом, стали мять, скрутили в два счета, в азарте наподавав лишнего. Мат стоял такой, что деревья ломались, казаки, разгоряченные погоней и борьбой, долго еще меж собой спорили, цепляя друг друга воспоминаниями: кто да как, по пьянке или по раздраю характера «отличился».

Позже за чаркой водки, сгорая от стыда, сидел Степан перед друзьями, не понимая, что на него нашло...

Если б только знала Галина, как корчился душою Степан, как тосковал по ней, как люто ревновал...

Но гордость застилает ум, гонор распирает грудь, тщеславие калечит нрав. «Господи, что же мы делаем, что хотим доказать друг другу? Он женился, я опять замуж пошла. Зачем нам это надо? Ведь не можем жить, дышать поврозь! – думала Галина. – Нас судьба за это накажет, обязательно накажет! Но тогда уж поздно будет жалеть – все разменяли, все растеряли, все растоптали, что жизнь нам дала!»

Так бывает, когда человеку дается великий дар красоты или таланта, а он считает его своей собственностью, разбрасываясь им. Забывая, что дар этот – и милость Божья и грозное оружие, которое может обернуться против него самого.

Для мужчины женская красота – погибель! Любя, прежде всего, глазами, он запечатлевает прекрасный образ возлюбленной в сердце своем, который искал всю жизнь.

Обретая красивую женщину, мужчина чувствует себя избранником, и нет ничего, чего не мог бы совершить он ради нее.

Но красота не может принадлежать кому-то одному, слишком много на нее охотников. Как только она осознает свою силу – становится разрушительной.

Не удержав рядом с собой красивую женщину, брошенный, преданный, поверженный мужчина в полной мере осознает, что же это такое на самом

деле – «потерянный рай». Сама женщина никогда не обретает своего рая, ибо из-за собственной расточительности, упрямства и легкомыслия утратила его давно, наверное, и навсегда...

Ладно зажили они с Добрым Молодцем. Гостей полный дом, связи с нужными людьми, доходы, все крепло день ото дня.

Галина оглядывалась вокруг, осознавая: так становятся люди хозяевами жизни. Для этого надо знать всего лишь одно правило под кодовым названием ОРС – обеспечить раньше себя, оставшееся раздай своим, остальные раздобудут сами! На этой нехитрой формуле бытия как стояла Россия, так и стоит, а все остальное – лозунги, да «промывание мозгов».

Какие бы ценности ни обретала Галина в этой циничной системе, в глубине ее души оставалась нетронутой ниша, заполненная чистым светом, непоколебимая, как собор, укрытая от жадных глаз. Там, за стальной дверцей с золотым ключом, недоступная для всех жила любовь. Не покрытая ничем – ни властью, ни богатством, ни козырными тузами!

Какие бы мужчины ни находились рядом с ней, даже в самые сокровенные минуты, как наваждение, стоило ей прикрыть глаза – образ любимого склонялся над ней. И уже его, а не чужие руки обнимали ее, и горячий шепот Степана обжигал щеку, пронзая ее насквозь дикой страстью.

– Какая ты! – говорил ей мужчина. Но тайная улыбка трогала губы Галины.

– Не я... Это все Степан, – отвечала про себя она.

«Седьмое небо» на то и существует, чтобы каждый в нем был счастлив.

И Добру Молодцу там было хорошо, но поглядывал он порой на жену, удивляясь: «Слишком гладко у нее все получается – умна, красива, радость горстями дарит, не скупится, но почему ни разу не заговорила о детях? Не хочет или не может их иметь? А может, порченная она?! Ведь я ничего о ней толком не знаю...».

Однако будто запрет на эту тему ласково наложила Галина. Молчаливую преграду, которую не одолеть.

Подвыпив, Добрый Молодец наливался настырной смелостью:

– Что-то мутишь ты, Галина. Ребеночка когда будем заводить? – спрашивал он.

– Заводят тараканов, а детей Господь дает! – смеялась в ответ Галина.

– А почему не дает?!

– Так не заслужили, значит!

Видя, как мрачнеет муж от ее слов, она присаживалась к нему тесно и, поглаживая его плечо, успокаивала:

– Была я у врачей, все со мной в порядке. Ты не думай худого – срок придет и рожу я тебе ребеночка обязательно! А пока, давай жить, как живется. Разве нам плохо вдвоем?

Что и говорить – умела Галка тучи развести руками. Сама же часто думала: «Вот встречусь еще разок со Степаном и возьму что мне надобно!»

Неожиданно позвонила мать и сказала, что пришло важное письмо, которое Галина обязательно должна прочитать:

– Кажись, матушка твоя родимая объявилась, – сквозь слезы промолвила Анна, – худо ей. Надо тебе, Галя, поехать, отыскать ее...

Галина ошеломленно молчала, она никогда не думала, что такое может произойти, считая, что жизнь – это не сериал мыльной оперы, где брошенные дети, рыдая, встречаются со своими пропавшими родителями.

Не зная, что ответить матери, как ее успокоить, понимая, что ей сейчас очень тяжело, она заговорила резко:

– Да с чего ты взяла, что это моя мать? Может, это авантюристка какая-то! Прознала что-то про меня, вот и пытается устроить свои дела. У нас, слава Богу, не Санта-Барбара, быстренько разберемся!

– Ты не больно там гоношись, – перебила ее Анна, – мать это твоя, я точно знаю... Она в письме все подробно описала: где, когда да почему тебя оставила. А главное – записочку, что посреди пеленок положила, слово в слово подтвердила. Кроме нее никто не мог знать, что там было написано. Я ведь ото всех ее спрятала и сохранила. Так что ошибки тут нет, все – чистая правда. Приезжай, Галя, надо что-то делать...

– Мама, ты не переживай сильно! Ты у меня одна-единственная. Никого мне, кроме тебя, не надо. Самая родная – ты, самая любимая!

– Ой, Галя, что тут поделаешь – это жизнь! Каждый миг я ждала этого часа, знала, что когда-нибудь она объявится. Вот и дождалась...

Галина выехала в Решетовку в тот же день, и уже вечером они сидели с матерью за столом, на котором Анна разложила вещи тридцатилетней давности. Это были пеленки, в которых была найдена Галина, и записка, написанная рукою ее матери.

Она дрожащими руками взяла записку, впервые прочитав свою настоящую фамилию – Скоробогатова. Имя ее матери было – Надежда. Сличив почерк в записке с почерком на конверте, где был написан адрес городка на Кубани и фамилия отправителя – Надежда Скоробогатова, Галина почувствовала, как тревожно и радостно застучало ее сердце: значит, это правда! Это ее мать!

Письмо было покаянным. Женщина благодарила Анну за то, что она стала для ее дочери настоящей матерью, и просила у нее прощения.

Она поведала о том, что была в отчаянном положении, когда родилась дочь, ей некуда было идти с ребенком. Санитарка из роддома пожалела ее. Чтобы не отдавать младенца в приют, посоветовала поехать в соседнюю станицу (она сама была родом из Решетовки) и оставить ребенка у дома Анны, так как знала, что они с мужем бездетны. Сказала, что люди они добрые и хорошие. Надежда так и поступила. Подбросив Анне дочь, она еще неделю жила в Решетовке на старой заброшенной мельнице, пока не убедилась, что ребенок остался в семье.

А написать она решила потому, что помирает. Чувствует, что уже скоро. Вот и кается она перед Анной и благодарит за то, что грех ее перед Богом

она искупила – не дала пропасть невинному дитяти. У дочери она тоже просит прощения и благословляет ее.

Прочитав это горестное письмо, Галина с Анной обнялись и заплакали. Плакали они об этой ставшей вдруг близкой для них женщине. О том, как на своем несчастье она построила счастье Анны.

Плакали о судьбах тысяч таких же неприкаянных надежд, о женской доле, что так редко бывает счастливой, удивляясь красоте русской души. В каких бы тяжких грехах она ни была повинна, всегда найдет в себе силы покаяться, ибо живут в ней правда и страх Божий.

Утром Галина уехала на Кубань. Станичники только и видели, как примчалась она к Анне на большой красивой машине и на следующий день укатила обратно.

– Что бы это значило? – гадали они.

В небольшом городке в старом обшарпанном доме, именующемся «Общезащитные работники железнодорожного транспорта», она отыскала гражданку Скоробогатова. В тесной комнате, пропахшей сырým бельем и лекарствами, на железной допотопной кровати лежала ее умирающая мать.

Галина села на единственный в этой комнате стул и стала смотреть на нее. Перед ней была худая, изможденная женщина с лицом, хранящим остатки былой красоты. То, что это была ее родная мать, не было никакого сомнения. Пронзительно серые, чистого цвета, как у Галины, глаза были той редкой печатью, что ставится небесами только по кровному родству.

Надежда, в свою очередь, также неотрывно глядела на Галину, и тихие слезы катились по ее щекам.

– Какая ты красивая!... – только и сказала мать.

– Ты тоже очень красивая, – ответила ей Галина, – почему ты раньше не позвала меня, мама?

– Да разве б я посмела?! Не имела я права на это. Только одно согревало меня – что ты жива, здорова, что растешь счастливой. Не достойна я тебя, дочка. Я неправильно жила, – она потянулась рукой за стаканом, что стоял на тумбочке. Галина, увидев, что в нем почти нет воды, взяла его и поняла, что в стакане водка.

– Так ты пьешь?!

– Теперь уже не пью. Я последние десять лет совсем не пила. Меня потому и взяли сюда работать кастеляншей, доверили белье. И убирала я здесь. А это, – она указала на стакан, – мне доктор разрешил по глоточку пить, лекарства уже не помогают. Мне водку ребята приносят, жалеют меня.

– Я заберу тебя отсюда!

– Нет, поздно уже, нынче у меня только одна дорожка осталась, – она говорила тихо, прерываясь и умолкая в секундном забытьи.

– Ты знаешь, я очень многих в жизни любила, кляла себя за то, что столько мужчин у меня было, а вот умираю и думаю – как же их было мало! Мне бы каяться, а я не могу. Во всем винюсь, а вот любовь за грех не считаю. Ведь кроме любви в моей нищей жизни ничего и не было!

Я гляжу на тебя – ты лицом на меня похожа, а статью в отца пошла. Он рослый был, сильный, отчаянный. Когда ты родилась, его со мною уже не было. Его в тюрьму посадили, он человека в драке покалечил. Там и сгинул. Нагоревалась я, Галя! Так его любила, ждала, надеялась – вот вернется он, заберем мы тебя и

заживем, как счастливые люди. Но не судьба мне, бедовухе! Когда узнала о гибели его, вразнос пошла, пить стала, как в бреду, жила.

Стыдно мне это тебе говорить, но теперь уж все равно. Только ты не думай, что отец твой был бандит какой-нибудь. Он помощником машиниста на тепловозе работал. Просто характер у него был крутой, горячий, за то и пострадал. Никто меня так больше не любил, как он.

Я потом долго искала любви, дарила ее, как лучший дар, а меня в ответ унижали, топтали, забывали, – она долго и пристально посмотрела на Галину.

– Вижу – ты отомстишь мужикам за меня. Все, чего они мне недодали, тебе отдадут. И это справедливо. Ты только сама не переставай любить. Без любви меркнет жизнь. И не важно – разделяют ее с тобой или нет, главное, чтобы она тебя не покидала.

Галина слушала мать, только сейчас в полной мере осознавая, откуда в ней эта неизбывная способность любить, и испытывала горячую благодарность к этой незнакомой, но такой родной женщине.

Она удивлялась силе ее духа – ценой невероятных потерь и усилий Надежда отделила свою горемычную судьбу от судьбы дочери, чтобы «прилипчивая беда», что ходила за ней по пятам, не погубила, не искалечила жизнь ее единственного ребенка. Отдать, чтобы сохранить, – такова была цена ее поступка...

...Галина перевезла мать в больницу, оплатив уход за ней по высшему разряду.

Через несколько дней Надежда Скоробогатова, никогда не имевшая в жизни своего угла, тихо умерла, окруженная заботливой предупредительностью медицинского персонала отделения № 1 в палате для особо важных персон...

В час, когда понесли ее на погост, на железнодорожной станции маленького городка прощально загудели тепловозы, отдавая честь женщине, которая умела любить.

Над просторами Прикумья, в понизовой его части ветры водят бои непрестанно. Разномастны те ветры, как народы, что живут под этим небом. Находясь в непрерывном движении, несутся они могучим потоком, сталкиваясь между собой, в тугом замесе смешивая холодные потоки воздуха с горячим дыханием нагретой степи, рвутся к горам, упираясь в них, прижимая тучи к вершинам.

С Приазовья, Каспия, Черноморья, с волжских полей гуляют они, опьяненные разбегом, по открытому пространству, завихряясь вдоль горной гряды по-над Терекком, сколько есть сил, бросая тучи на Кавказский хребет, неся потери проливными дождями от тяжелых облаков, что не смогли перекинуть за перевал.

Поиграв в ущельях, переспав на крутых утесах, захороводясь в тугой кулак, рвутся они на простор в раздольные калмыцкие степи.

Там, поднимая столбы пыли и песка в непрерывном движении, пройдя

большой Северо-Кавказский круг, несутся они к седому Каспию, чтобы обрушить на него снова свою мощь, поднимая черную волну.

Как на небе, так и на земле отражается лихая пляска ветра в характерах людей: горячей кровью, быстротой мысли, действий, безоглядностью чувств.

Восприятие мира здесь широкое и хозяйское.

Имея издревле большие земельные наделы, управляясь на них своими силами, человек обретал гордость за свой труд и его плоды, много и тяжело работая, весело и привольно отдыхая.

В противовес легкости характера монолитна и монументальна физическая структура казака: литые плечи, мощный затылок с бугорчатым загривком, грудная клетка в «полный разворот гармонии», тяжелые ноги с толстопятыми лодыжками и руки с немеренной ладонью. Такого не собьешь ветром в чистом поле. Черкес да калмыцкий степняк – сухой, поджарый, весь из продольных, стальных мышц – тот в поле за коня держится, а казак, сам коня держит, чтоб ураганом не унесло.

В этом противоречии характера и тела – весь казак. В нем заключено горское мужество и славянское смирение: «Все под Богом ходим!»

А все чаяния и желания его – в песнях: походных и привальных, в застольных и прощальных, в игровых, удачных, с гиканьем, с посвистом, с четким ритмом, словно стук копыт любимого коня.

И идут казаки в «Ильи Муромцы» на борцовские ковры, и берут отсюда хлопцев в Кремлевский полк.

Таким и был Степан.

На обратном пути домой на трассе у автозаправочной станции Галина неожиданно встретилась со своим любимым. Ее машина уткнулась носом в бампер «Нивы», у которой стоял Степан. Он возвращался в Решетовку после поездки на кубанские элеваторы. Эта невероятная встреча после всех событий, пережитых Галиной, показалась ей почти закономерной.

Как только они встретились взглядом, будто небо разорвалось над ними. Они пошли навстречу друг другу, преодолевая несколько метров между собой, как в замедленном сне. Тридцать секунд им показались вечностью. За эти мгновения они осознали, что судьба дарит им счастье встречи для чего-то очень важного, может быть, самого главного в их жизни.

Когда они сблизились до расстояния шепота, Галина выдохнула одно лишь слово: «Уходим?!»

Степан оглянулся на напарника, который возился с бензобаком, и утвердительно кивнул головой:

– Уходим!

Они резко развернулись и направились к магазину, что примыкал к автозаправочной станции. Пройдя его насквозь, вышли на улицу с обратной стороны, остановили первую попавшуюся машину и пропали с глаз своих изумленных сопровождающих.

Проследив глазами их замысловатые действия, водители переглянулись и ринулись к своим машинам.

Погоня за Галиной и Степаном не увенчалась успехом, на первом же све-

тофоре они потеряли беглецов. Помотавшись по улицам незнакомого города, невезучие преследователи притормозили у придорожной забегаловки, чтобы обсудить ситуацию. Налицо был дерзкий побег. «Навороченный» шофер Галины угрюмо смотрел на «колхозника» – Степанова напарника.

– Ну и что делать будем? Телефоны они отключили! Твой пассажир – он кто?

– Начальник.

– Кого начальник? Умывальников?

– Он на элеваторе старшой!

– Я тебя спрашиваю: какое он отношение к Галине Ивановне имеет?!

Почему она с ним ушла?

Напарник замешкался, понимая, что «навороченный» не в курсе станичных событий и не знает о любовной связи своей хозяйки. Он вздыхал и потирал ладонью подбородок, решая, сдавать Степана или нет?

– Ну что ты телишься! Ты реально можешь сказать, в чем тут дело? Или из тебя вытряхивать показания?!

– Любовники они! – отчаянно выпалил водитель, – почитай, годков пятнадцать, как елозятся.

– Ни хрена себе... – присвистнул «навороченный».

Он задумчиво закурил, не зная, что предпринять, как скрыть свою растерянность, чтобы достойно выглядеть в глазах собеседника. Выручил телефонный звонок, он залился веселой трелью, разряжая обстановку.

– Слушаю вас, Галина Ивановна! – рявкнул он в трубку, с облегчением услышав голос хозяйки. – Хорошо, не волнуйтесь, сделаю, как скажете.

Иронично оглядев «колхозника», он укоризненно покачал головой:

– Я б с тобой в разведку не пошел! Что ж ты, деревня, сдаешь своих сразу, без боя?! Галина Ивановна с товарищем решили навестить бывших одноклассников и любимую учительницу ботаники!

– Какая ботаника! – запротестовал напарник. Но «навороченный» оставил его жестом, указав на машины.

– По коням! Разговор окончен.

Разъехавшись, каждый стал думать о своем. Шофер Галины улыбался, размышляя: «Вот баба! Чего только у нее нет: деньги, связи, муж крутой. А вот гляди ж ты – «колхозника» любит! Все ей мало... Вот и женись после этого! С другой стороны, первая любовь, она, как заноза, – всю жизнь ее в сердце носишь. Галина Ивановна – женщина продуманная, если уж она за этим мужиком так «колотится», значит, он того стоит... Мужу доложим, как велели: «Осталась у матушки родимой гостевать!»

Степанов же напарник всю дорогу до Решетовки матерился: «Че людям скажу, куда начальника дел? Рассказывать, что с кубанскими на элеваторе гуляет? Спросят: почему сам уехал? Любка все кишки проест: “Ты мне правду скажи! Может, он в город к полюбовнице своей подался, а ты его покрываешь!” О, Господи! Задал мне Степан задачку... Буду молчать, а коли спросят, скажу: на Кубани остался, а зачем – не докладывал!»

В маленькой гостинице небольшого городка в провинциальном «люкесе» прописалась на три дня любовь. Как вошли они в двери номера, так

и пропали для остального мира. Не могли наговориться, налюбоваться, насмотреться друг на друга не могли. Будто не было годов разлуки, будто вчера они расстались у излучины речки своей молодыми. И не было у них ни жен, ни мужей, ни Степановых детей.

Такая вот любовь – все покрывает, на все глаза закрывает, не помнит, не знает ничего, кроме предмета желания своего.

Во вторую ночь, забывшись сладким сном на груди любимого, увидела Галина сон – будто невод закинула она в речку, потянула, а в нем рыбка – хорошенькая такая, чешуя горит на ней, переливается. Там же, во сне, ей подумалось: «Вот и взяла я у Степана, что мне требовалось!»

... Расставались – сердце рвали. Степан, словно с похмелья, в осознании невозможности что-то изменить, жевал угрюмо ус. Галина, притихшая, с сокровенными мыслями своими о том, что «понесла» она ребеночка от Степана, ластилась к нему горлицей.

Жизнь делилась на две половины – в одной: семья, работа, друзья, в другой – яркая звезда альфа Волопаса над прикумскими полями и бескрайняя любовь.

Домой любовники вернулись с отчаянными лицами: «Будь что будет!», – думал каждый из них.

Любка «хвостом била», все в упор на Степана смотрела, а он в ответ отмалчивался. Напарник сказал ей, что Степан с кубанцами гуляет, но сердце чуяло, какую гульбу себе устроил муж.

– Здорово гуляли? – спросила она мужа на пороге.

– А то ж! – только и ответил Степан.

Ночью она все прижималась к нему. Хоть парфюмерией от него не пахло, но что-то неуловимое источала кожа Степана – это был запах счастья. А Люба, не в силах расшифровать ситуацию, мучилась тяжелыми подозрениями, глядела всю ночь в потолок, рисуя на нем страшные картины предательства.

На следующий день, отработав положенные часы, она закрыла фельдшерский пункт и пошла за речку к знахарке Таисии.

Вечерело, когда она постучалась к ней в окно.

Таисия глянула на гостью и вздохнула: «Я вспоминала тебя, думала: легко ли ей на аркане любовь тащить? А теперь вижу – не легко! Эх, Люба, предупреждала я тебя...»

– Тяжко мне, Таисия! Все перед глазами разлучница стоит, изнываю от ревности. Ты раскинь карты, погляди, может, чем успокоишь? Душу мою измученную пожалей!

– Нечем мне тебя успокоить, – сказала гадалка, глядя в карты, – с ней, с червонной дамой твой Степан... Смирись! Если хочешь семью сохранить, да детей поднять – смирись! Никуда от тебя не денется, твой он, до конца с тобой будет! Только любовь его тебе не принадлежит.

Люба, не мигая, смотрела на гадалщицу, мелкая дрожь сотрясала все ее тело, слезы беззвучно катились из глаз: «Ты посмотри, посмотри, он в отъезде был, вернулся сам не свой. Чувствую я – встречались они!»

Гадалка ничего не ответила, только смотрела на даму рядом с королем, да на червонную девятку, что легла между ними.

Люба, проследив ее взгляд, схватила Таисию за руку, неистово закричав:
– Разлучи! Разлучи их! Все, все тебе отдам! – она торопливо сдернула с пальца кольцо, бросив его прямо на карты, – вот, возьми, я еще денег дам, много денег тебе дам, только помоги – изведи эту окаянную любовь или стерву эту изведи!

Таисия отдернула руку, сбросив с карт кольцо: «Я венчальных колец за черную ворожбу не беру! Сгубить – дело не хитрое, кабы не жалеть потом. Господь, он все видит, за все спросит! Ты о детях подумала, прежде чем о таком просить? Детям за грехи наши отвечать придется!»

– Все, все передумала я, Таисия! Если не поможешь – мне одна дорога, в омут! Не могу я с этой мукой жить. С зорькою встаю – о ней, проклятой думаю, ночью к мужу ложусь – исхожусь от ревности. Все мне чудится, что он сравнивает меня с ней, смеется. Мне б детей растить да людей лечить, а мне жизнь не мила. Помоги!

Таисия долго молчала, глядя в пространство, словно считывала что, будто что-то зрела – в одной ей ведомой дали, потом сказала:

– Ладно, коли так кричишь и просишь, помогу тебе. Только предупредить я тебя должна: если их любовь окажется сильнее заговора, много беды будет. Тогда на себя пеняй, никого не вини...

Иди, завтра на закате принесешь мне рубашку Степана, а по дороге обломи ветку в Галкином саду.

– Какую?

– Не важно, погляжу: какую принесешь...

На том и расстались. Следующим вечером Люба принесла, что велено. Таисия глянула на сверток с рубашкой, поверх которого лежала ветка вишни, взяла ее в руки и, не глядя на Любу, прошептала:

– ... Я так и знала!

А у Добра Молодца и «комар над ухом не жужжал», он только из рассказа шофера узнал о трагической встрече Галины с матерью, поэтому встретил жену с заботливым вниманием и сочувствием. Галине от такого участия не по себе стало. И только счастье, что принесла она под сердцем, сгладило угрызения совести.

Зажили они опять дружно – много и прибыльно работая, весело и красиво отдыхая, до тех пор, пока беременность Галины не стала проявляться явно.

Муж поглядывал на нее косо, видя, что творится с ней неладное: то в сон неурочно клонит, то в гости идти не хочет, то ест, перебирая. Догадывался, в чем тут дело, и злился, что она молчит. Когда скрывать уже было нечего, Галина сказала: «Ребенок у меня будет!»

Добрый Молодец с сомнением и надеждой подступился к ней: – От меня? Это мой ребенок?!

Галина отвела взгляд, отрицательно покачав головой.

Муж приблизился к ней вплотную, до хруста сжав кулаки, в бешеном желании ударить. Понимал, что делать этого нельзя. Тогда он в сердцах плюнул ей под ноги прямо на ковер и долго растирал плевки, будто Галину стирал в порошок.

– Дрянь! – только и прохрипел он. По-военному четко развернулся, хлопнул дверью и закрыл ее за собой навсегда.

... Из роддома Галину забирал родной коллектив во главе с директором. Зрелище было не из простых: директор, как добрый дедушка, встречал свою бывшую любовницу, что бросила его из-за нового мужа, которому наставила рога, родив от неизвестного «мачо» крохотную хорошенькую девочку.

Все эти запутанные и драматические события ни на полущку не уменьшили очарование Галины, что расцвела от материнства, став еще краше.

Когда они шумной ватагой вышли из роддома, бережно поддерживая Галину с младенцем, к самому крыльцу подъехала милицейская машина. Все притихли в ожидании. Из машины вышел Добрый Молодец с огромным букетом роз. Он направился к Галине, не сводя с нее восторженных глаз: «Поздравляю! – сказал он, поцеловав ее в щеку, – как дочку назвала?»

– Наденька!

– В честь матери?

– Да, – ответила Галина, и глаза ее повлажнели от нежности.

– Я могу отвезти вас домой, – с надеждой в голосе предложил он.

В этих простых словах было заключено все недосказанное между ними: желание примирения, тоска по ней, радость от рождения (пусть не твоего, но от любимой женщины, ребенка), мечты о счастливой семейной жизни...

– Я подумаю над твоим предложением, – ответила Галина, сердцем прочитав его немой монолог, – но сейчас поеду с ними, – она указала на друзей, – они так готовились к встрече. А ты обязательно приходи к нам, – она прижала к груди дочку, как бы говоря от ее имени тоже.

Добрый Молодец смотрел на Галину, поражаясь ее самообладанию, способности ни при каких обстоятельствах не терять достоинства. Склонив перед ней голову, он поцеловал ее руку.

Коллектив затаенно наблюдал – чем дело кончится?

К облегчению одних и к досаде других, бывшие муж и жена разошлись красиво. Все расселись по машинам и весело покатали к Галине праздновать.

Сколько зорь взошло над Прикумьем, сколько закатов кануло в речку с тех пор, как Галина со Степаном не виделись!

Наде уже шестой год пошел. Росла, как солнышко, – белоголовая, глазки темными вишнями, вся в Степана, вылитый отец! В каждом взгляде, каждом жесте своей ненаглядной доченьки она видела его. Даже отсутствие встреч не тяготило ее – это было время, когда Степан незримо и постоянно был рядом с ней.

Добрый Молодец несколько раз предпринимал решительные попытки сойтись с Галиной, но она неизменно отказывала ему в этом. В конце концов он махнул рукой и женился на молоденькой, поддерживая теплые отношения с бывшей женой.

Галина выписала из Решетовки племянницу, помогла ей поступить в институт. Она жила у нее, ухаживая за малышкой.

Анна несколько раз приезжала в город понынчить внучку, обижаясь на Галию, что та не привозит ребенка в станицу на лето. Но что-то подсказывало Галине: этого делать нельзя! Терпение Любани не бесконечно, мало ли что: даже полный ненависти взгляд может причинить непоправимый вред ее ребенку, тем более Наденька так похожа на отца.

Вот и нынче гостила Анна у дочки:

– Обложила ребенка няньками, – ругалась она, – это ж чужие люди! На курорты ее возишь – что она в тех курортах понимает?! Нет чтобы клубничку у меня с грядки поесть. Мучаешь ты дитя, Галя!

– Какие няньки, мама! Она в садик ходит, скоро в школу будем ребенка отправлять. И Верочка все время с ней, помогает мне. А то, что на море возу ее, так это же здоровье!

– А в станице чего – не здоровье?! Да одно молоко от Красули чего стоит! Все у тебя, Галя, поперек, не как у людей. Все ты по-своему делаешь. Такого мужа потеряла. Орел! Весь в орденах! Кому отдала? Блохе в мини-юбке! Я же видела, как он прибивался к тебе. И ребенку был бы хорошим отцом. Он же простил тебя, Галя!

– Мама, ты что так кричишь? Надин услышит!

– Надин – это что за имя? Почему не по-русски – Наденька?!

– Это по-французски, по-европейски, так красиво!

– Господи, Галя, да какая тебе Европа? Живем-то где?! Ты что, рехнулась тут в городе совсем? Виктор Макарович меня давеча встретил, головой качал: «Обещала Галя вернуться, видно, позабыла обещанное»!

– Нет, мама, не позабыла. Мы с директором тут новый проект задумали. Будем строить в Решетовке консервный завод, будем инвестировать в сельское хозяйство – это сейчас актуально.

И не только перерабатывать продукцию будем, начнем закупать новую технику, дороги в станице проведем. В общем, новую жизнь Решетовке готовим. Ты готова, мама, к новой жизни?

– Да мне б, Галя, эту доковылять! Сколько той жизни осталось? На дюнышке! А если то, что ты говоришь, правда, то станица от зависти пузырями пойдет! Опять в Решетовке шуму наведешь! А хозяйству помощь нужна, совсем в упадке хозяйство. То-то председатель обрадуется! Молодец ты, Галя!

– Пока за долги будем строить, на кредиты, а поставим дело – забогатеем. В Решетовку нынче я с тобою, мама, еду.

Виктор Макарович смотрел на бизнес-план, на проект – глазам своим не верил: «Да, Галина Ивановна, – от волнения он перешел на официальный тон, – знал я, что ты не простая, теперь вижу, что золотая! Это ж где ты такие деньжища раздобыла?»

– Производство родное подсобило, и в банках кредиты возьмем. Мы теперь с вами, господин председатель, станем АО «Сельхозпродукт» с уставным капиталом, – она указала на цифру в бизнес-плане. Виктор Макарович присвистнул от удивления.

– Ну дела! – он прищурился, дымя сигаркой в потолок, считая в уме расходы по статьям.

– А ремнем по «энттому месту» в чистом поле не хочешь меня высечь, председатель? – рассмеялась Галина.

– Куда нам – инвесторов сечь! – подкручивал ус председатель, – если все освоим да построим, как на бумаге написано, то поставим тебе, Галина, памятник в Решетовке.

– Так Любаня его дегтем вымажет!

– Да, – посуровел председатель, – личный фактор – дело серьезное... Большое дело затеваем, тут не до хорошего – освоить да оправдать бы вложения! А я, как чувствовал, на элеваторе построил контрольный пункт – «Зерновую таможенную», как казачки ее называют, и Степана туда прикомандировал, главным «таможенником» поставил! Замучили нас перекупщики, столько стычек уже было, лезут и лезут. Их в дверь – они в окно! Степан там порядок наведет. Так что извиняй, Галина, но личный фактор твой я отправил подальше!

Галина зарумянилась от смущения, но виду не подала, только сердечко ее часто застучало при упоминании о любимом. Они склонились с председателем над бумагами, проверяя и обсуждая каждую «циферку».

С тех пор Галина зачастила в Решетовку. Приезжала сама и с производственным десантом – архитекторами и прорабами. До зимы надо было фундамент цехов поставить.

Поначалу станичники с недоверием глядели на суету, что развела «эта баба оголтелая». Но как только кинула Галина с председателем клич казакам: «Все на строительство корпусов завода!», потянулся народ. Зимой не больно работой на селе разживешься, а тут заработок хороший обещают! Только лишь первую зарплату получили строители – деньги, каких на селе и не видели, так самые вредные да ленивые на стройку прибежали.

Сноровисто дело пошло: благо, что лучший цементный завод края под боком, в соседней республике. К весне уже новенькие корпуса стояли.

Снабженцы мотались по стране, искали оборудование – им подсовывали одно старье. Решили производственную линию и технологию в Венгрии купить – там лучшая технология консервирования. Денег не хватало, полезли в долги.

Директор смотрел на свою «подругу», ныне – сопредседателя совета директоров АО, грозя ей кулаком:

– Если прогорим, голой в Африку тебя отправлю, Галина! Садись, пиши обоснование по затратам, записку в правительство края пиши! Много не дадут, но хоть что подкинут.

– Да брось ты, – шумела Галина, – мы ж «целину» поднимаем! Станичники поначалу не верили, а теперь ждут не дождутся, когда запустим завод. Открытие новых рабочих мест – чем тебе не государственная программа?! Нас еще наградят с тобой, директор!

– Ага! Лет на пятнадцать наградят! – пыхтел он в ответ.

Второй призыв Галина объявила женщинам – позвала их работницами в цехи: «Работа чистая, в белых халатах, на сверкающей модернизированной производственной линии, которая за тебя все делает, ты только гляди в оба и зарплату получай!»

А когда обратилась ко всем станищикам: «Сдавать на переработку огородную и садовую продукцию», потянулись все: из соседних станиц, из подсобных

хозяйств. Тут уж и старики стали с Галиной здороваться, по имени-отчеству ее величать:

– Здорово живешь, Галина Ивановна! Чего еще нового для нас удумала? – спрашивали они.

Галина, не жалея времени, обстоятельно гутарила с «аксакалами» на майдане, рассказывала о новых планах, уговаривала стариков отправлять молодежь на производство, обещая хорошие заработки:

– Конкуренция на рынке высокая, консервной продукции много, поэтому делаем упор на качество! – убеждала она.

Завоеывая рынок, Галка даже рекламный слоган придумала: «Плоды от родной земли!». Стали они выпускать натуральные соки и компоты для жителей северных районов страны, потихоньку отдавать долги, работая на прибыль.

Со всеми поладила Галина, только со Степаном не пересекались у нее дорожки. Она в станицу, а он из нее – на элеваторы. Поначалу это к добру было: дело – делом, а на злые языки управы нет.

Зорко глядели станичники, понимая: не просто Галка развела тут «производственную бодягу», интерес свой имеет! Обо всем прознали решетовцы: что без мужа сейчас она, что ребенок у нее лет семи имеется. Спорили до хрипоты – от Степана дочка или от мужа ее милицейского?

Ребенка никто в глаза не видел, а то б вопросы все отпали. Фельдшерицу жалели, понимая, какая пытка для нее – появление в станице соперницы.

Как-то майским медовым вечером, когда сирень тяжелыми гроздьями стучалась в каждое окно, когда черемуха роняла с цвета лепестки да синие зарницы освещали горизонт, возвращалась усталая Галина в город.

Шофер вел машину по опустевшей дороге, как корабль среди поднявшегося моря хлебов. Еще издалека она увидела несущуюся им навстречу Степанову «Ниву».

– Стой! – приказала она шоферу. – Если я уеду, возвращайся в город сам.

Она вышла из машины, сдернув с шеи шелковый шарф – он развивался, как парус на ветру, и медленно пошла навстречу своей судьбе.

Один был в машине Степан или с кем еще – безразлично ей было. Так истосковалась ее душа, что если бы сейчас весь мир встал между ними, одолела б и его.

Не доезжая десяток метров, остановилась машина Степана, как вкопанная.

Галина глянула в лобовое стекло: опустив голову на руль, опершись подбородком на кулаки, смотрел на свою любовь Степан, не в силах сдвинуться с места.

Галина подошла, села рядом с ним.

– Здравствуй! – сказала она ему. Степан молча продолжал смотреть на нее, впитывая в себя каждую черточку дорогого лица. Потом рывком нажал на газ, развернулся и с бешеной скоростью рванул вперед.

Так и мчались они куда глаза глядят, навстречу спасительной ночи, уходя за пределы района, подальше от всех – на юг, курсом на свою звезду, что ярко сияла впереди. В дальнем чужом лесу свернули они на малоприметную просеку. Остановились, погасили фары, но, лишь прикоснувшись друг к другу, осознали событие встречи.

И провалились они в любовь – сразу, неистово, нетерпеливо, истосковавшись губами лоя горячий воздух, шепча сумасшедшие слова.

Наперекор всему торжествовала любовь, измученная разлукою, плененная, опутанная событиями и молвой, завистью, ненавистью, ханжеством и лицемерием. Изнывая в неволе, в жестоком пламени ревности, разуверившись в грядущем счастье, в терпеливом молчании, в сердечном сокрытии жила она и спасала, по первому зову раскрывая объятья, в горестном упоении срывая свои тайные плоды.

– Все, Степа, не могу я больше так! Не могу больше ждать и догонять – сил нет. Сколько можно красть свое? Поехали ко мне, ты увидишь дочку свою, ты поймешь, что пора разрубить этот узел! Ведь ни у кого счастья нет – ни у тебя, ни у меня, ни у жены твоей. Степочка, жизнь-то одна! Что ж мы ее рвем на куски?

Степан молчал, смотрел на Галину, думая: «Вон как заговорила! Запросилась под крыло. Сколько я звал тебя, сколько ждал... Красивая, избалованная, теперь богатая – разве я пара тебе?! Это ты сейчас, как кошка, кричишь, а повернешь по-своему, потеряешь интерес...»

Он встал во весь рост, крепко повел плечами:

– Я казак, Галя, а казак своих решений не меняет! Среди людей живем, а ты, кроме себя, не признаешь никого. Или забыла свои слова: «Не могу быть всегда с тобой – разлюблю!». Забыла? А я не забыл!

Здесь мой дом, земля моя, работа. Сын у меня растет. Ты знаешь, что такое сын? Кому заповедаю род свой? Оставляю его – не простит мне обиду!

И Любу мне жалко – извел я ее совсем, смотреть страшно, а все потому, что занозой в моем сердце сидишь.

Признаю: ты – моя любовь! Но пока я не ведусь на твои уговоры, остаюсь мужчиной. Ты привыкла к вольной жизни, а я воли твоей не потерплю – характер мой знаешь!

Сойдемся – горя не оберемся. Всех осиротим, ничего себе не прибавим.

Пусть будет все, как есть, – перед детьми и совестью останемся людьми.

Ты мне сердце надвое лет двадцать назад разорвала, когда замуж в первый раз пошла. Вот с этой половиной теперь и живи – она твоя. А вторая – здесь: в детях моих, в жене моей горемычной.

Мы с тобой, Галя, в поле Богом венчаны – крепче нет венца, так что любить тебя одну я буду всю жизнь, сколько мне той жизнью отмерено.

Все, слово мое крепкое! Больше со мной об этом не говори. А к дочери я обязательно приеду. Спасибо тебе за дочь. Сколько смогу – рядом с ней буду. И не плачь, моя любимая! Так нам на роду написано...

... На том и окончен был разговор. Галина вдруг поняла для себя очень важную вещь: «Любовь – это когда слово любимого – закон».

Она встала и, вытаскивая сухие веточки из волос, сказала:

– Хорошо, пусть все будет так, как ты сказал. Ты, Степан, – единственный человек в мире, кого я признаю и слушаю, остальные мне не указ!

Но я дождусь своего часа! Дети вырастут, много воды утечет, много чего произойдет, но быть нам вместе – так на роду у нас написано!

Степан глянул на непокорную свою любовь и покачал головой.

...Над лесом вставал рассвет, вставал над казачьими хуторами и станицами. Солнце золотыми пятнами высвечивало листву на верхушках деревьев, золотило крыши домов. Разом запели птицы. Трава засеребрилась росой, пахнуло холодом, и пошел пар от земли.

Деревья обрели ясные контуры, причудливым хороводом окружая влюбленных, застенчиво шелестя листвой, кивали ветками, повторяя: «Все видели, все слышали, никому не расскажем, тайну сохраним...»

Новый день вносил в душу ясность: «Все остается по-прежнему, ничего не изменить. Жизнь диктует свой жестокий закон, где превыше всего – долг.

Единственно, что тебе принадлежит, – это любовь, «как ослица, упряма она, горяча, как желанье, жестока, как пламя, холодна, словно мрамор, нежна и прекрасна, как утро...», – вспомнила где-то прочитанные строчки Галина.

Круг замыкается, и ты бежишь по кругу, возвращаясь в исходную точку – туда, где «случилась» с тобою любовь, так и не решив, что же с нею делать?»

– Я отвезу тебя домой? – спросил Степан.

– Лучше на автостанцию, там я возьму такси. Хватит нам «гусей дразнить», пусть никто не заметит твоего отсутствия, так спокойней. – Галина говорила сухо, с отсутствующим выражением лица. Степан глянул на нее хитро и, вдруг резко схватив за плечи, повалил навзничь:

– А, кошка! Царапаться вздумала?! Ты куда собралась? Я что, тебя отпугал? Вот я тебе сейчас...

Галка не стала отбиваться, тихо и нежно приняла ласки. Слезы стояли у нее в глазах – совсем разоружила ее любовь, ослабила волно, подпустила к сердцу печаль... «Как сладко быть слабой, рядом с сильным, хоть не надолго побыть просто слезливой бабой...», – счастливо думалось Галине.

...А слово свое Степан сдержал – через пару недель приехал к дочке.

– Как вы здесь живете? – сказал он, обходя Галкины хоромы. Стекло и бетон! Ни корову тебе подоить, ни коня помыть, даже собаки у вас в доме нет, невольники прогресса!

– Ты кто? – спросила его Наденька, внимательно наблюдая за его перемещениями по квартире. Степан глянул вопросительно на Галину, та отрицательно покачала головой.

– Я? Дядя Степа, гость твой! – ответил он дочке.

– Дядя Степа – он милиционер, а ты на меня похож, – неожиданно серьезно и твердо сказала Надя. Они онемели от ее слов. Степан присел на корточки и поманил дочку обеими руками:

– Раз так, значит, мы с тобой одной крови: ты и я! – голосом Маугли сказал он.

Надя подошла к нему, потрогала рукой волосы:

– Я тебя на фотокарточке видела, она в тумбочке у мамы лежит, принести?

– Принеси!

Надя побежала за фотографией, а Степан раздраженно глянул на Галину.

– Она не должна знать, кто я?

– Нет, – ответила она, – сейчас не должна! Вырастет, – поймет.

... Так и общались они «как родные», весело обходя острые вопросы, дурачь и играя.

– В следующий раз я вам щенка привезу – настоящего хулигана, он порядок тут наведет! – смеялся Степан.

– Мы будем с мамой тебя ждать, приезжай. Ты хороший! – долго махала ему вслед рукой Надюша.

... Далеко за городом Степан остановил машину, вышел в поле, упал в траву и только тогда дал волю чувствам.

Болью в груди отзывалась одна и та же мысль: «Что же делать?» Потрясение от встречи с дочерью было столь сильным и неожиданным, что он впервые усомнился в правильности своего выбора. Разве его дети от Любы не дороги ему? Какой сын, какой казак растет, и дочь поднимается красавицей... Что же так вздрагивает душа при мысли о Надюше, что его мучает: обида на Галину? Так и не позволила она ему открыться перед дочкой. Печаль? Дитя его любви будет расти без него. Ревность? Кого-то другого она может назвать отцом. Да, все это так!

«Ох, Галка, ранила ты меня наповал, навывлет сердце прострелила! О, бабы – сволочи, знают, чем скрутить, так скрутить, что света белого не видишь! Впереди – дом родной, дети, позади – любовь моя и доченька родимая. Разрывает меня на части, сил нет!», – скрежетал зубами Степан, стуча кулаком по земле, будто ответа просил.

... Над полем кружил кречет. В плавном полете нарезал круги, залегая на крыло, припадал к земле и, не касаясь ее, уходил по ветру резко вверх.

Там, на высоте, подпираемый мощным движением воздуха он замирал, распластавшись в «крест» на высшей точке полета, осеняя живым знаменем благоденственные небеса.

Степан глядел на этот танец степной воли, на безграничное счастье свободы, и взгляд его светлел:

– Летим! – крикнул он ему, встал и, раскинув руки, побежал по полю, как мальчишка, повторяя на земле все движения кречета. – Будем жить! – разносилось эхом между небом и землей...

...Понеслись годы над Прикумьем, много воды утекло. Дело Галина поставила, прибыль большая пришла. Отстроила она родителям новый дом рядом с базом, на поляне, где свадьбу играли. Не дом, а усадьба получилась – большая, широкая, с пристройками, с каменным коровником и теплицей.

Сад полностью обновили, даже голландские цветы привезли, лишь милые Галиному сердцу вишни не тронули.

Только омрачилось новоселье...

Отец очень радовался постройке, лез везде, мешал всю дорогу строителям. Так хлопотал, что пересуматошился к новоселью напрочь.

Когда справляли въезд в новый дом, кто с завистью, кто с радостью говорил: «Вы теперь хозяева, прямо помещики! Новый класс в станице!»

На что Анна, стесняясь, отмахивалась: «Да на что нам такая махина?! Вот если бы Галя переехала сюда из города – другое дело...»

Отец же ходил – грудь колесом, говорил всем незлобно: «Вы, казачки, на чужой каравай рот не разевайте, а работайте, как наша Галка, тогда станете помещиками – как я, например! Угощайтесь, гости дорогие, разделите с нами радость и достаток», – подходил он к каждому, щедро наливая.

Так донапивался, так напраздновался, что в первую же ночь в новом доме заснул и на утро уж не проснулся...

С новосельных столов на поминальные угощение пошло...

– Не снес восхищения Иван! – горько шутили станичники, – счастье, оно и вправду, видно, не в богатстве...

Анна осталась одна. Неприкаянно ходила она по огромному дому, все звонила Галине, прося привезти внучку. А та, как назло, собралась ее за границу учиться отправлять. В Лондон!

Махнула рукой Анна, никогда она не понимала, что в голове у ее дочери, какой очередной ферт она выкинет, затосковала и проторила дорожку в церковь. Все за упокой души своего Ивана молилась, а деньги, что Галина ей оставляла, батюшке на добрые дела отдавала.

Священник поглядел на благочестие Анны и позвал ее работать при церкви – свечки продавать, в службе помогать. Та с радостью согласилась.

Галина не мешала матери, думая про себя: «Слава Богу, есть кому за нас с Надюшей помолиться! Служба в церкви прибавит ей жизни, все при деле, а то б захирела от тоски...»

А дочку, действительно, отправила в лондонский колледж. Время такое настало – стране требовались специалисты международного класса, и все, кто имел возможность, учили детей за границей. Не отстала от них и Галина.

Пока Надя была дома, Степан навещал ее, как обещал. С каждым годом их привязанность друг к другу становилась крепче, девочка подросла и понимала все, о чем молчали родители. Когда он на ночь глядя собирался уезжать, она деликатно уходила в свою комнату пораньше спать, стараясь не мешать отцу и матери.

Галина ждала этих встреч с нетерпением, нисколько не изменяясь в своих чувствах к Степану, хотя монашеский образ жизни без него не вела...

Степан тайно ревновал, на что Галина отвечала: «Бог любит троицу, если уж я в третий раз замуж пойду, так только за тебя! Позовешь?»

Степан, засунув руки в карманы, широко, по привычке расставив ноги, смотря через окно на город, отвечал:

– Позову, любимая, дай срок! Вот сына в армию отправлю и поговорю с Любой окончательно. Только не смогу я здесь жить. Мне здесь простора не хватает, волюшки казацкой.

Галина смотрела исподлобья, понимая, что все это разговоры, если молодыми они не решились «дров наломать», то теперь уж и подавно!

Она и вправду не хотела больше ни с кем связывать себя, став хозяйкой своей судьбы. А охотников на нее хватало! Зрелая красота Галины и большой достаток придали ей царственную осанку. Фигура и лицо стали округлей, женственней и мягче, отчего смотрелась она еще милей.

Чего скрывать, был у нее друг сердечный – большой человек, женатый, конечно. Связь их проходила гладко, в основном на отдыхе – у моря

или за границей. Общественное положение друга и яркая внешность Галины не позволяли им «светиться» в радиусе края. Но поддержку она имела сильную, многим из того, что удалось сделать в бизнесе, она обязана была ему. На фоне таких взлетов ее привязанность к Степану выглядела архаично, но в том и заключается характер казачки: любовь одна, а все остальное – баловство и обстоятельства. Что поделаться, если жизнь складывается так, что требуются от женщины не только ее деловые качества? Не пускать же из-за такой малости все под откос?!

«Любовь – не грех, жить без любви грешно», – говорила ей умирающая мать и в том, наверное, была права.

Только Степан владел ею безгранично, только ему она была покорна, только с ним была счастлива. Будто имел на нее пожизненные права, грамоту, скрепленную звездной печатью альфа Волопаса!

В один из дней раздался телефонный звонок. На том конце провода кто-то сбивчиво просил Галину Ивановну срочно приехать в Решетовку.

На вопрос «Что случилось?» – ответили, что председатель помирает, требует ее к себе. Галина ничего не понимала, буквально вчера они с Виктором Макаровичем долго беседовали, он был бодр и полон сил. Галина вызвала шофера, и они поспешили выехать в станицу.

«Наверное, инфаркт, только он накрывает внезапно...», – думала Галина, вдруг осознав, что с председателем может случиться непоправимое. Сердце полоснуло отчаянием. Галина поняла, кем был для нее Виктор Макарович. Именно такого отца всегда хотела иметь она. Иван был добрым человеком, но не давал Гале повода для гордости. Истинного отца она так и не узнала, а Виктор Макарович стал для нее и другом, и советчиком, и защитой – настоящим батькой.

Она ворвалось в комнату, как ветер. Первое, что увидела, рядом с врачами «скорой помощи», склонившуюся над председателем Любаню. Она подняла на Галину глаза и крепко сжала губы, призывая всю свою волю для того, чтобы присутствие соперницы не помешало ей исполнять профессиональные обязанности. Галке было наплевать на ее чувства, она требовательно спросила врачей, что с председателем?

– Предварительно – инфаркт, ждем из краевого центра реанимационный вертолет, на машине везти его нельзя.

Она наклонилась над больным, нечаянно прикоснувшись к рукам Любы. Словно электрическим током пробило обеих, накрыло тягучей волной ненависти. К лицу прилила кровь, застив глаза. Они поспешно отпрянули друг от друга.

– Он без сознания? – справившись с собой, задала Галина врачам очередной вопрос.

– Нет, спит. Сделали укол, первая необходимая в таких случаях помощь, оказана.

– Он выживет?

Врачи пожали плечами. Галину взбесило равнодушие медиков:

– Он человек государственный, – указала она на Виктора Макаровича, – если что не так, не сносить вам головы, это я вам обещаю!

К ней подошла жена председателя: «Перестань, Галя! Не до шума сейчас, они сделали, что могли».

– Как это произошло?

Виктория Викторовна тихо заплакала: «К ночи к нему кто-то приезжал, он погулял с ними у дома. Вернулся сам не свой, все звонил и не мог дозвониться куда-то. Лег, ворочался, не спал, а под утро захрипел. Я кинулась к нему, а он уж слова сказать не может. Я Любу вызвала и “скорую” из райцентра».

Галина обняла ее за плечи, тихо продолжая беседовать. Она стояла вполоборота к Любане, как вдруг почувствовала сильный озноб. Все тело в одну секунду покрылось холодной испариной и только на спине, посреди лопаток, будто каленым железом кто прикоснулся. Галина оглянулась в растерянности. В упор, не мигая, смотрела на нее Любаня. Глаза – словно черные клинки, словно жало ядовитое.

– Господи, спаси, – прошептала про себя Галина.

Фельдшерница торжествующе отвернулась от нее.

Галина забралась в вертолет вместе с медиками, несмотря на их сопротивление. В полете Виктор Макарович пришел в себя, обвел всех взглядом и, остановив его на Галине, кивнул ей головой, подзывая ее ближе к себе.

Когда Галина склонилась над ним, он прошептал: «Прими дела правления, опечатай сейф, документацию сохрани. Только тебе верю...»

Она согласно закивала головой. Он помолчал, потом заговорил снова, через паузы: «Я не хотел тебя впутывать, думал, сам управлюсь. Ты должна знать: бандиты вчера приезжали, требуют откупного за завод, много требуют, грозят... Ты на рожон не лезь, там все серьезно, в органы обратись, и Степан чтобы был рядом с тобой – у него хлопцы, разберутся. Эх, не успел... – глаза его заволкло слезой, – обними меня, дочка!»

Галина нежно припала к нему, поцеловала, поглаживая его руку, заговорила: «Справимся! Ты не волнуйся, батя, держись! Ты же у нас – главный казак, не такое еще на своем веку пережил и болячку эту проклятую одолеешь – какие наши годы?!»

Председатель кивнул головой и прикрыл глаза. Врачи начали «колдовать» над ним.

...Слава Богу, выжил председатель! Трудно поднимался, долго лечился, но живым остался казак! Когда уж домой на поправку вернулся, Галина в застолье шутила:

– Поглядите на него: со всеми попрощался, всех решил бросить, а как вспомнил про своих коней – помирать расхотел! У него ж в табуне двухлетки-арабчата, он их на соревнованиях собирался выставлять. Как подумал, что скачки на приз губернатора без него пройдут, так и послал свой инфаркт к такой-то матери! Ясно тут стало: кто ему на свете всех дороже – жеребцы да молодые кобылы!

– Остра на язык! – восхищался Виктор Макарович, – ты мне лучше скажи: от бандюков отбилась или откупились? В глаза мне гляди, вижу, что не гладко дело пошло...

Не могла волновать Галина председателя – отбиться-то отбились, но надолго ли? Обратилась она за помощью к Добру Молодцу, тот под видом проверки прислал на завод «опричников». «Группа физзащиты» – бугаи еще те! Послонились они в камуфляже по территории, продемонстрировали силушку, дали всем понять: «чьи в лесу шишки», и отпугнули поначалу непрошенных гостей. Следом Степан своих казачков приставил к штатной заводской охране – и все на этом закончилось. Для милиции и прокуратуры, пока преступление не совершится, дела нет. Устные угрозы, сказанные без свидетелей, в протокол не впишешь.

Никто даже толком не знал, откуда они нагрянули – свои это босьяки или пришлые? Председатель показал: с ним говорил, вроде, русский «нехристь», а у машины разные стояли...

Так что жила Галина, как на пороховой бочке, знала, что рванет, а когда – неведомо. Делами хозяйства временно заправлял зоотехник, но слишком ученый да мудреный он был мужик.

Коровам хвосты крутить да надои прогнозировать еще мог так-сяк, а масштаба и казачьей хватки у него не было. Галина как экономист следила за бюджетом хозяйства, но рук и времени на все не хватало.

Ждали, когда Виктор Макарович окончательно поправится, чтобы на правлении решить кадровые вопросы.

Через три месяца, когда уже весна вовсю разогналась и посевная прошла, случился Галине звонок. Кто-то на том конце провода напомнил: за ней числится должок.

Галина призадумалась: деньги при их оборотах не весть какие большие, стоит ли затевать войну? На дворе не советская власть, закона нет, отобьется от этих – придут другие...

«Надо договариваться», – решила она и, никому ничего не сказав, уехала к своему бывшему директору. Тот пожизненно в данниках ходил. Вот через его «крышу» и решила действовать Галина.

Ну не ей же самой, в самом деле, на «стрелку» ехать?!

...Обо всем договорились: ребята долг скостили, оплату «дани» взяли под свои гарантии. Они и сами рады были «крышевать» Галину, но Решетовка была не их территория.

Мирно дела пошли. Станичники – те, кто был в курсе событий, дружно решили, что победа за Галкой осталась, и возгордились, будто бандиты их испугались.

Только Степан не верил в добрых разбойников, все время «пытал» Галку – что она там «нахимичила»?

– Отстань, Степан! – отбивалась Галина. – Это ты один у нас такой святой, решил: если «чернявые» с элеватора ушли, то тебя испугались! Они зерно на корню скупают, из-под носа твоего, не довозя до «таможни», забирают.

Ходишь – грудь колесом, из ноздрей дым валит, все б тебе воевать! А люди крови не хотят, они денег хотят и будут их делать, хоть сотню таких, как ты, на всех углах поставь. Вот ты отвечаешь за свой участок, порядок там навел и радуйся! В чужие дела не лезь – перепашут, передавят, следа не оставят. Погляди, время какое на дворе. Капитализм: человек человеку волк! Ты б лучше подумал, как на своем месте побольше заработать, а не на одну зарплату жить. Дом, женившись, поставил, так больше ничего к нему и не приставил!

Степан, шутя, хватал Галку за горло: «Ты что несешь? Очумела совсем от денег своих шальных?! Ты чего хочешь, чтоб люди на детей моих пальцем показывали? «Глядите, идут. Отец у них знатный вор! Много чего нажил на нашем кровном хлебушке!» Ты этого хочешь?! Мне честь дорога: на моем месте забогатеть, что плюнуть, а ты попробуй человеком остаться! И смотри мне, Галка, если узнаю, что под бандюков «легла» и платишь им, – берегись!»

– Ну в кого ты у меня такой упрямый, сокол ясный! – ласкалась к нему Галина, спуская «на тормозах» трудный разговор, а у самой сердечко заныло: кабы не встрял, кабы дел не наворотил ее любимый!...

Не могла Галина со Степаном дела свои воротить – чистым он был для дел таких. Цельность его натуры впечатляла. Сильный, ладно скроенный, с легким упрямым наклоном головы, взглядом, как бы вопрошающим: ну чего тебе не хватает, когда такая красота вокруг? Куда ты вечно стремишься, когда все под рукой?

На эти простые вопросы не было у Галины ответа.

В глубине души ей всегда было совестно перед Степаном. Почему она все время спешит, берет, отдает, ищет, теряет, покоя не знает? Только рядом с ним с нее слетала эта «короста» азарта, куража и наживы. И видит Бог, с ним она была чиста, как неиссякаемая ее любовь к нему.

Она часто думала, смогла бы всю жизнь она прожить в этой чистоте? И понимала, что вряд ли...

Ей не хватало в характере спокойной крестьянской обстоятельности, когда терпеливый труд дает свои плоды. С самого начала она смотрела на жизнь как на поле борьбы. Все ее дела были, как перцем, приправлены риском, желанием завоевания, и кто его знает, смогли бы ужиться два таких сильных характера под одной крышей? Значит, все было сделано правильно: Степану – Любаниа с ее медицинским терпением, ей – простор для борьбы.

Может, оттого им было так хорошо во время коротких встреч – каждый приносил в эту связь что-то свое, создавая из двух противоречивых половинок целое. Они так и остались друг для друга загадкой – вечной, притягательной, неисчерпаемой, сладкой и желанной, как сама любовь.

Трудное в этих краях предзимье, муторное. Природа, привыкшая к теплу, тяжело встречает холода – то оттепелью бьет, то вновь застывает гололедицей, колкой порошей заметая дома.

Ложатся серые туманы, цепляясь за верхушки деревьев, нависают свинцовые облака, скрывая от глаз холмы. Окрест в станицах грязью развозит дороги, стылые хмурые утренники сковывают сердца людей. А крестьянин на небо глядит, снега просит, чтоб укрыть им озимые.

Но лишь к декабрю махнет крылом белая птица, мягким пухом тонкого снега укроет землю, чтобы тут же протаять его в полдень солнечным шальным лучом.

Изведя сумасбродством своим, покуражась всласть, набирает зима силу, в одну ночь ударяя морозом, заваливая все высокими сугробами. Мир становится чистым. Снежный саван укрывает все – плохое и хорошее, белое и черное, все, что было с тобою до зимы.

В эту пору пробуждается в людях душевная трезвость. Голый лес обнажает истину, подытоживая ошибки, тербит совесть, напоминает: «Счастье не вечно, придет и к тебе зима, запорошит виски, застудит сердечко, замедлит бег крови, угасит порывы, заметет метелью память».

«Все проходит, все проходит!» – завывает холодный ветер...

... Не забыл Степан своих подозрений, предупредил казаков: если заметят чужих на заводе, тут же сообщить ему на «таможню».

В один из ненастных дней позвонил ему заводской вахтер: «Крутятся, Степа, здесь какие-то... Поджидают Галину, наверное. Я только сейчас углядел и вспомнил, что они прошлым месяцем тоже тут были, думал, купцы за продукцией приехали, а теперь гляжу – на купцов они не похожи. Вот и докладую тебе».

Степан поднял по тревоге своих ребят и выехал с элеватора. Не доезжая до станицы, встретили на дороге машину, марку которой назвал вахтер. Степан приказал перекрыть ей путь.

– Вы кто? – высунулся парень из машины.

– Таможня! Проверка документов, – ответили казаки.

В ответ послышался отборный мат. Слово за слово, столкнулись.

Выволокли их из машины, повязали – трое их было всего – и увезли на заимку «снимать допрос». Деньги – крупную сумму, что лежала в спортивной сумке, пересчитали и, взяв с «пришлых» расписку о добровольном возврате долга, предупредили: еще раз сунутся на завод, не сносить им головы! Те жестко сопротивлялись, злобные были, как хорьки, грозились отомстить, но силы были не равны, поэтому договорились. В конце концов, они всего лишь исполнители, рядовые «бойцы», чего им глотку рвать?

Степан понимал, что его «партизанщина» до добра не доведет, но и в милицию их тоже не сдашь. Ехали себе люди с большими деньгами, напали на них казачки, побили и обобрали. На деньгах-то не написано, что они раньше в Галкином кармане лежали! Если б меченые они были – другое дело, а так – чистый разбой...

Но «охота пуще неволи», хоть душу отвели станичники.

... Галина, как увидела те деньги, криком изошлась: «Да как ты посмел? Ты знаешь, с кем связался?! Как мог поставить под угрозу жизни наши из-за гонора своего идиотского, молодечества?! Ты знаешь, скольким я сверху донизу плачу? Почему ты впрягаешься не в свое дело? Я же просила тебя, Степан, отойди, не лезь!» Схватила в охапку деньги и рванула в город их отдавать, извиняться, беду отводить.

В этот день, испытывая невыносимый стыд от собственного бессилия и отвращение к самому себе, Степан напился. Осознание непреодолимой пропасти между ним и Галиной пришло к нему: «Она “большая”, а я “ма-

ленький”, – качал он пьяной головой, – я мужик, казак, а она “большая”! Я не прав, а она права!»

Унижение от мысли, что он живет, не хапая, не хватая, не обирая никого и оттого является человеком маленьким, раздирало ему душу. Хочешь быть большим – воруй, отнимай, несправедливо зарабатывай! А ведь кажется, что любовь равняет людей, а нет, разное у них все. Там, где деньги, нет любви, там она не живет, как совесть, которой нет места рядом с деньгами...

Сняв со стены дедовскую шашку, он вышел на крыльцо и стал крушить в ярости все, что попадалось ему на глаза: двери, косяки, плетень, лестничные перила, горшки. В пьяном угаре гонялся с шашкой за курами и индюками, пока на крик Любы не прибежали соседи.

... Следующий день застал Степана с рубанком в руках.

Любана, обходя мужа, перешагивая через струганный брус, бросила ему зло: «Какая кручина у тебя на сердце, муженек?! Кто тебя в спину толкает, со света сживает? Вчера курей крошил, завтра нас всех порубаешь...»

Степан отмалчивался, только покрепче прикусил мундштук у сигареты.

– Я тебе таблетки на столе оставила, чтоб протрезвел.

– Лучше б рассолу налила, – буркнул Степан.

– А рассолу пусть тебе наливают тот, из-за кого ты упился в усмерть!

– Ты что мелешь?! – разозлился Степан.

– Ты на меня не свирепей! – крикнула Любана, – ты на себя погляди и определись наконец!

– Ты чего добиваешься, Люба? – уже спокойно, понимая, о чем кричит жена, спросил Степан. – Хочешь чего?

– Правды и покоя, – со слезами на глазах ответила она, уходя.

– Будет тебе покой! – выдохнул он, вогнав с силой топор в поленицу.

Не знал тогда Степан, какие пророческие слова он в этот миг говорил...

Все сделала Галина, со всеми договорилась: конфликт уладила, казачков приструнила, дань исправно платила. Одно было худо – не отвечал на ее звонки Степан, пропадал на элеваторе. Галина нервничала, они не виделись уже несколько месяцев.

Она чувствовала, что Степан не простит ей своего унижения, и если она сама не снимет напряжения, что возникло между ними после случившегося, то он не сделает ей и шагу навстречу, а то и вовсе пойдет на разрыв. Надо было под благовидным предлогом вытащить его с элеватора, организовать «случайную» встречу.

Она заехала в городе к давним знакомым на пивоваренный завод.

– Из чего товар гоните? – спросила она их.

– Так мы тебе и сказали! – смеялись они в ответ.

– Могу ячмень отличный предложить по доброй цене.

– Давай, коли не шутишь!

– Какие тут шутки... Надо только с одним несговорчивым договориться, поможете?

– Подсобим! А за разговор ты отдельно платить будешь?!

– Ну так! – рассмеялась Галина, – вам бы только бедную женщину «раздеть», последнее отобрать!

Уже через день гутарила Галина с председателем, просила, чтобы отписал на пивзавод излишки ячменя.

– А что, Степан не дает? – хитро прищурился тот.

– В семенной резерв их заложил, перестраховывается, куркулюет.

– Так это ж я ему приказал зарезервировать излишки ячменя, а Степан хозяин справный – делает, как велют. Так ты говоришь, просят? И цену хорошую дают? Тогда едем на элеватор!

– Нет, Виктор Макарович, – замахала руками Галина, – если он меня увидит, ни в жизнь не даст, макового зернышка не отпишет. Вы сами ему накажите, а я в городе его встречу, сделку проконтролирую.

– Ох и хитра ты, Галина, ох хитра!

Когда Степан приехал с товаром на завод, Галина его уже поджидала в бухгалтерии. Он зашел и, глянув на нее, понял все сразу. Галка бровью не повела:

– Вот здесь распишитесь, – сказала она ласково, ткнув пальчиком в бумаги.

Когда формальности были закончены, она спросила его невинно:

– Вы в станицу, Степан Пантелеевич? Не подбросите меня? А то моя машина барахлит.

Степан, глянув на нее исподлобья, ничего не ответил. Галина легко забралась в кабину, сев на сиденье рядом с любимым.

– Поехали! – сказала она.

– Тебе куда? – стойко держался Степан.

– Нам с тобой домой надо, Степа... Разговор у меня к тебе горячий имеется.

Степан отрицательно покачал головой.

– Ты что, бросить меня решил? – волевые складки обозначились в уголках губ Галины. – Ты меня не подбирал, Степан, чтоб бросать! Нас жизнь с тобой свела, она и разведет... Поехали!

...Что-то надломилось в душе у Степана, он устал вести вечную борьбу с самим собою, все годы рядом с этой женщиной были наполнены сумасшедшей страстью и страданием, он устал.

Ну не может смириться мужчина, когда объект его желания не принадлежит ему в полной мере! Весь мир держится на одном-единственном гвозде – это гвоздь, который мужчина вбивает в колодки плененной им женщины. Она должна быть захвачена, увезена, закована, покорена, а потом по желанию мужчины любима им или позабыта!

Отсутствие фактора добычи – это отсутствие смысла жизни добытчика. Ему мало иметь собственность в тайне от всех, ему необходима слава победителя, завоевателя, ибо триумф держит достоинство мужчины.

Он смотрел на свою вольную «невольницу» с какой-то отстраненной пе-

чалью, перед глазами стоял кречет – он парил в небесах в свободной песне любви, владея неизмеримым пространством. А у Степана не было просто-ра в душе – одна дорога от любви к дому и обратно. Закован был – сам себя заковавший...

Галина, уставшая воевать, расслабленная любовью, после бурных, но каких-то отчаянных ласк тихо спала у него на груди, протаивая теплым дыханием полынью в его замерзшем сердце.

Так и лежали они на широкой, как поле, кровати, опустошенные, не задающие себе вопроса о том, что впереди, не зная и не желая знать своей грозной судьбы.

... Не отпускала она его на ночь глядя, цепляла за руки – не прося, но и не отпуская. Только развел ее руки Степан, отстранил от себя и шагнул за порог.

Эх, ночка, разбойничья дочка...

На трассе при выезде из города заехал Степан в супермаркет купить гостинцев, чтоб не с пустыми руками домой возвращаться, не дразнить Любаню.

Затаривая пакеты с продуктами в багажник, почувствовал легкий толчок в плечо.

– Здорово, свирепый! – услышал он издевательский смешок, – а мы глядим, личность знакомая, – обступили его «братки».

– Ну что, поговорим? Или ты только кодлой ноздри рвать умеешь?

Степан нагнулся к багажнику, пытаясь нащупать рукой монтировку, но тяжелый удар в затылок поставил на его усилиях точку.

Не рассчитали удар «хорьки», хотели вырубить, увезти к себе, как тогда увез их Степан на заимку, побить, покуражиться, деньги с него «снять» за моральный ущерб, но оказалось все иначе.

Когда поняли, что натворили, переглянулись и быстро упаковали Степана в его же багажник. Один из бандитов сел за руль и погнал машину по трассе, чтобы там, на глухом участке дороги сымитировать случайное разбойное нападение. Остальные двинулись за ним.

Все произошло так мгновенно, что даже водители автомобилей, стоящих неподалеку от супермаркета, в темноте не поняли происходящего. Видели, что какие-то парни гуртуются у светлой «Нивы», а что там было еще, никто толком рассказать не мог. Ни криков, ни драки не было.

... Его нашли утром. Машина стояла на обочине трассы, слегка прижавшись к кювету. Степан сидел, уткнувшись головой в руль, будто остановил машину, чтоб передохнуть чуток. Даже крови нигде не было видно, только запекшаяся рана на затылке да сжатые в последнем усилии кулаки. Тихо было в этот утренний час, редкие машины, приостановившись, объезжали стороной печальное место, где у открытой «Нивы» стояли милиция и «скорая помощь». Только невдалеке на высоковольтных проводах сидел крупный кречет.

Когда Степана вынесли из машины, перекладывая на носилки, он слетел

с проводов, сделал широкий круг и ушел в зенит, чтобы там, в горних высях, осенить этот мир мистическим крестом, прощаясь со своим нечаянным другом.

...Хоронили Степана всей станицей. Страшное молчание стояло вокруг. Казаки не в силах были простить себе вину, что их «командир» был одинок в неравном бою. И только один вой разрывал тишину:

– Звери, звери! – кричала Люба. – Звери, не люди...

По всем казачьим законам не имела права Галина войти на баз Степанова дома. Она сидела в черной машине черная от горя. Люди оглядывались на машину, кивали друг дружке на нее, поджимали губы, перешептываясь о том, что Галкина вина в случившемся тоже есть. И только знахарка Таисия, покачав головой, тихо сказала: «Не там виноватых ищите», поглядела на рыдающую Любу и пошла прочь.

Только на кладбище, когда длинной чередой прощались со Степаном станичники, пошла и Галина к гробу. Неотрывно стала смотреть она в спокойное лицо любимого, словно в этом покое наконец-то обрел свою правду Степан.

Не веря, что все это происходит наяву, не понимая, почему она не может упасть ему на грудь, прижаться губами к любимым губам, почему люди так испуганно смотрят на нее, она подняла глаза и встретилась взглядом с Любой.

Жена Степана в полубморочном состоянии смотрела на Галину без ненависти. Видя окаменелое горе соперницы, в этот страшный час она в полной мере испытала раскаяние за все, что натворила: за злобу, за ворожбу, за проклятия, что на протяжении стольких лет насылала она на нее.

Любовь Галины к Степану была несоизмеримо велика по сравнению с мелочной, уязвленной, собственнической страстью Любани.

Степан принадлежал по праву только ей.

Тихий стон вырвался из груди обеих женщин. Зарыдали все, кто смотрел на окончание тяжелой битвы, – делить этим женщинам было уже нечего...

Виктор Макарович крепко взял за плечи и повел обвисшую у него на руках, оцепеневшую, холодную, как камень, Галину к машине.

...Страшна Кума в половодье. С таянием снегов, вбирая в себя бесчисленные потоки воды, что устремляются вниз по горным склонам, поднимается река в уровне, разливаясь во всю ширину русла.

Утяжеленная миллионнотонной селевой массой, набирает она ускорение, круша мосты и дамбы, перекатывая огромные валуны, вырывая с корнем столетние деревья. Мутным бурлящим грязевым месивом несется она с бешеной скоростью, образуя чудовищные водовороты и воронки, при взгляде на которые в ужасе замирает душа.

Днем и ночью стоит гул необузданной стихии. Ревет река, как раненый дикий зверь, ослепший от переполняющей его боли и ярости.

Оглядывается человек на горы, что Божьим гневом поднимаются на горизонте, грозя остроконечными вершинами, предупреждая: «Герпение Вышних не бесконечно! Грехом питаетесь – грехом и поглощены будете!»

В ком сердце живое исполнено совестью, понимает, о чем предупреждает его природа...

Только одного из «хорьков» сдали правосудию бандиты да и то в суде представили дело как «убийство по неосторожности». Перепуганный дебил на скамье подсудимых наотрез отказался признать вину, бубня, что просто толкнул Степана в пьяном споре, а тот упал, ударился и больше не поднялся...

Остальные из участников убийства подались в бега. Суд, не в силах доказать подробности происшествия, дал подонку срок, но лишь для остратки.

Казаки поклялись найти убийц.

Долго приходили в себя станичники после трагической гибели Степана, швыряли вину то на Галину, то на Любу.

Из уст в уста передавалась страшная сплетня о том, что фельдшерница осыпала золотом знахарку, чтобы та наложила остуд на любовную связь мужа. Будто Таисия строго ее предупреждала об опасности такой ворожбы, но та в злобе своей обезумела совсем – черное заклятие совершила.

А любовь, видно, сильнее оказалась, вот и вернулось колдовство Любане горем!

Хотя и знали станичники, что Степан ездил в тот день в город по делам, но по наитию пристегивали Галине вину, что через нее и через деньги ее проклятушие пришла беда.

И только казаки закрывали рты своим женам, зная, что в случившемся виноваты они сами: не тронули бы тогда гнид этих – жив бы был Степан.

В одном сходились люди: так было написано на роду у Степана. И на войне его не убило только затем, чтоб успел он полюбить и детей на земле после себя оставить. Посему вечная и святая ему память!

...Спустя сорок дней после похорон Галина, за бесценок все распродав, ни с кем не попрощавшись, ничего не взяв с собой, закрыла на семь замков городскую квартиру и вышла на дорогу.

Она села в машину, не оглядываясь на город, дважды отнявший у нее Степана, выпивший ее до дна своим бездушием, так и не сделавший ее счастливой. Никого она не винила за это, никого не кляла – только себя!

Неся в груди неистребимую боль и раскаяние, она направилась в свой родовой дом у реки.

Вернулась в станицу, как в монастырь ушла.

Виктор Макарович после пережитого совсем ослабел, отошел от дел и пропадал на конезаводе. Лишь при взгляде на любезных его сердцу коней играла в его жилах кровь, грело душу любимое дело и продлевало ему жизнь.

Галина фактически стала хозяйкой Решетовки.

...Через год на общем собрании правления большим казачьим кругом Галина Ивановна Скоробогатова была избрана председателем.

Хоть «ломало» мужиков, что женщина будет верховодить в казачьем хозяйстве, точку в спорах поставил Виктор Макарович:

– Галина Ивановна, – сказал он, – моя прямая преемница. То, что она сделала в Решетовке за последние годы, вся советская власть за семьдесят

лет не построила. Она грамотный и волевой специалист, вы, казаки, не пожалеете о своем выборе. И еще один немаловажный фактор есть, – широко улыбнулся он, – станицей будет управлять самый красивый «казак» за всю славную историю Решетовки!

«Вот и вернулась я в свою колыбель, – с грустью подумала Галина, – чтоб петухи меня в свой срок, как Степушку, отпели...».

Поменяла Галина свои наряды от «кутюр» на добротные сапоги и «дутую» куртку без сожаления. Одну слабость себе позволила – в память о Степане ездила только на автомобиле родной марки «Нива».

С утра до ночи видели люди, как мелькала машина председательши – то на полях, то на фермах, то на консервном заводе.

...Наденьке еще несколько лет предстояло учиться за границей. Вернется ли она из туманного Альбиона или найдет себе в мужья какого-нибудь рыжего ирландца, так похожего на молодого казачка, было неизвестно.

Единственный раз она доставила радость станичникам, когда приехала на каникулы.

Глянули на нее люди и поставили точку в своих хрипчатых спорах о ее происхождении. Глазами Степана глядела Надя на этот мир.

– Слава Богу, – вздохнули все, – продолжается казачий род!

Все продолжается...

Имя племени – казаки!

...Но как только вечер ложится на холмы, строго очерчивая их контуры так, что становятся они похожи на загадочные пирамиды из далекой страны, проступает тогда над холмами белая полоска небесной дороги.

Она ложится светоносным разделом между землей и надвигающейся тьмой.

В чудный этот час видится Галине, будто скачет по небу конь. А на коне Степан – такой, каким при жизни она не видела его никогда.

В лучах заходящего солнца сверкают на нем доспехи, как у Георгия Победоносца. Мерно и тягуче мчится конь, широким аллюром покрывая облака, прямо на звезду.

– Степан... Степан!... – беззвучно зовет, кричит ему вдогонку Галина, но не слышит он.

Все выше и выше поднимается конь. Тихо меркнет свет, и вот на закатной дороге уж нет никого...

Ярко, нестерпимо ярко проступает на червленом небе звезда – та, что каждую ночь над бескрайними полями Прикумья зажигает Степан.

3 января 2006 года.

АНДРЕЙ ДЖИМБИЕВ

СИЛЬНЕЙ СУДЬБЫ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Корреспондент пришел в дом Шикри-эмген¹ в полдень. Молодой, лет двадцати пяти от роду, он был высок ростом, худощав и смугл. Сказал, что зовут его Сергеем.

Предложив ему сесть, она приготовилась слушать.

– Вам, ээджи², – восемьдесят два года. За свою долгую жизнь вы видели не одну войну, а в Великой Отечественной потеряли мужа и троих сыновей. Скоро мы будем праздновать очередной юбилей Победы. Вы многое отдали ради нее... Что вы думаете о ней, что можете о ней сказать?

– Я лишилась мужа и всех детей моих, я осталась одна, – неторопливо промолвила она, словно припоминая что-то. – Но я не одна по себе живу, я среди людей живу. Получается, что я не одна. Вокруг верные и добрые земляки мои.

Саарал-овген³, молча сидевший в сторонке, был доволен: «Сильная она, выше своего одиночества, сильней горькой участи своей. Она не слепит ее, не заслоняет от нее тех, среди которых родилась и живет. Она бывает слабой, но это только делает видней ее силу».

– Черные дела войны мы никогда не забудем – и я, и мои однохотонцы, и весь наш народ. И потому я молю бога, чтобы ни нынешнему поколению, ни будущим не иметь дело с войной.

– Ээджи, надо не богу молиться, а бороться. Всеми силами бороться против войны, – воспользовавшись паузой, живо проговорил Сергей. – Так поступают все – весь мир, наше правительство и наш народ.

Слова были не новые, ходовые, какие-то заученные, но Шикря-эмген не обиделась на парня: слова словами, а на деле он чувствует то, о чем говорит, чувствует, как полагается человеку его лет.

– Да, конечно, это так, – сказала Шикря-эмген. – Надо бороться полным сил руководителям и вам, молодым и грамотным ребятам. А из меня какой борец? Мне остается только молиться. И я и мои сверстники молимся и будем молиться.

– Ээджи, и вы участвуете в этой борьбе, – пылко произнес Сергей. – Столько трудного вынесли вы, а ум ваш ясен, воля тверда и ваши благопожелания, об-

ДЖИМБИЕВ Андрей Манганыкович (род. в 1924 г.), народный писатель Республики Калмыкия, почетный гражданин г. Элисты, участник Великой Отечественной войны.

¹ Шикре-эмген – старуха Шикря

² Ээджи – бабушка

³ Саарал-овген – старик Саарал

ращенные ко всем людям, не молитва, а святая борьба. То, что вы живете, то, что вы не замкнулись в своем горе, то, что вы открыты людям, любите их и дорожите жизнью среди них, и есть ваша активная борьба против войны.

– Иначе жить, иначе говорить и думать не могу. Ради нынешней жизни, ради нынешних поколений отдали свои жизни наши мужья и сыны. Однохотонцы – мои родные и близкие. Они заботятся обо мне. Я сыта и одета. Много для себя могу сделать сама. То, что не по силам мне, делают соседи и их дети – школьники. И старики не забывают. Чтобы мне легче было говорить с тобой, пришел вот старый испытанный помощник. Спасибо ему.

Шикря-эмген улыбнулась, а Саарал-овген в смущении замахал руками:

– О чем ты, Шикря? Мне и самому интересно послушать твой разговор с представителем столичной газеты. Ты и без меня справилась бы. Я и уйти могу.

– Нет-нет, не уходите, – попросил Сергей. – Я приехал и уехал, а вы всегда были и будете рядом с Шикрей-эмген. Вы люди одного поколения, вы всегда вместе – в беде и радости. Да и сами по себе вы интересны мне. Я знаю, что Шикря-эмген из скромности сама всего о себе не скажет. Вот тут вы и выручите... Не могли бы вы, аава¹, рассказать, например, о том, как работала ээджи Шикря, когда после войны восстанавливалось народное хозяйство?

– Охотно расскажу. В годы войны я был председателем колхоза. А Шикря была бригадиром полеводческой бригады. Вместе вели дело. И потом, когда оба рядовыми стали, работали не меньше.

– Я же говорил, что никто лучше вас не расскажет о ней. Ведь никто не знает ее, как вы... Рассказывайте, я весь – внимание.

В предвкушении интересного рассказа Сергей сиял. И ловил потом каждое слово, произнесенное Саарал-овгеном. А старик поведал о том, что не только Шикря, но и все другие женщины, отработав весь день – от восхода солнца до заката и скудно поужинав, шли на ночное дежурство или брались за иглу – шили теплую одежду для фронтовиков.

– И как они выдерживали все это? – почтительно удивлялся Сергей. – По двадцать часов в сутки. Четыре года войны и потом, после нее еще столько лет.

– Хотелось поскорей победить проклятых врагов, хотелось поскорей возвратить все, что было разрушено или обветшало. Большое и малое делали от души – тем и держались, – объяснила Шикря-эмген. – Иной раз сутками оставались в полевой бригаде, не появлялись дома. И словно бы так и надо, словно бы иначе и быть не может.

– Мало того, Шикря однажды написала заявление на имя военкома, – вспомнил Саарал-овген. – Попросила призвать ее в армию и послать на фронт.

– Не надо об этом, – застеснялась Шикря-эмген. – Написала заявление, но от боли, сгоряча. Муж мой Долан Хараевич прислал мне письмо, рассказал о боевых делах своих. Я жила под впечатлением этого письма, мне казалось, что моего мужа-героя пули не возьмут... А через три недели получаю похоронку. Я себя не помнила от горя. Ни о чем думать не могла – только о мести. Хотела отправиться на фронт, встретиться там с сыновьями и вместе с ними бить фашистов. Молода была. Кровь в жилах горячая, здоровье – неистраченное...

Сергей глядел на Шикрю-эмген с недоумением.

– Но вам в ту пору лет сорок было, а?... И чем же все закончилось?

– Пригласил меня военком и говорит: «Призывать вас и посылать на фронт не можем. Вот если бы вы были врачом... А рядовой автоматчик из

¹ Аава – дедушка

вас, к сожалению, не получится». О возрасте моем деликатно напомнил: мол, вам не восемнадцать лет, мол, вы мать троих сыновей-солдат... Но я не отступала – целую неделю ходила к военкому. Давила на него, давила, и он сказал с досадой: «Исполню вашу просьбу, если председатель колхоза даст согласие. Хотя, честно говоря, здесь от вас пользы больше. Тыл у нас – как фронт». Я обрадовалась, подумав: «Я часто спорю с председателем, и он, ясно же, захочет воспользоваться случаем и избавиться от меня». Уверенная, что все будет по-моему, прихожу к Сааралу, сообщая: дескать, так и так. А он – ни в какую: нашел свой подход... Позже я догадалась, что у военкома с председателем относительно меня уговор был.

– Ты тоже удумала, – заухмылялся Саарал-овген, припомнив былое. – Сорокалетнюю женщину послать на фронт! Военком имел в виду возраст, а прямо сказать о нем не мог. Вот и обратился ко мне: разбирайся с нею сам, убеди, что здесь она нужней, что без нее не обеспечим бойцов едой и одеждой... Но мне и самому не хотелось тыкать в глаза возрастом. Решил на совесть нажать. Хорошо, говорю, хочешь на фронт – иди, раз ты такая!.. «Какая это «такая»? – взвилась Шикря. А вот такая, говорю. Я не думал, что ты можешь струсить, испугаться работы и за себя и за тех, кто в бою... Ты, если хочешь знать, и нас обижаешь и фронтовиков. Небось, считаешь, что им легко: вскинул над головой винтовку или автомат и кричи себе «ура!» Как бы не так! Там смерть все время рядом. Под ее наблюдением надо делать солдатское дело! Пользы там от тебя ни капли. наших трудностей ты хочешь избежать. Конечно, там смерть быстрая, а здесь долгая и медленная. Здесь потеть надо, здесь надо из сил выбиваться, здесь передышек не бывает и выспаться невозможно. Езжай, езжай на фронт! Мы тебя со счета сбрасываем. Завтра же езжай – я позвоню военкому. Иди и готовься к отправке на фронт...

Вижу, она колеблется – не так мечталось ей расстаться с нами... А я добавил: «Вернется кто-нибудь из твоих сыновей после ранения, а дом заперт. Мать воюет, вместо того, чтобы сына встречать!» В общем, отступилась Шикря. Ей славы хотелось, а я показал ей, чем эта слава для нее обернется.

– При чем тут слава? – возмутилась Шикря-эмген. – Ничего я не испугалась, а о славе не помышляла. А отступилась потому, что поняла: здесь от меня пользы больше. Кто я на войне? Ноль без палочки. Увижусь ли там с сыновьями – неизвестно. А дома могу дожидаться. Одна мысль о том, что кто-то из них явится, крепче крепкого привязывала меня к дому. Смерти самой я не боялась, а осиротить сынов боялась: отца у них уже нет и матери не будет...

Ненадолго замолкнув, она обратилась к Саарал-овгену: – Спасибо за тот урок.

А Сергей принялся благодарить стариков:

– Цены нет тому, о чем вы рассказали. То, как жили в те годы, поучительно и для нас служит уроком. Примите тысячу моих благодарностей и всего вам хорошего, до свидания.

– Нет, сынок, ты повремени! – остановила парня Шикря-эмген. – Так не полагается! Это не по-нашему: прийти в гости и уйти, не отведав чая. Ты в калмыцком доме, калмыцкий чай уже готов.

Шикря-эмген уже поднялась, засеменила к печи, на которой стояла белая кастрюля. Наполнила пиалу, поставила ее перед корреспондентом. Пил он с нескрываемым удовольствием, видно было: не впервые пробует этот напиток и любит его.

Радостно и благодарно смотрела хозяйка на парня и думала: «Будь у

меня внуки, вот так же приходили бы ко мне, пили бы со мной чай, доброе слово сказали бы, что-нибудь по хозяйству сделали бы». Дума, приправленная горечью, горечью же отразилась на лице. И наблюдательный и чуткий журналист, утешая старуху, сказал:

– Хорош чай! Соленый, как жажду утоляет! В первый раз меня угостили им четыре года назад. Сначала он показался мне странным. А потом я стал привыкать да так привык, что уже не могу без него обходиться, особенно летом.

– Да-да, – подтвердил Саарал-овген. – Пресная вода, сколько ее ни пей, жажду не утоляет, а усиливает. Степняки пьют только соленый чай.

Во время этого разговора в дом вошла Булга.

– Вижу, беседа к концу идет, а мне так хотелось послушать все, о чем вы тут толковали!

Глаза ее весело щурились. Парень ответно улыбнулся и сочувственно произнес:

– Разговор с ээджи был очень интересным. И аава Саарал немало любопытного рассказал.

– Это моя внучка Булга, – представил девушку Саарал-овген. – В колхозе работает. Дояркой.

– Так это вы и есть – знаменитая доярка Булга Басанговна? – оживился Сергей.

– Знаменита ли я, не знаю. Но что доярка – это точно. И зовут меня – как вы только что сказали.

– О, и тебя этот парень знает? – воскликнула Шикря-эмген. – Наверное, он всех в республике знает!

– Работа такая, – словно бы оправдываясь, сказал Сергей. – Не только известные труженики знакомы нашему брату-журналисту, но и лодыри, пьяницы, жулики. Родина должна знать своих героев, а мы ее летописцы. Конечно, не всех знаем в лицо. Многих – только пофамильно.

– Интересная у вас работа, – не без зависти сказала Булга. – Всюду бываете и на каждом шагу – новые люди, увлекательные разговоры!..

– Интересная работа – та, которую любишь, не так ли, Булга Басанговна? Не люби вы свою работу, отдавали бы ей столько сил, столько сделали бы, что вышли в передовые в республике?

– Пожалуй, вы правы, – ответила Булга.

Сергей встал, показывая, что ему пора идти:

– Спасибо за все, будьте здоровы. И вы, Булга Басанговна! Не забывайте, вдруг снова встретимся, – он обернулся к старикам: – Беседа с вами появится в газете недели через две. Попросите Булгу Басанговну, она вам прочтает.

– И тебе спасибо, милый, – прощалась старуха. – Будь здоров, и пусть твои дела приносят радость.

Говорила она медленно и задумчиво, будто что-то старалась вспомнить и не могла.

От Сергея это не укрылось:

– Ээджи, вы о чем-то спросить хотите?

Шикря-эмген, проведя кончиками пальцев по губам, начала:

– Сынок, я знаю, что случилось с моими парнями, я их и не жду. И не могу смириться с тем, что их нет. Все время меня мучает мысль: кто-то из них – хоть один, да остался жив. Мое материнское сердце все время жалуется: а вдруг мой

ребенок остался без рук и не может написать мне, а вдруг мой ребенок остался без ног и не может дойти до меня, а вдруг пуля ранила моего ребенка в голову, и он не может вспомнить домашний адрес? Может ведь такое быть? Или не может?

Сергей не сразу нашел, что сказать. Правды он не знал и не мог знать, а утешительной ложью Шикрю-эмген не провести, не обмануть.

– Ээджи, я вам... – что-то неопределенное попробовал сказать Сергей.

– Не надо, можешь не отвечать, – сухими, почти бесцветными пальцами старуха коснулась губ парня. – И прости мне мою простоту... То, что я наговорила, – от старости и простоты, от них, от них... Нельзя задавать таких глупых вопросов. Ты уж прости меня.

Сергей совсем смешался, попятился к двери, взялся за ручку.

Старуха не стала удерживать его и, когда он переступил порог, вдогонку произнесла:

– Не вини меня, сама не ведаю, что делаю... Дярке, дярке!¹

* * *

Почтальонка Дуся ранним утром влетела в дом Шикри-эмген и, на ходу разворачивая газету, выпалила:

– Ээджи! Ваш портрет в газете! И беседа корреспондента с вами! – Радость у Дуси была двойная: и потому что газета написала о самой почитаемой жительнице хотона, и потому что наконец в дом Шикри-эмген вошла весть из внешнего мира.

Ведь все в хотоне получали письма, кто реже, кто чаще, но получали, во всяком случае, все могли ждать и написать сами. Одна Шикря-эмген ни от кого ни строчки не получала, никому ответить не могла. А ждала и надеялась она больше других, потому что ожидание и надежда ее были безнадежны, если судить здраво. Были и у нее близкие, которые могли бы ей написать, но им легче было приехать, чем корпеть над листом бумаги, и они часто навещали Шикрю-эмген.

А Дуся чувствовала себя виноватой перед старухой: увидит Шикря-эмген почтальонку с сумкой, полной газет и писем, смотрит вопросительно: «А для меня, милая, у тебя ничего нет?» Что на это скажешь? Дуся суетливо перебирала содержимое сумки, точно и вправду что-то искала, сокрушенно говорила:

– Пока ничего для вас нет.

Чтобы сгладить неловкость, Шикря-эмген обычно винулась.

– Я так, я невольно... Кто мне напишет? Все, что могла получить, я уже получила. Так что оставь сумку в покое, там ничего нет для меня. И ты это хорошо знаешь и я хорошо это знаю. И вины твоей передо мною нет. Не беспокойся и иди к другим – они ждут тебя. Иди, милая, иди и не суди строго за то, что я тебя задержала...

– Ээджи, будет вам письмо, непременно будет, – убеждала Дуся. – Может, просто время не пришло, может, плутает от почты к почте, ищет дорогу к вам.

Шикря-эмген понимала, что в войну почтальоны так утешали матерей,

¹ Дярке, дярке (возгласы) – О, боже мой!

жен, детей фронтовиков. Сколько раз и сама Шикря-эмген слышала эти слова! Но одно было тогда, другое – сегодня. Много лет минуло, кто мог вернуться, вернулся, кто мог написать, написал. Никого нет в госпиталях да и тех госпиталей, небось, нет.

Дуся уходила, а Шикря-эмген, погодя, окликнула ее:

– Если что окажется вдруг для меня, ты сразу беги ко мне!

– Конечно, конечно! С вас и начну раздачу писем, если будет что-нибудь для вас.

Такие разговоры случались не раз – месяцы шли и годы, а разговоры повторялись, стоило встретиться Шикре-эмген и бойкой почтальонке Дусе.

Газета не письмо, но, получив ее, Дуся помчалась к Шикре-эмген, отмахиваясь от однохотонцев, живших к почте ближе. За все экземпляры газет, предназначенных для розничной продажи, Дуся заплатила сама и все принесла Шикре-эмген: пусть дарит, кому найдет нужным.

И в войну не раз писали о том, как добросовестно работает Шикря-эмген, о том, какой личный вклад вносит она в победу над фашизмом. И после войны, до ухода Шикри-эмген на покой, газеты и радио о ней не забывали. Но теперь беседа с корреспондентом и портрет в газете имели особый смысл и особое значение.

«Шикря Дорджиевна – одна из тех, кто отдал во имя Родины все самое дорогое, – читала Дуся вслух. – Она потеряла в огне войны мужа, детей, самую будущность свою». Слова, напечатанные в газете, пришлись Шикре-эмген по душе, кроме слова «потеряла». Не понравилось оно старухе.

– Я не потеряла ни мужа, ни сыновей. Потеряться или отдать жизнь за Родину – это ведь разные вещи, это не одно и то же, это далеко не одно и то же.

– Этот номер газеты увидят не только наши однохотонцы, но и все в районе, в республике. Они правильно поймут беседу. Все, все будут знать вас! – тараторила Дуся. – Все, представьте себе, все!

– О, дярке!.. Я уже на том пути, что ведет к смерти. И к чему мне такая слава?

Шикря-эмген не кривила душой – слава ей была не нужна, однако газета хоть как-то, доброй памятью, благодарностью возвращала старухе часть потерянного.

– Ваша жизнь, ваше мужество откликнутся в душах знакомых и незнакомых людей. А вы узнаете о себе такое, чего не знали!

– Ладно, ладно, Дуся. Спасибо тебе за газету и за добрые слова. И иди, иди – тебя и другие ждут.

Дуся ушла, а Шикря-эмген надела очки с толстыми стеклами, стала всматриваться в ровные строчки и в лицо свое на снимке.

– Где же вы, мои молодые годы? – со вздохом прошептала она.

...Теперь весь хотон получал меньше писем, чем Шикря-эмген. Писали ей и знакомые и незнакомые, писали из соседних сел и из других районов республики, писали даже с Дальнего Востока, из Сибири, Средней Азии.

Дуся, вручая первую пачку писем, заметила:

– Видите, сколько людей, живущих в дальних местах, не теряют связи с Калмыкией: выписывают нашу газету, интересуются нашей жизнью.

Люди писали, что Шикря Дорджиевна с ее безграничной любовью к Родине способна преодолеть любые трудности, устоять под любыми ударами судьбы. Дуся читала письма и комментировала их. После этого Шикря-эмген сама всмат-

ривалась в строчки, и они начинали словно бы звучать на разные голоса.

На второй день после получения газеты к Шикре-эмген приехало районное руководство, целая делегация. Поздравили, расспросили о жите-бытье, интересовались: что ее заботит, чем бы они могли помочь ей?

– Ваш голос в газете – это голос всех наших тружеников, всех ветеранов, – сказал руководитель делегации. – По вам судят о всех нас.

Ни о чем не спросила Шикря-эмген, только сказала спасибо за то, что наведались, и угостила чаем.

Желающих повидать Шикрю-эмген было много. Она даже уставать стала от нескончаемого потока посетителей, от их внимания.

Как-то в полдень, пообедав, Шикря-эмген прилегла отдохнуть. И тут же в дверь постучали.

«Кто бы это мог быть? – гадала Шикря-эмген, поднимаясь. – Наши ко мне входят без стука».

– Войдите, там открыто! – пригласила она.

Вошедший топтался у порога, словно не знал, что делать дальше. Шикря-эмген, не отводя взгляда от гостя, тоже затопталась на месте, а потом кинулась вперед и через несколько шагов покачнулась и с криком «Бадма!» стала падать. Гость кинулся к ней и успел поймать на руки, поднес к кровати, уложил. Видно, он не ожидал, что встреча сложится так. Он смотрел на вытянувшуюся на постели худую и бледную старуху, в лице которой и теперь оставались следы былой красоты, смотрел и чувствовал: меж ними есть какая-то связь. «Почему она назвала меня Бадмой? – думал он. – Ведь меня зовут Борисом. Может, обозналась, может, спутала с кем-то!?»

Он услышал легкие шаги и обернулся – в комнату заглядывали девочки-школьницы, по виду – первоклашки. Та, что была впереди всех, подбежала к кровати, позвала:

– Ээджи Шикря!

Не услышав ни слова в ответ, бросилась к двери:

– Надо сказать ааве Сааралу!

Старик явился скоро, но его уже опередили – в комнате было несколько ближайших соседей.

На табуретке у изголовья кровати сидел молодой смуглый парень и прикладывал ко лбу Шикри-эмген платок. Саарал-овген стал расспрашивать незнакомца о случившемся, и тот, оказывается, не знал ни слова по-калмыцки. Удержавшись от желания упрекнуть парня за это, старик перевел свой вопрос на русский язык. Услышав подробный рассказ, Саарал-овген объяснил парню:

– Бадмой звали ее старшего сына. Он погиб на войне, но она все равно ждет его.

Парню родители дали имя в честь деда – Борисом назвали. В этом хотоне оставалась мать деда – ее искал Борис. Не в тот дом он попал? Но чем он ее растрожил? Видом своим – по словам родных, Борис был копией деда. Обозналась она, приняв его за родича? Вопросы один за другим проносились в голове Бориса. Однохотонцам старухи было не до него. Соседки старались привести ее в чувство, кто-то даже за врачом сбегал, но того на месте не оказалось – уехал в райцентр по делам. Старик, отстранив Бориса, склонился над старухой и тихо позвал ее:

– Шикря, ты слышишь меня, Шикря. Это я, Саарал. – Она открыла глаза,

в недоумении обвела взором комнату и сбежавшихся соседей, потом посмотрела в лицо Саарал-овгену.

– Узнаю, Саарал, – слабым голосом отозвалась Шикря-эмген. – Что со мной?.. Помню, что ко мне зашел какой-то парень... Йах-йах!.. Словно мой Бадма зашел – одно лицо! Мне захотелось обнять его... И дальше ничего не помню... Йах-йах...

И вдруг она увидела, что из-за плеча Саарал-овгена высунулось лицо того самого парня, лицо ее сына.

– Йа, дярке! Дярке, это мой Бадма!

С этими словами она попыталась подняться и тут же рухнула на спину и потеряла сознание.

Шикря-эмген встала на ноги через три дня. Все эти три дня Саарал-овген не покидал ее дома. Часто приходил врач с медсестрой, которая делала Шикре-эмген уколы. Бориса пригласила к себе одна из соседок. По совету врача и настоянию Саарал-овгена в этот дом он пока не заглядывал.

– Живой призрак, – говорил о парне Саарал-овген. – И во сне испугаешься, а наяву – тем более! Словно Бадма сам собой явился. А Шикря так ждала, что и не такого могла принять за родного сына!

И другие старики дружно подтверждали: Бориса не отличишь от давным-давно ушедшего на фронт Бадмы. А молодые и скорые на решения однохотонцы не сомневались: «Борис – внук Бадмы», никто не сомневался в том, что Бориса заставили явиться в хотон портрет Шикри-эмген и беседа с нею, напечатанная в газете.

Убедившись, что Шикре-эмген становится лучше, Саарал-овген позволил себе покинуть ее дом: ему надо было побывать у соседки, у которой гостил Борис. «Прежде, чем я позволю ему побывать у Шикри, спрошу, кто он и откуда», – решил Саарал-овген.

Борис охотно рассказал старику о себе.

– Мой дед Борис родился где-то на Волге. Об этом он сам говорил моей бабушке и моему отцу, Долану Борисовичу. Это мой дед дал отцу такое имя – Долан. Я слышал, что отец и два брата моего деда погибли на войне. Дед мой был тяжело ранен в бою – потерял руку и ногу. Долго лежал в госпитале в одном из уральских городов. Вернуться на Волгу он отказался, даже пытался покончить с собой. Уверен был, что отца и братьев нет в живых, и боялся навредить старой, сломленной горем матери, стать ей вечной обузой. Медсестра, которая ухаживала за инвалидом, полюбила его и взяла к себе – это была моя бабушка. Вскоре у них родился сын – мой отец... Месяц назад он погиб в автомобильной катастрофе. Через несколько дней после его похорон нам принесли эту газету.

Борис достал из сумки газету с портретом Шикри-эмген.

– Отец мой, недавно отметивший сорокалетие, собирался искать родственников моего деда. Еще при жизни деда отец стал выписывать газеты из Калмыкии. Я тоже их читаю... И вот решил сделать то, чего не смог сделать отец. Когда мы дома увидели газету, то подумали, что судьба Шикри Дорджиевны Надбитовой близка судьбе той, которую не забывал дед, которую все мы хотели видеть. И мать благословила меня на поездку в Калмыкию. И вот я здесь.

Борис подробно рассказывал о жизни деда, отца, бабушки и матери. Выпытав все, что можно было выпытать, Саарал-овген погладил белые, как снег, усы и промолвил:

– Теперь я понимаю, что так продлило век Шикри, что дало ей силы для такой долгой жизни!

Чуть погодя он заговорил снова, будто размышлял вслух:

– Если человек смотрит далеко вперед, если он видит далеко и характер у него решительный, он примет решение, которое не всякому по силам. Таков сын нашей Шикри Бадма. Он знал, что принесет близким горе, добавит им непосильных забот. Легко осудить его, глядя со стороны. А окажись мы на его месте, не поступили бы, как он? Еще руки на себя наложили бы!... Бадме повезло – помогли ему, поддержали его. Он выжил, создал семью, продолжил свой род.

Саарал-овген не сводил глаз с Бориса: «Как же он похож на своего деда!»

В том, что Борис – родной правнук Шикри-эмген, уже никто не сомневался. Не сомневался и Саарал-овген и все-таки попросил Бориса вместе выйти в соседнюю комнату: дело, мол, есть.

Там старик попросил Бориса:

– Сними пиджак и закатаи рубашку.

Борис удивленно пожал плечами, но подчинился.

– Так-так... Еще больше подними, – приговаривал Саарал-овген. – Повернись ко мне спиной, покажи левую лопатку. Так-так... Вижу!.. Теперь все понятно! Спасибо, сынок, и можешь привести себя в порядок.

– Что вы там высмотрели?

– Не обижайся, мне хотелось еще раз удостовериться в своей правоте. У всех твоих близких родичей есть общая примета – родинка на левой лопатке. Я с твоим прадедом на гражданской войне был. Не раз ночевали рядом, не раз купались. И деда твоего с детских лет знал, и родинку у него на лопатке видел. Бадмой его звали, твоего деда, а там, у вас, его стали Борисом называть – на русский манер... У тебя, как у Бадмы, лицо, как у него, точь-в-точь. Но дело серьезное, оно по неосторожности может навредить женщине, так что лишний раз проверить себя не мешает. Вообще-то, Шикря тебя признает своим и без такого доказательства. Не обманывает ее сердце! И все равно старуху надо подготовить – она ведь не правнука в тебе видит, а сына своего. Молодого видит, хотя ему, если не ошибаюсь, должно быть шестьдесят три года от роду. Повезло Шикре, дай бог, все это выдержать! Сколько лет жила ожиданием, сколько лет мечтала о внуках и правнуках. И вот он – правнук! Это ее ожидание вознаграждается! И не могло оно не вознаградиться. Я уверен: если бы ты еще десять лет не приезжал, то Шикря и эти десять лет прожила бы, ожидая.

На лице Бориса отразилась тревога:

– Как же быть? Пойду к ней, она снова разволнуется, снова ей худо станет. Этак и помереть недолго!

– Всякое может случиться, – задумался Саарал-овген. – Но будем надеяться на лучшее. В конце концов, чуя, что не одна на свете, она и прожила столько. То хорошо, что хорошо кончается! Давай до завтра подождем – она окрепнет, тогда и свидишься с нею.

– Как это будет, как это устроится? – беспокоился Борис.

– Выдержала она первую встречу, выдержит и эту. Конечно, и слишком сильная радость может дорого обойтись человеку. Что-нибудь придумаем, чтоб облегчить ей новую встречу с тобой.

Увидав, что в дверь заглядывает его внучка Булга, Саарал-овген позвал ее:

– Придумаем что-нибудь, внучка?

– Что вы придумаете? – с надеждой спросил Борис.

– Это уже моя забота, – сказал Саарал-овген и попросил Булгу: – Ты пойдешь к Шикре, подбодри ее, разве. Мы тебя тут подождем.

Некоторое время спустя Булга вернулась.

– Шикря-эмген чувствует себя неплохо. Даже повеселела. Я чаю ей дала. Она, бабушка, послала меня за тобой.

– Ты, Борис, подкрепишься тут маханом и чаем, отдохни. Ты тоже изрядно наволновался.

Старик вышел.

– Боюсь я за прабабушку. Виноватым чувствую себя. Хотел как лучше, а вышло...

– Ты ни в чем не виноват, – доказывала ему Булга. – Почаще бы такое волнение нашим вдовам!.. И вправду, поешь и ложись отдыхать. А дед мой потолкует с Шикрей-ээджи, они давние друзья, они поймут друг друга. И все обойдется.

– Саарал, заходите, садитесь поближе, – пригласила Шикря-эмген. Возле нее стояла кастрюля с чаем и чистые пиалы. Она взяла одну, наполнила чаем. – Пейте, он еще горячий. Ваша внучка варила.

– Как говорят русские, чай пить – не дрова рубить, – сказал старик, принимая пиалу. – Можно и попить чаю... Ну как ты тут?

Он держался так, словно ничего особенного не произошло, словно заглянул к старой доброй знакомой на досуге, чтобы убедиться в полном здравии ее и перекинуться с нею словечком-другим.

А Шикря-эмген спросила без обиняков:

– Долго я болела?

Саарал-овген принялся считать, загибая пальцы:

– Сегодня... Да-да, сегодня четвертый день. А может, третий?.. Нет, четвертый...

– Эти дни много для меня стоят – больше, во всяком случае, чем прошедшие после войны годы... Как похож тот померещившийся мне парень на моего Бадму. Как две капли воды, Бадма тот парень. Счастлирое видение. Будто ожила фотокарточка, которая всегда и везде со мной, – Шикря-эмген надолго остановила взгляд на портрете, висевшем в рамке на стене. – Будто наяву увидела сына. Если мне суждено умереть, скажем, завтра, я сочту, что дождалась сына и повидалась с ним. Он вернулся, мой старшенький, таким, каким я его проводила на фронт. А ведь ему теперь шестьдесят три... Должно быть, мой век заканчивается. Любимый мой сын это почувствовал и вышел на встречу. Как же иначе?

– Ну это ты брось, Шикря. Как можно говорить такое? – горячо возразил Саарал-овген.

– Тем более, что извещение могли прислать по ошибке. Страна огромная, народу воевало много, разве долго ошибиться? А вдруг он приютился в каком-нибудь далеком уголке? Прожил столько-то и детей и внуков оставил. Иначе откуда взялся бы мальчик, похожий на него?

Саарал-овген понял, что поспешил сказать то, с чем не надо было спешить, и стал поправлять оплошность:

– Чего вдруг привиделся мальчик?

– Не в первый раз, Саарал, не в первый. Я отдаю себе отчет в том, что навещают меня призраки...

– Я слышал о таком и от других, а самому не пришлось... Как это бывает?

– Как бывает, спрашиваете? – Шикря-эмген сделала паузу, во время которой наполнила пиалу. – Что ж, послушайте...

* * *

– Война закончилась. Стали возвращаться те, кто уцелел. Я хоть и получила черные извещения, все равно ждала, все равно надеялась. Вдруг военные ошиблись, вдруг вернется кто-нибудь из моих? Неужели все четверо погибли? Не могла я смириться с такой долей... Однажды сижу, думаю о муже, о сыновьях и не сразу поняла, что в дверь стучат. Отворила и увидела пожилую цыганку. Я испугалась так, что еле устояла на ногах.

– Ты страдаешь, ты ждешь сыновей, и горе у тебя большое, – начала цыганка. – Но ты не убивайся – не все они погибли. Положи мне на ладонь сторублевую бумажку.

Не верила я ей, но решила, что гаданье не помешает и положила на ладонь сторублевку.

– Мужа твоего в живых нет. Встреча с ним тебе не выпадает, – говорила цыганка, разложив карты. – А старший сын жив и вернется. Если хочешь узнать и про остальных, прибавь столько же, сколько дала сперва.

Глядя на ее ладонь, я сказала:

– Не верю я тебе. Если ты знаешь, скажи тогда, в каком виде он явится мне и где он сейчас, мой старшенький?

– Не веришь, можешь больше не давать денег. Но завтра ты отдашь мне все, что у тебя есть. А пока возьми стакан, набери в него воды и верни мне, – велела цыганка, таинственно улыбаясь.

Я выполнила ее волю, а она, держа стакан с водой перед собою, что-то бормотала, даже молилась. Потом вернула стакан и сказала: «Ровно в полночь, минута в минуту – в двенадцать часов поставь стакан перед собой и, ни на что не отвлекаясь, не моргая, смотри сквозь воду на дно. Если сын твой жив, то он появится на дне стакана таким, каким ты провожала его. Но перед этим ты вспомни его образ, представь лицо его, глаза и жди, терпеливо жди. Он появится, непременно появится, я знаю, что он жив. Смотри, не проспай, не упusti время...». Цыганка ушла, а я места себе не могла найти. Ходила из комнаты в комнату, сутилась, садилась и снова вставала, ни на секунду из дому не отлучалась, а время текло медленно, до двенадцати все еще оставалось много... Никуда не уходила я еще потому, что думала: вдруг он явится мне раньше? Не могу же я прозевать этот момент... Наконец полночь приблизилась, – считанные секунды до нее оставались. Как же медленно проходили эти секунды! Я смотрела в стакан, глаз не сводила со дна, представляя сына таким, каким он оставался на этой фотокартке: иным, в военной форме. И вдруг... Вдруг на дне стакана появился мой Бадма...

Шикря-эмген задышала взволнованно и часто, захлеб задышала, затрудненно. Саарал-овген встревожился: ей снова станет худо. Но старуха справилась с собой, дыхание ее снова стало ровным.

– Не удержалась я, крикнула: «Бадма, мой милый!» И, желая обнять сына, грудью упала на стакан. Что было дальше, не помню. Когда очнулась,

увидела, что пустой стакан лежит на полу, вода лужей растеклась. «Сын мой жив, жив!» – радовалась я, уверенная, что не сегодня, так завтра встречу с ним. В ту ночь я не могла заснуть. Почти не спала и другие ночи. Не жила, а в облаках витала... На второй день та цыганка явилась снова. Я встретила ее со слезами. Сняла с себя золотые сережки, вдела в ее уши.

– Ты сказала правду. Жив мой сын! Спасибо тебе! Когда он вернется, приходи к нам, я тебя одарю, не скупясь. А сейчас скажи все, что знаешь о других моих сынах.

– И те живы, – заявила она. – Они тяжело ранены, очень тяжело. Пока лечатся, придет срок – возвратятся. Но будет это не скоро. Зато заживете вместе.

Ни в одном слове ее я не сомневалась.

Кроме сережек, отдала ей полмешка муки, около ста рублей деньгами – все, что было у меня, до копейки отдала...

Шикря-эмген коснулась уголков глаз концом своего платка.

– И что потом? – торопил Саарал-овген.

– Что было потом? Заболела я. От горя, от всего нескладного в моей судьбе. Жить не хотелось. Меня лечили едва ли не насильно. Когда стало полегче, врач удобно устроился на стульчике перед моей кроватью и заговорил: «Может, и вправду жив ваш сын, но на дне стакана вы увидели его потому, что он все время в вашей памяти, в вашем сознании. Вы так сильно хотели увидеть его, что поддались внушению, и он «явился» вам. Не зря цыганка посоветовала представить его. Воображение ваше сработало и вывело на дне стакана такую картину, какую вы мечтали увидеть. Негатив был в голове, фотоотпечаток – на стеклянном дне стакана. Цыганка о такой возможности знала, а вы – нет». Так-то вот, Саарал.

Выдержав испытующий взгляд старика, Шикря-эмген добавила:

– Когда чего-то очень хочешь, оно сбывается. Как-нибудь, но сбывается. Пусть не воочию, а увидела я своего Бадму, пусть, как призрак, но явился мне мой любимый сын. Может, вправду, потому что фотокарточка всегда передо мной и что цыганка внушила мне это видение.

– Все так, все так, – согласился Саарал-овген. – В войну многие потеряли близких и не могут их забыть, и надеются увидеть живыми. И потому столь доверчивы и внушаемы, оттого и цыганкам легче гадать – нагадывать... А может, цыганка истинную правду сказала? Может, Бадма где-то живет?

– Не где-то, а здесь он должен жить, возле меня. Предки наши говорят, что умерший может воплотиться в ком-то очень близком. Если это так, Бадма должен быть не в Сибири, не на берегу Ледовитого океана или еще где-то, – решительно заявила Шикря-эмген.

– Это ты так считаешь. А судьба могла по-своему распорядиться. Представь себе, что твой сын полюбил девушку, создал с нею семью, детей народил и вырастил. И повторился в своих детях. А то и во внуках. Бывает же, что внуки похожи на нас больше, чем дети... Могло такое случиться и с Бадмой, вернее, с этим парнем.

– С каким таким парнем? – требовательно спросила Шикря-эмген. – Тем, что призраком явился мне в образе Бадмы?

– Почему бы нет? Могли быть у Бадмы внуки? Могу я допустить такое предположение?

– Как это понять? Явился мне не призрак, а парень, который мог оказаться внуком Бадмы?.. Не призрак же прикладывал мокрый платок к моему лбу?

– Не призрак, я думаю, – осторожно высказывался Саарал-овген, боясь переборщить и навредить старухе.

– Где же тот «не призрак»? – впрямую спросила Шикря-эмген. – Где?

– Где? – тянул Саарал-овген. – По делам приехал. Он сын моего доброго знакомого. Переночевал у нас и уехал, пообещав заглянуть к нам на обратном пути. А у него есть друг, с которым он раньше учился...

– С кем и где он учился?

– Не запомнил я, как-то не придал этому значения...

– А куда он отправился по своим делам?

– Тоже позабылось... Чего ты наседаешь, говорю же, что на обратном пути заглянет, – отбивался Саарал-овген. – Такой умный парень...

– Чего это он у меня оказался, если он такой знакомый?

– Чего, спрашиваешь?.. Он мою фамилию забыл. А где-то надо было переночевать? Надо. Соседки сказали, что ты такая добрая и отзывчивая старуха, что ты ночлег дашь...

– Ладно, как вернется, пусть непременно ко мне зайдет, – настоятельно промолвила Шикря-эмген. – За меня не бойся, со мной ничего не случится. Я на том свете уже побывала и все выдержу.

– Все будет по-твоему. Как вернется, сразу явится к тебе. Только говорить он будет по-русски, калмыцкий он не знает.

– Разве он не калмык?

– Кто его знает? То ли русский, то ли калмык, но нашим языком он не владеет.

– Отец его твой хороший знакомый. У него здесь живет хороший друг. Он куда-то поехал. И все – вообще. Ни имен, ни адресов. Даже национальность приезжего не известна, – с иронией сказала Шикря-эмген. – К семидесяти двум небывицам прибавляется еще несколько? Не так ли?

Саарал-овген стал оправдываться:

– Знаю, что отец его калмык. А кто мать – не ведаю. Отца его зовут Наран, в Новосибирской области он живет. Мы с ним служили вместе в гражданскую...

– Что-то вы путаете, Саарал... Главное, пусть парень придет, я с ним как-нибудь объяснюсь.

– Нет, главное, ты не волнуйся. Ты хочешь, чтобы все было по-твоему, и уж не знаю, как с тобою говорить... Ты лучше ляг, поспи маленько, а я к себе пойду. Как только парень вернется, приведу его к тебе. Немедля приведу.

– Не надо... Мне он никто, – неожиданно сказала Шикря-эмген и тут же поправила. – Нет-нет, пусть придет, взгляну на него.

Она легла на бок так, что видела фотокарточку на стене. Саарал-овген надеялся, что она заснет. Но скрипнула дверь, и старуха встрепенулась. Увидела Булгу, снова улеглась.

– Вздремни, – посоветовал Саарал-овген. – Булга за мной пришла. Потерпи маленько, увидишь парня...

Оставшись одна, Шикря-эмген попробовала заснуть, но ничего у нее из этого не вышло: стоило ей закрыть глаза, как из тьмы к ней приближался ее Бадма.

* * *

На следующий день Саарал-овген встретился с Борисом.

– Твоя прабабушка чувствует себя в общем-то нормально. Этой ночью видела тебя во сне, перенесла это видение почти спокойно. Так что можешь навестить ее. Прямо сейчас и пойдём, – сказал старик и напомнил: – Ты скажешь ей, что возвращаешься из поездки и пришел навестить, справиться о здоровье, тем более что у тебя есть такая же старенькая ээджи. Не надо раскрываться сразу, чтоб не навредить Шикре.

Булга предложила изменить Борису прическу, чтобы он не так сильно походил на Бадму. Полное сходство могло снова потрясти его прабабку, изнуренную горем и долгими годами ожидания. Вздохматив черные прямые волосы Бориса, Булга ловко соорудила на его голове что-то небрежное и современное. Борис не стал возражать – девушке видней.

Саарал-овген, придирчиво оглядев парня, решил, что все в порядке, и распорядился:

– Булга, тыходишь к Шикре первая, мы – за тобой.

Булга впорхнула в комнату Шикри-эмген, заговорила весело и легко:

– Ээджи, можете познакомиться с тем парнем, что взбудоражил всех нас.

Он следом идет.

Саарал-овген и Борис показались на пороге, причем старик как бы продолжал разговор, начатый на улице:

– Значит, нормально съездил? Молодец, что вернулся. Шикря-эмген уже поправляется...

Борис подтвердил, что и съездил нормально и рад, что Шикря-эмген поправляется.

И тут случилось неожиданное: Шикря-эмген отбросила одеяло, встала с кровати и, кинувшись к Борису, обняла его, поцеловала. Потом, отступив на шаг, всмотрелась в него, пригладила ему волосы на косой пробор, как на фотокарточке Бадмы, и снова поцеловала. Она стала так, что сразу видела и Бориса и снимок на стене.

– Как попала сюда моя фотография? – спросил Борис. А Шикря-эмген целовала его и что-то взволнованное говорила быстрым шепотом. Понемногу она успокоилась, и речь ее стала понятна:

– Сердце мое не ошибалось. Оно ждало этой встречи... Не зря Саарал-овген предполагал, что мой Бадма мог оставить детей, а те дети – своих детей... Но отчего мой сын так долго не подавал вестей о себе? Отчего не приехал сам, а послал ко мне своего внука?

Саарал-овген коротко рассказал историю Бадмы и посоветовал:

– Ты, Шикря, как придешь в себя совсем, расспросишь правнука, он все передаст тебе в подробностях. Ты пойми сына, он принял свое решение из-за огромной любви к тебе.

– Не сужу его, но он должен бы представлять, что дитя для матери – всегда дитя, в любом состоянии...

– Ну случилось, чего уж! – увещевал старик. – Если бы все сложилось по-другому, не было бы и правнука твоего Бориса. А теперь он есть и выполнил волю умершего отца своего...

– Быть по сему, – решила Шикря-эмген. – А теперь прошу известить всех в хотоне, что завтра жду их к себе. Мой сын, разбив фашистов, вернулся ко мне.

НАЗВАННЫЙ БРАТ

РАССКАЗ

Немало лет пролетело с того, уже далекого, ароматно пахнувшего душистым хлебом и окрашенного юношеской романтикой, дождливого лета. Но та дорожная история каждый раз вспоминается все ярче, осознаннее...

Серая змейка грунтовой дороги затерялась в золотистом море спелой пшеницы. Вот опять она уперлась в густой стеблистый пшеничный лес, пружинисто кивающий тугими колосками, словно предупреждая: «Стоп! Приехали, дальше пути нет!» Но в последний момент дорога круто поворачивает и вновь разматывается перед автомашиной.

До чего приятна такая езда! Особенно, если учесть, что совсем недавно ты в беспокойстве стоял на окраине села в ожидании попутки, с тревогой поглядывая на приближающиеся тяжелые, с иссиня-черными краями, гроззовые облака, заволанивающие горизонт буквально на глазах.

Неотвратимо нависающая над степью гроза казалась совершенно не страшной в небольшой, пахнувшей пылью и бензином, кабине старенькой машины. Видевший виды «ГАЗ-69» недовольно поскрипывал, считая выбоины на разъезженной дороге. Пожилой водитель ворчал: «Каждый год одно и то же – как уборка, так и дожди». Но деловито урчащий двигатель, казалось, успокаивал: «Ничего... Прорвемся... И не в таких переделках бывали».

Сквозь густую пелену дождя вдруг прорисовался контур крытой брезентом грузовой машины у обочины. Возле кузова спиной к нам стоял обнаженный по пояс человек. «Никак наш Николай Бадмаевич загорает?» – удивился водитель с тревожными нотками в голосе. Остановив свой «газик», он подошел к грузовику. За ним поспешил и я.

«Мыкола, ты сдуришь, чи шо? Захвораеть ведь», – неожиданно для меня заговорил на украинский лад водитель «газика». Он осторожно коснулся при этом рукой блестящего под дождем бронзового плеча мужчины. Недовольный тем, что ему помешали, тот повернул голову – удивительно чистые, синие глаза глянули на нас, но, заметив наши встревоженные лица, мужчина мягко улыбнулся: «А как же иначе, Семеныч? Это ж богатство дороже золота. Это ж наш хлебушко!» – произнес шофер грузовика, кивнув головой на текущую в грязь из образовавшейся между бортами щели золотистую струйку зерна. Своей рубашкой он сноровисто заделывал брешь.

Поняв, что здесь в нашей помощи не нуждаются, мы, смущенно потоптавшись на месте, направились к своей машине. «А простудиться я не должен, Семеныч. Во мне ведь течет горячая калмыцкая кровь», – послышался вдогонку веселый голос.

Прокопенко Валерий Васильевич (род. в 1947 г.). В периодических изданиях опубликовал более двухсот рассказов, новелл, очерков, лирических миниатюр и стихотворений в прозе. Автор книги лирической прозы «Ласточкин эскорт». Член Союза писателей и Союза журналистов России. Третье место лауреата Всероссийского конкурса журналистов «Экология России. Из века в век».

Вот он, Бадма! Посмотрите на фотокарточку, разве это не его фотокарточка и разве сейчас не он стоит передо мною?

– Может, подождать с приглашением? – спросила Булга. – Вы свыкнитесь с Борисом, он отдохнет с дороги.

– Нет, приглашение не отложу! Завтра угощу всех. Завтра такой пир устрою! Я столько времени ждала этого дня! Из пенсии я откладывала понемножку, накопила кое-что. Этого хватит, чтобы угостить однохотонцев... Прошу тебя, Булга, займись завтрашним пиром, школьники, мои друзья, тебе помогут. Выполни это мое последнее желание!

– Не говорите так, Шикря-ээджи! – попросила Булга. – Я все сделаю, и помощники найдутся. Только не надо думать, что это ваше последнее желание.

– Не хотелось говорить этого, само вырвалось так, – повинулась Шикря-эмген. – Не все от меня зависит.

* * *

...Люди шли во двор Шикри-эмген дружно – все рады были за нее.

А она приглашала:

– Входите, мои дорогие однохотонцы. Ешьте! Пейте! Празднуйте! Мой сын ушел отсюда защищать Родину. А сейчас он вернулся ко мне с победой! Вот он – рядом со мной!.. Входите, ешьте, празднуйте! Всех прошу, всех! Входите, добрые люди нашего хотона! Долгие годы вы страдали вместе со мной. Большое всем вам спасибо... Если кто-нибудь из вас встретит Сергея, который приезжал из газеты, писал обо мне и помог увидиться с Борисом, передайте корреспонденту привет! Сделайте это за меня, я его навряд ли уже встречу... Он хороший человек, а хорошие люди делают возможным невозможное.

– Да он здесь, – воскликнула Булга. – Вот он!

Сергей выступил вперед, и Шикря-эмген привлекла его к себе. В тот вечер в хотоне Ницян был такой праздник, какого люди давно не видели.

Утром следующего дня Шикря-эмген сама приготовила завтрак, пригласила к себе Саарал-овгена. За столом она заботливо угощала Бориса. Потом попросила послушать ее.

– Моим хозяйством после меня распорядишься по своему усмотрению. Как я ждала этого дня! Я дождалась его, теперь я могу умереть со спокойной душой.

Она обняла Бориса и долго держала его в своих сухих и теплых руках.

– Мне пора, дитя мое. Я прилягу.

– Ээджи, живите долго! – начал говорить Борис и замолк: горло его сдавило так, что он едва не задохнулся. Он уронил голову на стол. А когда поднял ее и взглянул на кровать, то увидел: Саарал-овген закрыл глаза Шикри-эмген: она была мертва.

Борис долго и безутешно плакал над ней, жалуясь, что принес с собою несчастье.

– Нет, ты принес радость, – утешал его Саарал-овген. – Она так долго ждала, что силы ее иссякли. Хорошо, что ей их хватило дожидаться тебя, продолжение своего сына Бадмы. Ее жизнь была тяжелой, а смерть ее была легка... Судьба не жалела Шикрю, но твоя прабабушка все равно вышла победительницей, оказалась сильней судьбы... А ты крепись – тебе продолжать славный род Надбитовых.

Борис не отвечал. Как немой, смотрел на лицо своей прабабушки, потом перевел взор на фотокарточку деда и сказал:

– Надо известить людей.

Перевел с калмыцкого Николай ЕГОРОВ

ДЕРЕВЯННЫЕ КУКЛЫ

РАССКАЗ

Когда раздавшийся неподалеку хлесткий звук разбудил его, Дени увидел падающий в окно лунный свет, а в соседней комнате слабо заплакал ребенок. Дени понял, что это за шум, когда тишину опять нарушил грохот выстрелов, вспомнил, что живет в суверенной стране и поэтому не может быть несчастлив.

Когда ребенок заплакал вновь, Дени перешел в ту комнату и, откинув полог с колыбели, прочел «шахадат» – ребенок плакал во сне. Он вспомнил слова матери: ребенок плачет во сне, когда ангелы ему говорят, что родители его умерли. Какая жестокая шутка для маленького, незащитного человека, пришедшего откуда-то из Вечности на эту холодную, жестокую, полную угроз землю, не имея никого, кроме родителей! А может, ангелы не шутят? Может, они готовят маленького человека к этой жизни, заранее давая ему познать горечь беды?

Земля – своеобразный ад, созданный для испытания человеческих душ. Испытание начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль, редко, раз в десять лет, душа обретает покой.

Проснувшаяся мать извиняется:

– Кажется, я задремала.

Колыбель, ритмично раскачивающаяся под ее рукой, просеивает плач ребенка, как сито просеивает кукурузную муку, рассыпает его по миру, пока он не утихнет.

Он идет в свою комнату и садится за стол. Вырезанные им из дерева образы, стоящие на столе, в свете луны кажутся призраками удивительных животных, живущих в непроходимой чаще леса.

Он освоил это ремесло – вырезать из дерева человеческие образы – еще в детстве, когда отец взял его в горы пасти овец. Отец не одобрил увлечения сына: бесполезное занятие, кроме того, изображать людей запрещено религией. Но вошедшая в кровь привычка гнала эти мысли прочь. А когда на его скульптурную композицию «Зимой в горном ауле» (на доске метр на полметра он изобразил основные события, которые происходят в ауле в течение одного зимнего дня: в углу стояла высокая башня, вокруг беспорядочно разбросаны дома, там с горки на санках катаются дети, тут на центральной площади аула собрались мужчины, мимо них, погоняя двух волов, запряженных в сани, идет старик по дрова либо за сеном, чуть поодаль, у родника, стоят юноша и девушка, гонит с водопоя овец мальчик, а рядом с ним большая мохнатая собака) обратили внимание на выставке, проходящей в Москве, у него не осталось сомнений в том, что он на верном пути.

И тогда весь дом заполнили деревянные скульптуры, и чем больше их ста-

Некоторое время мы ехали молча. Потом, словно угадав мои мысли, шофер усмехнулся и обратился ко мне, не отрывая глаз от дороги: «Что, парень, небось голову ломаешь, почему у Николая калмыцкое отчество? Он его сам себе присвоил... Случилась с ним одна история... В общем, не жить бы, наверное, ему на этом свете, если бы не спас его человек именно с таким вот отчеством. Год назад попал Николай в тяжелую аварию. Ехавший сзади шофер – а звали его Борис Бадмаевич – не растерялся, увидев окровавленного, без сознания парня, сделал все, что мог: остановил сильное кровотечение наспех сделанной из своей рубахи повязкой, доставил в ближайшую больницу, а когда потребовалась кровь для переливания, немедленно дал ее. Так что породнила этих парней одна кровь, их теперь водой не разольешь. Николай своего спасителя иначе, как братом, и не называет, и доволен, когда его самого, как и Бориса, величают Бадмаевичем...»

Мы обогнали несколько грузовиков. Машины шли медленно, тяжело, с почти равными интервалами, и какая-то торжественность чувствовалась в этом своеобразном трудовом параде. «Наверное, один из них ведет и Борис Бадмаевич», – невольно подумалось мне.

«Русская кровь, калмыцкая кровь... Да у всех у нас она одна – человеческая!.. – воскликнул задумавшийся было Семеныч, словно продолжая свой рассказ. – Одна ведь у нас жизнь, общая – и поля одни пашем, и хлеб один едим...»

Луч солнца прорвался сквозь пелену облаков, и сотни крошечных радуг заплясали на пушистых колосьях, тяжело склонившихся к земле. «На славу удались хлеба, значит богаты будем», – подал голос Семеныч и тут же совсем подетски, с каким-то удивлением добавил: «Дождик-то уже слепой...»

В небесах уже трудились жаворонки, звонкими колокольчиками повиснув над степью, возвещая о конце недолгого летнего ненастья.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Арсанукаев Шайхи. На доброй земле.**
М., Фонд им. И.Д. Сытина, Фонд Расула Гамзатова, 1995
- **Влади Марина. Мой вишневый сад.**
М., «Время», 2005
- **Пряхин Георгий. Русские на Кавказе.**
Собрание сочинений, том 5. Москва «Воскресенье», 2005
- **Шубная Любовь. Жизни тоненькая нить.**
Стихотворения. Новопавловск, 2006

новилось, тем больше росло недовольство отца: «Мой сын тридцать лет играет в куклы, а чужие сыновья давно уже начали жить самостоятельно», – ворчал он.

А однажды зимним утром, когда мать никак не могла растопить печь, отец взял самую крупную из его скульптур, разрубил на мелкие сухие деревяшки и положил в печь. Дени молча глядел на огонь, который мать развела из скульптуры, и тихо оплакивал в душе свое творение. Увидев огорчение сына, отец, казалось, тоже был огорчен: «Ты что приуныл, как на похоронах самого дорогого человека? Вырежешь новые деревянные куклы – тут во дворе жерди, привезенные мной, возьми какую хочешь, хочешь бук, хочешь липу. Закончатся они – так в лесу еще немало деревьев».

Он промолчал, хотя сразу же простил отца, промолчал и за завтраком, когда отец попытался шутить (не хотел молчать, но бес попутал), промолчал и позже, когда отец запряг коня в сани и пошел на лесную поляну за сеном, оставляя следы на свежеснеженном снегу. Досада на самого себя, возникшая у него в тот день, когда он торопливо, часто дыша, шел по следу саней за задержавшимся отцом, год за годом в душе тяжелела и росла, заставляя сердце биться все слабее и слабее. Когда посреди заметенной снегом поляны на санях, полных сена, он увидел снежную пыль на холодном лице внезапно умершего отца, эта жестокая досада, разбив, как стекло, на мелкие осколки его сердце, попыталась вырваться и уйти в темные высоты, туда, в холодную пустоту, где скитаются беды и печали других людей. Поначалу его сознание согласилось с этим, но, вспомнив долг перед матерью и младшими братьями и сестрами, он удержал в себе эту досаду, жгущую ему сердце расплавленным свинцом.

Пламя творчества, вспыхнувшее в нем в детстве, слабело год за годом, но он не сдавался, трудился день и ночь. «Ты почти уничтожил весь лес вокруг нашего села», – шутили соседи. Так проходил день за днем; сначала наступала зима, потом весна, потом лето, потом осень, а после все повторялось вновь: молодые выросли, взрослые старели, а старые, глядя усталыми глазами на оставляемый ими мир, умирали. Только он один застыл, не взрослея и не меняясь.

Он изменился неожиданно, когда в гости приехала сестра, моложе его на десять лет. Сын и дочь сестры играли во дворе с сыновьями брата, который был на два года младше сестры, и во время игры кто-то из «хозяев» обидел девочку, та заревела, и Дени пришлось их мирить. Вот тогда и возникла мысль: «Чем я занимаюсь?.. У людей семьи, у них какие-то цели в жизни: построить дом, купить машину, устроить детей в школу, одеть их, обуть...» Только у него нет никаких таких дел. Его забота – вырезать из дерева куклы, но, как бы тщательно он над ними ни трудился, они никогда не улыбаются, никогда не разговаривают, не плачут, как племянники, они холодны, и этот холод пронзает его сердце. Потом, не имея сил работать, он до глубокой ночи сидел, опустив руки, а когда прилег на жесткую деревянную кровать без матраса и одеяла, так и не смог заснуть до самой зари.

Когда он открыл глаза, то увидел, как в окно щедро бьют лучи летнего солнца. Во дворе играли дети, кудахтали куры. Мать, возившаяся под навесом, увидев, что он проснулся, крикнула ему, чтобы он шел завтракать.

Позже, когда он сидел за круглым низким столом, обмакивая лепешку в сметану и запивая ее сладким чаем, неожиданно возникла мысль: надо уехать в город, там оценят его творчество, во всем виновато село, в городе на него обратят внимание.

Он окончательно потерял интерес к селу, когда мать, вопреки его воле, пошла к живущей на краю села Бекисат засватать ее внучку. Та обошлась с ней очень невежливо, и мать, проклиная ее на чем свет стоит, вернулась домой, швырнула шаль и в сердцах сказала: «Во всем виновата я, что пошла к неблагодарным людям». Мать обиделась не на отказ Бекисат, а на слова, сказанные ею в адрес сына: «Только этого, играющего в куклы, нам и не хватало». Дени тоже сильно задел эти слова, ему показалось очень жестокой насмешка над его трудом, которому он отдавался усердно, как праведный мусульманин молитве. Но, прислушавшись к сельчанам, он понял, что не одна Бекисат так о нем отзывается. И однажды, взяв у матери около ста рублей, вырученных ею от продажи фасоли, он утренним автобусом уехал в город. А через несколько месяцев почувствовал себя еще более несчастным, чем в селе. В домике, снятом им на городской окраине, было холодно и одиноко. В селе согревала хотя бы мысль уехать когда-нибудь в город и стать известным. Сейчас и этого не было. Но все равно, как бы ни душил холод обиды, он, беззвучно рыдая, резал дерево.

Казалось, куклы получались лучше, чем раньше. Состояние его души переходило к дереву, поэтому в глазах скульптур навсегда застыли его печаль и его ожидание. Каждого деревянного «ребенка» сразу же по рождению он выставлял на продажу в магазин художников, но покупателей все равно не находилось, хотя цена была и невысокой. Он каждый день навещался в магазин, где продавцы каждый раз милосердно улыбались ему:

– Как красивы твои скульптуры! Только никто не покупает...

Но однажды перед его композицией «Зимний день в ауле» остановилась девушка. Она долго осматривала ее, потом подошла к кассе и заплатила. Две продавщицы переглянулись и как-то странно улыбнулись.

– Что же ты не купишь еще одну? – спросила одна из них, подмигнув Дени, стоящему у окна.

– Как-нибудь в другой раз куплю, – сказала девушка.

Когда она вышла, он направился вслед за ней, слыша за спиной смех продавщиц.

Через несколько дней в магазине не осталось ни одной из его скульптур: некоторые купила та девушка, другие он ей подарил. Позже они вместе наблюдали, как с деревьев на городских улицах, желтея и краснея, падает листва. Потом, подобно этой листве, в воздухе начали кружиться снежинки. И их, оторванных от земли любовью, не чувствующих крепнущих морозов, подобно двум снежинкам, кружил ветер жизни. Эти дни, вечера и ночи были удивительны и сладки, но один вечер со снегопадом и ветром был не похож на другие. Они вдвоем стояли под высоким навесом у железной дороги и слушали скрип раскачиваемых ветром деревянных деталей. Неизвестно почему – может быть, зимняя стужа одолела и тепла их любви не хватило, чтоб растопить ее, а может, судьба послала ему какой-то сигнал, но вся его жизнь до этого момента и то, что будет в будущем, показалась ему похожей на этот навес в метели. Нет, не в силах Марима превратить этот навес в дом, не в силах приручить его одичавшую душу. Неужели не в силах? Если она не сможет, то кто же? Ему захотелось обмануться: кто знает, может, этой девушке удастся защитить его от ветра одиночества, пронизывающего его тело, словно сито.

Без шума, тихо в студеную зиму привел он Мариму в арендованный им дом. Чем меньше людского внимания, тем лучше, казалось ему. Марима, оказывает-

ся, думала иначе. Позже, через полгода, она призналась ему, что ей хотелось шумной, со звонкими песнями свадьбы.

А когда началась совместная жизнь, груз обязанностей с каждым днем становился все тяжелее, тяжелее и тяжелее, и, чтоб не пасть под его тяжестью, он, просыпаясь среди ночи, садился за рабочий стол и до утра занимался резьбой. Изредка Марима намекала, что надо бы как-нибудь заработать денег, купить жилье, кое-какую обстановку, а потом спокойно заняться творческой деятельностью. Эти нравоучения он отметал от себя, мотая головой, как конь, отгоняющий назойливых мух. А однажды ночью после вечеринки с друзьями, придя домой слегка навеселе, он стал кричать: «Я великий художник! Я презираю тех, кто богатеет на торговле тряпками. Мое имя будет жить в веках! Кто подобен мне? А?»

Марима в ту ночь не сказала ни слова, а это было тяжелее всего. Ему казалось, что как только он перейдет на крик, то жена тут же возразит и начнет перечислять ему все, что не сделано, и все, что необходимо сделать по дому, а он, доказывая, что все это малозначительно, будет настаивать на своем... Без лишних слов он легко получил победу, и она не принесла ему радости. Наоборот, горьким комом застыла в горле, не растворяясь даже после нескольких стаканов воды. А утром, сидя за завтраком, состоящим из хлеба и чая, он подумал: «Я, конечно, «великий художник», но где-то заработать денег все равно надо».

В конце холодной влажной весны в их дом пришла маленькая гостья и через неполных два месяца научилась виновато улыбаться родителям. «Мы ждали мальчика и уже придумали ему имя, как будто не могла родиться девочка. А она пришла, хотя ее никто не ждал, поэтому чувствует свою вину за наше обманутое ожидание», – подумал отец. Эта мысль показалось ему безобидной и опасной для ребенка: никто не приходит в этот мир вместо другого, каждый идет со своей судьбой, со своим смыслом, по воле Бога, поэтому нельзя так думать, даже в шутку...

Груз ответственности стал еще тяжелее и походил на каток, выравнивающий асфальт. Эта тяжесть раскатала его в лепешку со всем его творчеством и смешала с асфальтом. Но, как травинка, тянущаяся к солнцу сквозь толщу асфальта, какая-то надежда тянулась в нем к жизни. Этой надеждой была композиция, которую он задумал создать на большом деревянном блюде.

Часто эта композиция снилась ему. Вокруг большого подноса, наполненного вареным сушеным мясом и галушками из кукурузной муки, ужинает семья. Рядом стоит сноха, и старая женщина часто обращается к ней: «Садись, Аянт, садись. Отдохни немного». «Сяду, нана», – отвечает сноха, но традиций не нарушает. Она беременна, поэтому и переживает так свекровь. Сытная пища – это благодать Бога в ответ на честный труд. Ужин заканчивается. Сноха убирает посуду. Потом, когда, очистив поднос, она берет его в руки, чтобы поставить на место, выбивая окна и двери, в дом врывается чуждый ветер. Этот ветер сметает все в кучу, бросает людей оземь лицом вниз, остужает души, выгоняет людей из жилищ, опустошая горные аулы, и собирает их в Нашха, чтобы оттуда бросить далеко, в безжизненные земли («Куда? Куда? Куда?» – кричат застывшие от горя лица, но никто не отвечает), в Судный день, в ад. О, Нашха, прародина чеченцев! Как переживешь ты тяжкое горе, которое несут с собою эти люди в твой благодатный Хайбах? Почему не расколется земля? Настолько тяжело оно, это Большое Горе, состоящее из печалей

лей каждой души. У Аянт, шедшей с тем же подносом в руках, на окраине села Хайбах начались схватки. Женщины окружают ее. Круг расширяется, округляется, уплотняется. В центре этого круга на белом снегу постелена черная бурка, а на ней Аянт, кусая губы, сдерживает стоны, чтоб о ее муках не узнали растерянные от горя люди, чья гордость, храбрость и мужество растоптаны. «Аянт, не мучайся! Стони, кричи», – умоляет свекровь, а женщины, толпящиеся вокруг, начинают громко восхвалять Бога, чтобы заглушить ее стоны:

– Лаилах! Иллаллах! Лу, Лаилах! Иллаллах! Лу.

Молитва женщин продолжается почти до рассвета. А на рассвете в мир, ополчившийся против него холодом, жестокостью и горем, приходит человек, с криком приходит в холодную обездоленную страну.

Девочка! Девочка... Бедная! Как не вовремя ты родилась! Ведь девочка и без этого несчастья обездолена...

– Да пошлет тебе Бог счастья... Амин! – распространяется вокруг шепот.

– Ее будут звать Фатима, как дочь Пророка, – говорит свекровь. Круг уплотняется, желая защитить от снега, ветра и метели это нежное человеческое существо, пришедшее в заснеженный мир, но печаль в сердце каждой женщины вместо тепла, так необходимого ребенку, создает стылый холод. Женщины все равно сбиваются в плотную кучу, чтобы пламенем своих душ, своим дыханием сберечь эту жизнь, пытаясь дать столь нужное ей тепло. Но вокруг этого круга стоит еще один круг – круг вооруженных чужих людей. Круг людей, пришедших, чтобы обездолить, уничтожить их родину. Выше них вокруг стоят горы. Выше гор – круг, образованный туманами и тучами, и выше них – круги, созданные небом, звездами, пустотой, холодом и мраком...

И этот маленький человек должен жить, испытывая тяжесть всех этих кругов. И освободиться от них невозможно, пока живешь, только душа после смерти разорвет кольца горя, печалей и обязанностей.

На рассвете распространяется слух, чтобы все, кто не сможет идти пешком, собирались в конюшню, их потом вывезут самолетами... «Куда? Куда? Куда?» На этот вопрос никто не отвечает.

– Возьмите в конюшню сено, чтобы подложить под себя.

Аянт, которой показалась подозрительной эта забота, уговаривает свекровь уйти вместе с родственниками. Но свекровь не соглашается – и ей и девочке нужен хоть небольшой отдых... Когда они вдвоем решили остаться, в конюшню направились еще девятнадцать родственников со стороны отца и матери, не пожелавших с ними расстаться и не подозревавших, что сложенная из тяжелых каменных плит конюшня с крышей из бревен, присыпанных землей и лежащих на больших гладких камнях, на следующий день станет адом, где они будут гореть в огне и задыхаться в дыму.

Когда это начнется, ослепшие и потерявшие от гнева рассудок люди после бесполезных попыток разрушить каменные стены, ударяясь о них тугими волнами, не сумев уйти под землю и не сумев подняться в небеса сквозь крышу (позже, когда тела сгорят, их души уйдут сквозь эту крышу в темные глубины небес), ринутся к воротам и снесут их. Первые ряды смогут вырваться из конюшни, но тотчас же упадут под пулями. Вскоре из людских тел в воротах образуется завал, и, не найдя больше выхода, беспомощные люди, около семисот человек, сгорят, и души их будут долго бродить в долине реки Гехи, пока обгоревшие кости не похоронят те, кто скрывается в горах, оторвавшись от своего народа.

Какое тяжкое испытание выпало на долю маленького человека, пришедшего в этот мир всего на двое суток – так мало времени ей было отпущено под солнцем, и за это время ей пришлось пережить ад, сгорая в огне.

Можно ли передать с помощью дерева этот Судный день, этот крик ребенка, которому два дня от роду, ее протянутые к Богу ручонки, ее мольбу без слов, обращенную к Богу?..

Чтобы показать случившееся в тот день в Хайбахе, нужны ноты, слова и краски. А он владеет только деревом и ножом, но все равно верит, что дерево в его руках, и не умея говорить, очень многое скажет людям...

Все же было бы лучше, если бы его куклы разговаривали и исполняли музыку. Тогда он смог бы по-настоящему показать весь этот ужас.

Дени долго мучился, не зная, какую часть жестокой картины воссоздать... Наконец у него возникла мысль: зачем изображать весь этот ад, об этом достаточно рассказать. Лучше он изобразит круг милосердия и тепла, образованный женщинами в тот холодный, ненастный вечер вокруг только что родившегося человека. Сначала он вырежет поднос, тот самый поднос, который в тот день был в руках у Аянт. А в центре этого подноса, наполовину укутанная черной буркой, будет лежать Аянт со своим ребенком. Деревянные облики женщин, окружая их, разместятся по краю подноса. Этот круг, круг людей, круг гор, туманы и тучи, а выше – круг, образованный звездами...

Не в его власти краски, звуки, цвета – в его власти только дерево и нож. Но он верит: в сознании людей, рассматривающих его работы из дерева, воскреснут былые картины, цвета, звуки, запахи...

Услышав, как в соседней комнате опять заплакал ребенок, он вспомнил, что у него режутся зубки, и как один врач говорил, что боль, которую переносит в это время ребенок, была бы непосильна для взрослого человека. Так болезненно жизни начало...

Он вспомнил, как весной на деревьях набухают почки, они разрываются, и по ветвям стекают слезы деревьев. Они плачут от боли, которую причиняют им рождающиеся листья. Вот так же, разрывая десны, сквозь открытые раны появляются белые бусинки зубов и у детей.

Дени поднялся и встал на пороге соседней комнаты. «Эсет, когда ты вырастешь настолько, что научишься ходить, твой отец повезет тебя в село, в гости к бабушке. Он расскажет тебе, какой была твоя бабушка, в молодости известная во многих селах своим благородством и воспитанностью. Потом он расскажет, как твой дедушка женился на твоей бабушке. Это было время, когда люди уже собрали осенний урожай, подмели сады и дворы. Твоя бабушка вышла из дома около полуночи, чтобы выйти за дедушку. Провожаящая пожелала ей: «Пусть Бог даст тебе счастье». После свадьбы твоя пратетя, поздравляя твою бабушку, подарила ей медный кувшин. Через три месяца после свадьбы, оставив недопеченный чурек в очаге («Я боюсь, что на мне грех того чурека, оставшегося в очаге», – часто повторяла она), жестокий вихрь бросил ее на чужую землю, лишив родины. А Фатиме из Нашха, которая была моложе тебя на девять месяцев, не дали времени даже на то, чтобы прорезались зубки...

Да, тебе отец расскажет про твою бабушку, когда ты начнешь ходить и научишься говорить... И однажды, в пору, когда люди будут пахать землю и сеять, вы вдвоем поедете в село, лежащее в горах, среди леса, и отец рас-

скажет тебе, как твои дедушка и бабушка, похоронив половину из четырнадцати детей, остальных воспитали так, что они не нуждались ни в чем и выросли благородными людьми... Он расскажет тебе, как, вернувшись через тринадцать лет домой, твоя бабушка нашла сковороду, которую она в тот день положила в очаг вместе с чуреком. Как сестра твоей бабушки издалека, из села Саади-Котар пришла в гости и привела крупную рыжую корову. Ухаживая за этой коровой и очистив заросшее бурьяном поле, засеяв его, уже в третий раз начала жить твоя бабушка... Да, отец о многом тебе расскажет, Эсет, когда ты вырастешь».

Ребенок, испугавшись звука, раздавшегося за дверью, еще сильнее заплакал. Очень скоро в дверь громко постучали.

– Кто там? – спросил Дени, подбегая к дверям.

За дверью послышались стоны: «Воды, дайте... воды...». «Человек ранен, нужно помочь». Он распахнул дверь и сразу пожалел об этом: в его незащищенный дом тут же ворвался мрак жестокости. Мрак вошел и запер дверь изнутри, чтоб снаружи не могла прийти помощь. Внутри мрак разделился на три части. Их было трое, с горящими, как у крыс, глазами, у одного – автомат, у других – пистолеты, на поясах – длинные ножи. Одеты они в форму, оставшуюся от Советской Армии.

– Кто ты такой? – кричит один.

– Кто вы такие?

– А ты не видишь нас?

– Вижу... Потому и спрашиваю.

– Бойцы национальной гвардии!

– Кто вам дал право врывать в дом к людям посреди ночи?

– Что он сказал? Право? Какое право тебе нужно?

– Похоже, это противник революции.

– Не зная, что обманываюсь, я, действительно, писал для таких, как вы, обращения...

– А-а-а... Значит, ты виноват в этом бардаке! Мы из оппозиции.

– Но я быстро понял...

– А-а-а, ты понял? Так ты против власти думаешь выступить?

– Будь проклята ваша власть!

– Ты смотри! Обнаружил себя. Мы не из оппозиции!

– Откуда бы вы ни были, вон отсюда! – кричит Дени больше для того, чтоб услышала жена в соседней комнате. Несколько недель назад, когда прошел первый слух о появлении людей, которые врываются в дома, убивают хозяев и грабят, он как бы в шутку сказал жене: «Если такие волки ворвутся к нам, открой окно в своей комнате и беги к соседям. Ахмсолта – благородный мужчина, и у него есть оружие, он поможет».

В короткой тишине, наступившей после его крика, он слышит скрип открываемого окна. Чтобы его не услышали грабители, он опять кричит:

– Выйдите отсюда вон, грязные твари!

Но, заставляя проглотить последнее слово, огромная рука, царапая глаз, затыкает ему рот. Потом та же рука отшвыривает его в угол.

– Ты что орешь?! Ты знаешь, кто ты для нас? Ты ничто... – оглядываясь вокруг, непрошенный гость ищет какую-нибудь безделушку для сравнения. Наконец, его взгляд останавливается на столе: – Ты для нас деревянная кукла.

– Все мы перед Богом куклы, а вы – Богом проклятые.

– Вот ты – точно кукла, передо мной! – кричит бородатый, сметая со стола вместе с подносом всех его кукол. А одну из них, скульптуру Фатимы, только что родившейся на снегу, он берет в руки и со словами: «Если мы захотим, то вот такотрежем тебе голову», – выхватывает с пояса нож, отрезает скульптуре голову и отшвыривает прочь.

«За что? За что? Родившуюся в первый раз через двое суток сожгли, а теперь, родившейся во второй раз, отрезали голову... Дважды. За что? Что за грех совершил этот ангел, чтоб дважды познать такую жестокость?» – от этих вопросов в его сердце вспыхнуло адское пламя, и он, потеряв рассудок, вцепился в горло бородача. Увидев в нем источник всех зол мира, – если не в нем, обезглавившем ребенка, то где он? – Дени испытал непреодолимое желание этот источник уничтожить. Возможно, он и достиг бы своей цели, если бы не двое других, с женскими чулками на головах, которые до тех пор переворачивали в доме все вверх дном, ища несуществующие деньги и драгоценности.

Когда эти двое вцепились ему в руки, у Дени возникла мысль: «Не сегодня-завтра, сняв с головы чулки, они собираются стать добропорядочными людьми. А бородач и лицо-то не спрятал, ему безразлично, что о нем будут думать люди, или его борода тоже накладная? Вот оно, наше несчастье, и двуличность, двоедушные, на глазах один – за спиной другой, говорит одно – думает другое».

Те двое так и не смогли отнять его руки. Все вместе они упали на пол, и бородач оказался снизу, так удобнее было душисть.

– Что бы с ним сделать? Он же убивает его!

– Уж я-то знаю, что с ним делать...

В тот же момент Дени почувствовал холодок около своего уха. «Великий Боже...», – это его последняя мысль. Все: и сознание, и зрение, и слух – обрываются на какое-то время.

Потом, спустя время он слышит дружное щебетание разных птиц. Услышав это пение, он понимает, что оно не из его мира: «Значит, он все-таки убил меня... Что же стало с женой и ребенком?»

Наконец к нему возвращается зрение. Среди белых маленьких гор, с хребтами, будто вырезанными ножом, лежат небесно-голубые озера. Прямо посреди них к бело-светлому горизонту тянется светло-зеленая дорога.

– Это твой путь. С сей поры будешь идти по этому пути. На земле же твой путь завершен, – слышит он голос.

«Что же с ними случилось?»

– Посмотри вниз, увидишь.

Посмотрев вниз, он видит, как Марима с дочерью Эсет на руках стучится в дверь Ахмсолта, как Ахмсолта и четверо вооруженных его сыновей врываются к нему во двор и связывают грабителей; потом он видит родное село, свои похороны; видит мать, братьев и сестер, видит, как закапывают его труп, его могила оказывается на красивом месте, куда падают первые лучи солнца.

– Пошли теперь... – слышит он голос и начинает удаляться от Земли. Оттуда, со звездной высоты, он видит укутанную густым мраком Землю. Среди этого мрака местами виден слабо мерцающий свет.

– Если эти огоньки света поглотит тьма, то Земля упадет в бездонную пропасть, где нет ни времени, ни пространства, ни размера, ни возраста... От нее не останется ничего, даже воспоминаний.

– Что это за свет? И почему этих огоньков так мало?

– Это свет людей, искренне молящихся Богу... Хочешь увидеть свой свет? Видишь вон тот, похожий на огонь от костра?

– Этот...

– Да, да... Знаю я, что у тебя на сердце... Ты говоришь, что не успел должным образом поклоняться Богу... Скульптуры, которые ты вырезал из дерева, были твоими мольбами к Богу... В них было твое доброе сердце, твое милосердие к людям, близким и чужим...

Дени опять смотрит на Землю, обернутую в несколько слоев мрака и похожую на щепку, которую в его детстве девочки, изображая куклу, оборачивали тряпками. И вдруг он узнает огоньки, которые немного рассеивают мрак. Вот тот – бездомный, безымянный бродяга-певец, второй – исследователь, воспевающий красоту природы, третий – одинокая старуха, каждую ночь обращающаяся к Богу с мольбой о милости для всей Земли, четвертый...

Он идет по светло-зеленой дороге мимо белых, с ровными хребтами гор, иногда останавливаясь, чтобы выпить воды из небесно-голубых озер. Если захотеть, можно вырезать из этих белых гор скульптуры людей и животных... Они не будут похожи на деревянных кукол, вырезанных им на Земле, у них будет свой голос, цвет, походка. Но он уже не испытывает внутренней потребности в этом – то, что казалось важным на Земле, здесь теряет свою ценность. Он просто хочет идти мимо белых гор к светлому горизонту, тоскуя по тем, кто остался на Земле и молясь за них Богу.

Где же те родственные души, пришедшие сюда раньше него? Вместе с этой мыслью перед ним появляется юная девушка. Она вся создана из чистоты и поэтому белая, как снег на вершине Башлама, а волосы желто-золотые. Ему показалось, что он ее где-то видел.

– Да, да, это я, чей образ ты создал из дерева, сожженная в Хайбахе Фатима.

– Но тебе же было всего несколько дней. А здесь ты взрослая!

– Да, здесь вечно один возраст у души...

– А остальные? Мой отец, братья, сестры?

– Иди по этой дороге, – и девушка исчезает. Он идет по светло-зеленой дороге...

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

■ **Соснина Екатерина. Загадки и тайны Кавказа.**
Эссендуки. Творческая мастерская «БЛГ». 2006.

■ **Мосиенко Александр. К поэзии и прозе прикасаясь.**
Пятигорск-Кисловодск. «МИЛ», 2006.

НА ЧУЖБИНЕ

РАССКАЗ

Безлунная ночь окутала село пушистым черным одеялом. Все живое замерло: звери притаились, птицы смолкли, прислушиваясь к тихому шепоту деревьев. Из дымоходов валил дым, лениво потягиваясь, растворялся в ночи.

Шерип долго ворочался, пытаюсь заснуть, но сон не шел. Ночная тьма и тишина давили, мысли путались. В темной комнате сиротливо тикали часы, гулко отдаваясь в ушах. Отбросив одеяло, Шерип встал и начал искать на ощупь сигареты.

– Что, не спится? – послышался голос жены. В ответ он тяжело вздохнул.

– Тошно мне что-то. И света нет. Не жизнь, а каторга.

– Потерпи чуть-чуть. Скоро ты увидишь цивилизованный мир. Будет тебе и свет, и жизнь.

– М-да, – промямлил Шерип и замолчал.

Наступила пауза. Жена тоже поднялась с постели и присела рядом с ним.

– Слушай, Шерип, что тебя гложет? Поделись со мной. Вроде бы сбывается твоя мечта – уехать за границу. Дом и машину ты продал, паспорта готовы. Осталось только выехать. А ты ходишь, как потерянный.

Шерип долго молчал.

– Так-то оно так, – задумчиво заговорил он. – Но тревожно мне. Пугает неизвестность. Тысячами уезжают, а возвращающихся нет. Как будто канули в небытие.

– Постой, а я слышала, что одна семья вернулась домой из Германии.

– Куда домой?

– В Гудермес. Может, ты найдешь их и досконально расспросишь обо всем: что и как? Шерип оживился.

– Ты права, жена. Завтра же отыщу эту семью, а там поглядим, что будет.

Они легли спать, но до утра им так и не удалось сомкнуть глаз. Шерип встал чуть свет и отправился в Гудермес на розыски той семьи. Это не составило особого труда, и вскоре он уже стучался в их ворота.

Вышел хозяин дома – высокий человек с приятной наружностью. После приветствий и сытного обеда он вопросительно посмотрел на гостя.

Шерип не знал, с чего начать.

– Я слышал, что ты ездил за границу, в Германию, – сразу же приступил он к расспросам. – Усман, если тебя не затруднит, расскажи мне, как там, за границей? Усман пристально взглянул на него.

– А зачем тебе это?

– Я тоже решил уехать отсюда насовсем, – признался гость. – Но тысячи сомнений одолевают меня. Бросить Родину, родных и близких – это не так-то и просто.

– Конечно, непросто, – нахмурив брови, заговорил Усман. – Но понимаешь и осознаешь эту утрату слишком поздно и дорогой ценой. Я тоже, как и ты, горел желанием уехать отсюда, спасти семью от войны и зажечь по-человечески. Но от себя никуда не убежишь. Не стану вдаваться в подробности, как мы туда добрались. Не в этом дело. Расскажу только, с чем мы столкнулись на месте. Не спорю, города красивы и народ прекрасный. Чистое, спокойное небо над головой, и по земле шагаешь уверенно, не боясь нарваться на мину. Нет войны. Никто тебя не притесняет, не угрожает твоей жизни, не попирает твою свободу. Но есть много такого, что не можешь выразить словами. Ты внутренне опустошен и раздавлен. Каждый вечер засыпаешь и утром просыпаешься с мыслью о Родине. Не можешь вдохнуть полной грудью, тоска по родной земле съедает изнутри. Помнится, однажды вечером вдруг заиграла гармонь. Точнее, заплакала. Она поведала нам, слушателям, о горькой своей доле мухаджира¹, о том, как ей не хватает родного очага и величественных гор, гордого полета орлов и воя свободных волков, веселого перезвона чистых родников и Терека буйного нрава. И чудилось нам, что в песне стонет родная Чечня, взывая о помощи, и зовет нас обратно домой. В ту ночь эта песня выжала из наших сердец кровавые слезы. И поняли мы, что наши души остались там, в Чечне. А зачем тело без души?

Нас временно приютили в спецлагерях для беженцев. Здесь было очень много людей разных вер и национальностей. Сразу же предупредили, что нам необходимо знать, чтобы стать гражданами чужой для нас страны. Во-первых, изучить немецкий язык, конституцию, законы, и далее следовал целый ряд условий принятия на работу: что нам можно, а чего нельзя.

У меня было достаточно денег, чтобы на первых порах обеспечить семью и прожить без нужды. Детей было пятеро... Было... А теперь осталось трое. Двоих, сына и дочь, оставил там... На чужой земле похоронил их... – Усман на минуту замолчал. Шерип не торопил его.

– А я ведь уезжал из пылающей родной Чечни ради детей, их будущего. Думал, выживут и выучатся, станут образованными и когда-нибудь вернуться на Родину полезными людьми, помогут своему народу вновь подняться на ноги. Но в жизни все не так. Как бы мы ни мечтали, время все расставляет по-своему. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И вскоре я пришел к этой истине.

Случай свел меня с одним нашим соотечественником, оказывается, он обосновался здесь еще со времен Второй мировой войны, он был женат, имел детей и внуков. Он пригласил меня к себе домой, и я с радостью согласился. И вот эта встреча в корне изменила мой взгляд на жизнь и дала понять, какую я допустил непростительную ошибку, приехав сюда, на чужбину.

Наш гостеприимный хозяин познакомил нас со своей семьей. Жена – немка, невестки тоже. Дети и внуки не знают ни слова на чеченском, их родным языком стал немецкий. В их манерах, образе жизни не было, даже отдаленно, ничего нашего, родного. Наблюдая за ними, я с болью осознал, на что обрекаю своих детей и потомков. В будущем им уготована жизнь изгнанника – без Родины, народа, без своих обычаев и традиций, без своей культуры. Посуди сам, разве когда-нибудь вернуться дети с таким будущим на Родину отцов, где все им будет чуждо и дико? Во имя чего? Любви к родной земле? Ее не будет. Она впитывается с

¹ Мухаджир (чеч.) – человек, покинувший Родину.

ЯГНЕНОК

РАССКАЗ

*Тебе, мой ягненок, еще раз тебе...
Никогда не взрослей, никогда.*

Отара находилась по эту сторону хребта, в широкой низине. Гора, вершина которой подпирала небо, казалась черной. Звезды шевелились, словно насекомые.

Часто волнами набегал ветер. Потом стихал. А через некоторое время набегал опять. Он приносил с собой разные запахи, а также страхи. Овцы лежали, жуя; слышались стоны и кашель. Иногда как-то чисто, звонко блеял ягненок. Мать отвечала приглушенным, коротким блеянием. Ягненок не знал, что происходит, отчего отара так притихла. Ягненку хотелось двигаться, ступать по лежащим овцам, бодаться с ними. Иногда, удалившись от матери, он искал, где она находится. Мать знала обо всем. И поэтому тихо блеяла в ответ, чтобы голос ее не разлился, чтобы он был слышен, чтобы ветер не разнес его.

Откуда-то издалека, из ущелья, донесся какой-то холодный, страшный голос, бросающий в дрожь все тело, завывая «ув-увв-увв-увв», становившийся все протяжнее, напряженнее, словно окутывая весь мир.

Залаяла собака. Спокойно, тихо: «гав-гав-гав», словно сама на себя; затем, словно отвечая на свой лай, медленно завывала: «ув-увв-увв-увв».

Коротко заблеяла овца. Ягненок подбежал. Лег рядом с матерью. Мать осмотрела его, приняхиваясь.

– Мама, что это такое? – спросил ягненок. – Почему мне вдруг стало как-то холодно? Я весь дрожу.

– Это волк, – ответила мать, – его голос холоден, его голос тяжел... волк страшен, он ведь так жесток...

– Почему же он такой? – спросил потом ягненок.

– С ним смерть, – сказала мать, – твоя и моя...

– А что такое смерть, мама?

– Боль, только боль. Когда баран бодается, тебе больно? Такой же болью является и смерть...

– Выходит, что волк плохой, да, мама? Да?

– Да. Волк ведь страшилище. Ты должен оставаться рядом со своей матерью, не отходить далеко.

– А ведь ты говорила: если есть собака, ничего не случится...

– Собака нас охраняет. Ты слышал, как лает собака?

– Слышал...

– «Не подходи сюда, здесь нахожусь я. Я не дам тебе утащить маминого ягненка!» – говорила собака.

молоком матери. Зов крови? Она уже будет смешана и потеряет свои корни.

Я должен был немедленно вернуться на Родину. Пока не поздно. Эта мысль крепко засела в моей голове. Но к тому времени, когда я, наконец, прозрел, деньги, что были с собой, незаметно кончились.

Усман еще долго говорил о своих мытарствах на чужбине. В каждом слове сквозила боль и утрата. И теперь, рассказывая обо всем этом, видно было, как он заново переживал.

– Даже врагу не пожелаешь такого, – со вздохом закончил он свой печальный рассказ. Шерип задумался. То, что он услышал от Усмана, для него не явилось полной неожиданностью. Менять Родину – это предательство и измена родной земле, осквернение памяти отцов и дедов.

– Знаешь, Шерип, – вывел его из раздумий Усман, – те, которые стремятся поскорее уехать и видят в этом свое спасение, горько ошибаются. Наоборот, они приближают конец собственного «я» и лишаются чести называться частицей, хоть и малочисленного, но гордого народа – вайнахов.

...Шерип возвращался домой. Он засиделся у Усмана и теперь очень спешил. Завидев издалека ворота своего дома, он ускорил шаг.

Акации, белоснежные невестушки, всю улицу надушили. Шерип с наслаждением вдыхал этот весенний запах. Он радовался жизни. Пусть нелегкая, суровая, но его жизнь. И эти горы, леса, реки, деревья, каждый листочек на них, небо над головой – это его Родина – Даймохк¹. Он готов был целовать каждую пядь этой земли. Впервые в жизни он ощутил, как его корни глубоко и крепко вросли в эту землю. Куда он уедет? Разве можно бросить на произвол судьбы истекающую кровью Родину-мать? Кто будет любить ее и заботиться о ней, как не ее дети?

«Прости, Даймохк, мою минутную слабость. Я не достоин называться твоим сыном. Ты услышала мой первый крик при рождении на свет и, подхватывая его эхом гор, приветствовала и благословила своего сына. Ради тебя я готов умереть и сладко уснуть на твоей груди».

Он с трепетом открыл дверь и вошел в свой дом. В комнате был слышен детский смех и ласковый голос жены.

«О, Аллах, – с ужасом подумал Шерип, – а ведь я чуть не погубил свою семью, оторвав ее от Родины, как дитя от матери». Он устало сел на диван и облегченно вздохнул, как хирург после сложной операции.

– Что с тобой?

Шерип даже не заметил, как в комнату вошла жена.

– Что случилось? – снова спросила она.

Шерип взглянул на нее и слабо улыбнулся.

– Знаешь, жена, я сегодня побывал на чужбине и только что вернулся домой. – Он зажмурил глаза и блаженно растянулся на диване. – И я самый счастливый человек на земле!

¹ Даймохк (чеч.) – земля отцов.

– Мама, а собака хорошая, так ведь?
– Да, так. Ведь собака не спит до самого утра, охраняя нас. Она до утра лает. И она чувствует волчий запах...
– Мама, ведь, кроме волка, нет ничего опасного, нет?
– Такого, как волк, нет, но есть и многое другое.
– А что же еще, мама?
– И нож, и ножницы, а самое плохое – глупый чабан. Есть еще орел...
– А чабан бывает и глупым, мама?
– Бывает. Тот, кто не дает свободно пастись овцам, держит их на одном и том же месте, постоянно сгоняет – плохой чабан. Ты не слышал, как сказала овца? «Пусть у меня не будет чабана, который весной не оставял бы меня лежать, пока я сама не встану; пусть у меня не будет чабана, который осенью будет оставял меня лежать, пока я сама не встану; осенью трава засыхает до того, как я поднимаюсь».
– Не слышал... Мама, а что такое орел?
– Это птица с большими крыльями, которая кружит в небе... Она уносит такого маленького ягненка, как ты, когда он отходит от матери...
– Я никогда не буду отходить от тебя, я... я...
– Не отходи, пока не повзрослеешь.
– А когда я повзрослею?
– Ты? Осенью. Когда тебя красиво постригут и у тебя вырастут рога...
– А почему стригут? Что это такое, мама?
– Это ножницы, о которых я тебе говорила. Весной и осенью – дважды мы ложимся на смерть, когда нас стригут.
– Я убегу далеко-далеко, когда повзрослею.
– Если убежишь, то съест волк – нельзя убежать...
– А что же я должен делать? Как я спасусь от ножниц?
– Надо лежать спокойно, когда тебя уложат для стрижки, не нужно двигаться. Задергаешься – порежешься. А если порежешься, то заведутся черви, заболеешь...
– Мама, как много всего, я не справлюсь. Без этого ... что-нибудь другое для меня...
– Тебе так только кажется, не так-то и много нужно знать: днем не отходи от отары, ночью ложись посреди нее.
– А козлята не ложатся посреди овец, ты видишь, они стоят на отшибе, среди камней.
– Волку трудно поймать их.
– Почему же волк не ловит их, он их боится, мама?
– Нет, они блеют, когда их ловят. После этого поднимается чабан, стреляет из ружья.
– Я тоже заблею...
– Мы не можем громко блеять. Бог не дал нам этого. Поэтому ты должен быть осторожным.
– Я не буду осторожным, я буду вот так лежать, больше не вставая. Назло, пока зло не иссякнет...
– Бедненький ты мой, так ведь нельзя. Ведь это жизнь. Бог устроил так. Волк поедает овцу, волка поедает другой, его – третий. Ты ведь любишь траву, да?

– Да. И молоко тоже.
– Вот видишь, если я не буду есть траву, ты останешься без молока. Молоко ведь сладкое, да?
– Да, и молоко, и вода, и молодая травка.
– Ведь и эта трава живая, как ты, как я. Проросшей траве, которая нежится под солнцем, среди которой цветут цветы, тоже ведь больно.
– А что же я должен делать? Тогда я не буду есть траву, буду питаться твоим молоком, пить воду и играть.
– Нет, траву надо есть. Трава ведь вырастает для того, чтобы мы ели ее, и родники текут, чтобы мы пили из них...
– Я буду делать то, что ты скажешь, мама. Я не буду отходить в сторону, буду спать посреди отары, и еще... что же еще, мама?
Больше ничего, ласковый ягненок своей матери, красивый, с кучерявой белоснежной шерстью, с качающимся большим курдюком... А теперь поешь мамино молоко, потом ляжешь отдохнуть рядом со своей матерью.
Ягненок, присев на передние ножки, ткнувшись два-три раза, чтобы молоко пошло, и покачивая курдючком, присосался к материнскому вымени. Мать, пожевывая, спокойно стояла, иногда прикасаясь мордой к курдюку ягненка. Ягненок радовался материнской ласке, тыкался сильнее, дергал ножками, опять и опять припадал к вымени... Потом они оба легли. Мать, заблевав «баа-баа-баа», подозвала ягненка, чтобы он лег спереди, на видном месте. Ягненок подогнул ножки под себя, прислонился к матери и, свернувшись, став похожим на кулак, присвистнув два-три раза, почистив мордочку, повернув голову набок, улегся.
Ночь была темной, какою обычно бывает в низине, а небо казалось не очень темным. Вершины гор застыли черным пятном на темно-синем небе. Ночь была страшной, со своими незримыми, неизвестными тайнами. Ночь навевала страх, невидимый страх.
– Уий-и-ут, – где-то крикнула сова, словно определяя время.
Ночь не проснулась, она спала, словно ягненок.
Ягненку снился сине-зеленый мир, ярко светящееся солнце, легкий ветерок дул по высоким склонам. Он был со своей матерью; недалеко находились собаки; напевая какую-то грустную песню, лежал чабан.
Было много зеленой травы, был холодный родник. Ягненок то прилегал, то вставал. Потом, подпрыгивая, подбегал к матери и сосал ее вымя. Потом играл с другими ягнятами, собравшимися в кучу, словно бабочки, бегая, бодаясь с ними. Мир был прекрасен – сине-зеленый, солнечный мир, маленький, словно ягненок, меньше него; он был наполнен счастьем, любовью, радостью – маленький, круглый, как ягненок, прекрасный мир...

ТАМ, В ГОРАХ...

ГЛАВЫ ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

Знакомство с этим человеком произошло у меня довольно странно. Теперь уже много лет тому назад, в конце августа бродил я по хребтам и перевалам северо-западного Кавказа и набрел в один из дней на полузаброшенный поселок под замечательным именем Загедан.

Было солнечно, тепло и сухо. Но от Санчарского перевала дул довольно сильный ветер, от которого пахло снеговой свежестью и высокогорной пустынностью. Совершенно пустынно было и в поселке, тогда там оставалось лишь несколько стариков, да одна сравнительно молодая семья с двумя детьми – мальчиками. Вечерело. Солнце вот-вот должно было скрыться за хребтом, и тогда, я знал, почти сразу наступят короткие сумерки. Надо было искать ночлег.

Поднимаясь вверх по каменистой дороге к близкому сумрачному лесу, едва опережая наползающую тень хребта за спиной, я подошел к самому крайнему в поселке домику, пустому, как все, и возле него остановился. Шумно, широко, вольно дышали под ветром деревья в саду, на остатки деревянного тротуара с глухим стуком падали сбитые суетой ветвей спелые яблоки и тут же скатывались в густую, прихваченную увяданием траву. Метрах в трехстах от домика, на крутом травянистом склоне, еще залитом солнцем, среди деревьев-подростков возвышалась отовсюду видная ива. Ветер задувал ей снизу, и она то и дело показывала на мгновение, и тут же прятала серебряную изнанку густых листьев. В такие мгновения она очень была похожа на красивую девочку в бесстыдно заголяемом платье.

Сквозь ветер шумела в конце сада горная речка. Сухо и жалобно поскрипывали разошедшие от старости незакрепленные ставни.

Я понял, что останусь здесь не только на предстоящую ночь...

Чернота ночи была в ущелье такой глубокой, полной, неоспоримой, что я рано улегся спать, набросав в угол большой комнаты, единственной, где сохранились стекла в окнах, сухой травы, наскоро надранной на бывшем огороде. Пахло диким горошком, клевером, мятой и сухим деревом. Пока не уснул, все слышал осторожную возню мышей, оторопевших поначалу от неожиданностей бытия...

А ночью меня разбудил довольно громкий стук в дверь. Она держалась на чисто символическом запоре из проволоочки и гвоздя, и достаточно было слегка ее дернуть...

Горы есть горы. В нескольких километрах отсюда, за ближним хребтом, не

ГНЕУШЕВ Владимир Григорьевич (род. в 1927 г.). Первые сборники стихов «В дальних морях» и «Якорей не бросать» посвятил любимому морю. Автор более двадцати книг, среди которых есть и сборник переводов поэтов Северного Кавказа «Дорога на перевал». За трилогию «Тайна Марухского ледника», написанную в соавторстве с А. Попутько, авторы удостоены звания лауреатов Государственной премии Союза журналистов СССР.

всегда предсказуемая Абхазия с ее во всем любопытствующими жителями, за хребтом слева – Грузия, да и кроме этого в горах всегда есть, хотя и не всегда желающие обнаружить себя, бродяги самого различного происхождения, вплоть до дезертиров. Недавно вот под перевалом Дамхурц довелось мне заночевать в старой туристской хижине, и на мой огонек набрел некий сумасшедший почитатель немецкого военного теоретика фон Клаузевица. Он едва не замучил меня цитатами из толстого тома этого знаменитого автора, тома, который, как выяснилось, был единственным его имуществом, так что мне пришлось поделиться с ним – с бродягой, а не с томом – чем Бог послал и что оказалось в моем рюкзаке. Утром мы навсегда расстались. А кто сейчас стучит?

Под правой рукой у меня лежал туристский топорик, под левой – походный электрический фонарь. Прихватив то и другое, я подошел к двери и спросил как можно строже: «Кто там?» «Открывай», – был ответ. «А что нужно?» – спросил я, чувствуя, что вот этот вопрос уже совсем лишний. В горах ты либо сразу защищаешься, либо дружески протягиваешь руку. Я толкнул дверь, проволоочка развернулась, и передо мной, на фоне чуть ощущаемого неба появились две худых тени. Одна тень, что повыше, спросила: «Фонарик есть? А то я свой не прихватил...»

Незаметно опустив топорик за дверь, я зажег фонарик и увидел перед собой незнакомого старика – того, что пониже, и знакомого лишь слегка – отца единственного в поселке семейства. В руках они держали по бутылке шампанского, чему я немало удивился, ведь магазина тут и поблизости не было.

– Знакомиться будем, – сказал отец семейства, но имени своего не назвал. Старик тоже молчал и молча разглядывал меня единственным у него глазом.

– А второй глаз где потерял? – не слишком дружелюбно спросил я и услышал неожиданно охотливый ответ:

– А это я ишо на гражданской войне. Узяли мы как-то станицу Ахметскую. А ночью красные налетели. Я как был у подштаниках и в рубаше нижней – прыг в окно. На коня влетел, как белый ангел, и вниз, к Лабе. Не помню, как через Лабу перескочил.

– Ну а глаз-то при чем? – интересовался я, зажигая свечку и устанавливая ее на шаткий стол, оставшийся от прежних хозяев.

– А это я когда с окна прыгал, на ветку яблони налетел. Он и вытек...

Гость, что повыше, молчал. Он, наверное, раньше слышал эту историю. И потом молча поставил на стол бутылки, заткнутые кукурузными початками, спросил деловито: «Посуда есть?» «Кружки эмалированные». «Годидзе», – ответил он по-грузински, доставая из кармана кусок хлеба. Я расщедрился на две банки тушенки. В бутылках оказалось не шампанское, а крепчайший пшеничный самогон. Пламя свечи колебалось в такт позвякиванию кружек. О, bestолковое, но милое душе нашей российское застолье...

Так вот мы познакомились с дедом Колесниковым, бывшим белогвардейцем, и с Владимиром Сергеевичем Ивлевым, тогда еще лесником. Дед оказался пчеловодом и крепким крестьянским хозяином, скуповатым лишь на вид, хотя никто и никогда не уходил от него без щедрого угощения из меда, сметаны и пирожков, на которые великая мастерица была его молодая жена Ирина. Молодая для него, конечно.

О Владимире Сергеевиче разговор особый.

Это один из тех русских людей, которые могут все, но ко многому равно-

душны, и лишь то, к чему душа лежит, доводят до возможного совершенства. Он бесконечно любит природу, чувствует ее душой и кончиками пальцев, и она отвечает ему взаимностью. В его небольшом саду растет смородина диких сортов, созданных им самим, удивительно ароматная, крупная, как вишня. Вишню он тоже пытался привить на сливе, но не получилось. Зато на яблоне растут крупные груши бергамоты. Но не это главное. Он любит приятно удивлять людей, и потому по склонам окрестных гор, заросших малиной и ежевикой, дикими грушами, яблоками и алычой, тайно создает уголки, куда приводит лишь близких по духу людей. Там вдруг стоит столик со скамейкой, а вокруг – то медовые сливы, то крупные, лопающиеся от сока яблоки, утраченных садоводами сортов, то столь же неожиданно вы можете увидеть экзотичное, скрывающееся от людского взгляда дерево тис, которое скупое держит на себе алые ягоды-семена. Это дерево может расти тысячу лет и мало кому дается в руки. А ему дается. Правда, с условием, чтобы он берег доверие. Вот почему, даже и самым близким, он не всегда покажет тис.

Он за свою жизнь посадил тысячи, если не много тысяч, деревьев, кустарников и цветов и, на мой взгляд, до конца сам себя не познал. Говорю об этом потому, что был свидетелем его увлечений. Например, он однажды увлекся стихами и сам начал их писать, причем не просто занялся рифмовкой созвучных слов, а выражал талантливо, образно мысли глубокие, истинные. Его напечатали. Но он, осознав, что это слишком серьезно и требует постоянного огромного напряжения при неясном, неуловимом результате, стихи оставил.

Приехал однажды в Загедан известный московский поэт и резчик по камню Виктор Гончаров. Владимир Сергеевич помог ему вытаскивать камни из Лабы, присмотрелся к его работе и тоже увлекся резьбой. Но не по камню, а по дереву, и достиг немалого мастерства, если удостоился признания настоящих художников. Свои работы он не хранил. Семья Ивлевых вообще славится бескорыстием – и покойная ныне жена его Катя, и сыновья, уже давно взрослые, Женя и Анатолий. Женя стал мастером-облицовщиком в Ставрополе, а Толя остался в лесу, и сейчас он один из лучших егерей обширных горных лесов.

Но я забежал далеко вперед, а хотелось бы мне рассказать о некоторых чертах характера Владимира Сергеевича, ибо я хорошо изучил их и понял за тридцать-то лет доброго с ним общения. Ну, например.

Буквально к вечеру следующего дня, вернее, ночи, после столь необычного первого знакомства, Володя (для меня и в те годы) пришел ко мне под вечер и сказал:

– Понимаешь, олень в беду попал. Прыгал через бурелом, видно, гнался кто-то за ним – ногой попал между двумя стволами и ногу сломал. Пришлось пристрелить. Поможешь мне разделать?

– Да ведь я понятия об этом не имею! – попробовал я отказаться.

– А тебе и делать ничего не придется. Поддержишь только, если понадобится, вот и все ...

Шли мы недолго. Олень лежал в тех самых стволах, в которых и ногу сломал, в неестественной, но все равно прекрасной позе. Я впервые видел такого красавца, но описывать здесь не буду свои впечатления за малостью места. Володя приступил к работе. Вскоре он сказал:

– Вынимай вон печень. Да осторожно, чтобы желчный пузырь не порвался. Ты этот пузырь найди и потихоньку срежь.

Я принялся за поиски пузыря. Но сколько ни поворачивал еще теплую печень, пузыря так и не смог обнаружить. Володя злился:

– Да что ты там возишься! Такой малости не найдешь!

– Вот малости-то и не найду, – разозлился и я, весьма смущенный своим неумением.

И тут Володя расхохотался, как мне показалось, неуместно.

– Показал бы лучше, – сказал ему, – чем смеяться!

– А показывать нечего, – все еще подрагивая от смеха, сказал Володя. – Не бывает у оленей желчного пузыря, понял?

Долго потом посмеивался он надо мной в компаниях, красочно выдумывая подробности – все новые и новые с каждым разом. Рассказывать он был мастер и с каждым годом все больше становилось кому. Дело в том, что весть о таком прекрасном месте в горах быстро распространялась по белому свету, уставшему от городов. И люди, в основном художники, начали активно заполнять брошенные хозяевами дома. Тут и хозяева, откуда ни возьмись, появляться начали, словно за кустами ждали, деньги за домики разрушенные требовать стали. Появился и мой хозяин. Слово в пьесе писателя Леонова «Нашествие» молча покружил вокруг дома, заглянул в сарай, зачем-то дрова пощупал – хорошие дрова буковые. Я ходил за ним следом, но он на меня и не глянул ни разу. Все побряхтывал, на небо поглядывал, потом протянул многозначительно: «Та-а-ак ...»

– Как? – спросил я. Мне надоело на него смотреть да и документ на покупку дома у сельсовета, с подписями депутатов и печатью круглой в кармане запотевать начал. Это мне Володя посоветовал, когда председатель говорил просто: «А зачем тебе его покупать? Поселяйся да живи. Кому эта развалюха нужна?»

Но Володя шепнул: «Заплати. И документ возьми. Я хозяина знаю, он и через сто лет к тебе являться начнет, даже во сне...». Я и настоял на оплате. Побегал тогда я. Сельсовет-то совсем в другом поселке находится – десять верст и все лесом.

– А вот так, – жестко сказал ничего этого не знавший хозяин, – выселяться тебе пора. Я решил возвратиться.

Тут я ему и сунул казенную бумагу. Он прочитал ее сперва нормально. Потом вверх ногами повернул и снова прочитал. Потом, не глядя на меня, сунул мне бумагу, произнес: «Хите-е-ер ...» И пошел вниз, к дороге. Чтобы отправиться, значит, восвосяи. Умный оказался человек. Больше я его не видел.

А вот другим пришлось раскошелиться изрядно. Цены-то при любом буме подсакивают! Рынок уже тогда, тридцать лет назад, начинался. Жизнь в брошенном поселке закипела. Художники стали привозить целое ставропольское училище – на практику. К писателям зачастили друзья и тайные подруги. Местные немногочисленные старики, все как один живописные, подались в натурщики. Один старик сообщал мне, понижая голос: «Вот дураки-то, эти художники. Сажают меня на стул. Солнышко светит, тепло, тихо, птички поют. Я отдыхаю, они меня рисуют, потом стопочку подносят и снова рисуют. А потом еще деньги дают – пятьдесят копеек за час. Я таких дурных денег никогда не зарабатывал. А еще говорят, что за голую натуру – два рубля за час. Как думаешь, послать бабку?» – «Да ведь у нее грыжа!» – напомнил я деду. Он расстроился: «Да, это

точно. Не возьмут, наверно, с грыжей». – «Ты, – я сказал, – и не суйся...».

Так вот и закипела в тихом поселке жизнь, запахло ремонтной краской, застучали молотки и эмалированные кружки. А кое-где и бокалы зазвенели. Это когда уже доценты стали поселяться да профессора. Даже из Москвы. Вот когда пожалел я, что распускал свой язык!

А Володя Ивлев у меня стал бывать значительно реже. Он теперь нарасхват был, как знаток местности и ее преданий. Рассказывать, я говорю, он умел. И стал я замечать, что постепенно овладевает Володей тщеславие. Уже не мог он терпеть, чтобы у кого-то было лучше, чем у него. Например, переложил я печку – дымить она стала. А после ремонта замечательная тяга появилась. Я и сказал об этом Володе. Он тут же вскипел: «Это у твоей печки тяга? Да ты на мою погляди! У нее такая тяга, что дрова в трубу вылетают. Я их проволокой к дверце привязываю...»

Он и меня начал втягивать в свои истории. Ну случай с пузырьем желчным – это классикой стало. А однажды пришел ко мне друг, поэт из Ставрополя, и просит: «Расскажи, как ты от медведя на дереве спасался». – «От какого медведя?» – удивился я. «Да вот Володя Ивлев намекнул на это, а подробности, говорит, у тебя узнать можно... Расскажи...».

Посмеялся я, но Володину репутацию решил поддержать. Тем более, что основа рассказа была реальная.

Еще когда мы жили в поселке одни и вечера коротали вместе, в основном у Володи и Кати дома, потому что у них всегда был смородиновый чай с медом и пирожками, действительно, повадился в поселок медведь. Фруктов ведь в каждом дворе полно да сладкие, не то, что лесные. Люди разехались, а сады остались. Вот он и приспособился. В августе каждое утро можно было обнаружить его следы – то ветки обломанные, то недопереваренные продукты его питания, еще паром дымящиеся на густой и холодной росе. Днем он не показывался, а только по ночам. И тряс ветки самые спелые и сладкие. Собаки поселковые из себя выходили, лая по ночам, но будок своих не покидали. Знали, видно, про случай в соседнем поселке, где собаку волки уволокли прямо с цепью. Очень тогда переживал хозяин. «Сволочи! – кричал он в адрес волков, – хоть бы цепку оставили!..».

А то еще случай был, это при мне уже. Пошли бабы по малину. Ее по окрестным лесам – море. Решили держаться вместе, но, как водится, увлеклись и разбрелись. Сначала перекликались, а потом еще больше увлеклись и замолчали. И вот одна женщина, Петра Волошина жена, учительница, между прочим, собирает эту малину, одно ведро уже полное, второе наполовину. Напала на хороший участок – малина крупная, как садовая, сладкая даже на запах. Раздвигает она заросли этой ягоды, а та – выше человеческого роста, слышит, что навстречу кто-то тоже идет, раздвигая эти заросли. И хотела ведь еще окликнуть, но не стала: кто-то из подружек, мол.

Ну и встретились они нос к носу со здоровенной медведицей. Та как раз ветку наклонила с густыми ягодами и в пасть ее сует, чтобы ягоды, словно шашлык, соскрести. Уставились они глазами друг на друга и онемели обе, замерли. Первой очнулась женщина, бросила ведра и понеслась по склону, крича: «Петя! Петя!..» Мужа звала. А тот аж в поселке. Другие бабы перепугались, ее заслыша, и понеслись тоже вниз. Опомнились возле Лабы, на дороге, где лесовозы ходили. И ну хохотать! И над собой и над учительницей. И в

поселке, конечно, хохотали да так, что и мужики к ним присоединились. Стали и над Петром шутить. Тот домой прибежал и на жену: чего, мол, ты орала там. «Да я, Петя, думала, что она мужское имя услышит – испугается...».

Словом, решили мы как-нибудь отвадить медведя из поселка. И каждый вечер, сидя у Володи за чаем, обсуждали этот вопрос. Потом я возвращался домой. Однажды забыл фонарик и шел без него. Тропа к лесу знакомая, но ночь была черным-черна: горы тесно подступили к ущелью, тучи низко нависли и слегка накрапывал дождик. Я иногда приседал, чтобы лучше почувствовать тропу и продвигался буквально ощупью. Вот последний поворот мимо огромной груши, вот родничок посапывает знакомый, вот и полусгнившее бревно, когда-то свалившееся с лесовоза, да так никем и не подобранное. Под ним уже гадюки завелись. Скоро должна быть моя калитка. И я пошел свободнее, хотя даже дома еще разглядеть не мог.

И вдруг, натолкнувшись на что-то темное, теплое, мохнатое, перевалился через него на мокрую траву и в голове моей мелькнула только одна мгновенная мысль: медведь!

Не помню, с какой скоростью я подхватился и бросился к тому месту, где метрах в трех была калитка. Попал на нее, захлопнул с другой стороны и только тут размышлять начал. Ну не может быть, чтобы это медведь был! Зверь хоть и сильный, но осторожный, не стал бы он дожидаться, пока на него какой-нибудь дурак свалится, тихонько ушел бы, я бы его и не почувствовал.

Сообразив такое, я уже посмелее пошел к дому, стуча ботинками по деревянному тротуару. Стараясь не торопиться, открыл дверь, нащупал на столе фонарик и вернулся к калитке. Еще с бьющимся сердцем навел его луч на место падения. И увидел черного бугая, принадлежащего местному богатею Петьке Иващенко. У него таких бугаев штук пять, все злющие и ревнивые к двадцати своим коровам. Бугай тоже, конечно, не подарок, но не медведь все же!

Утром я рассказал эту историю Володе. Он и придумал потом, что я на дерево со страху забрался и сидел там до утра. Как будто я не знал, что медведь по деревьям лучше человека лазает...

Он еще и артист талантливый, этот Володя Ивлев. Историю с медведем он со всех сторон обошел, расцветил такими подробностями, что усомниться в подлинности истории было трудно. Даже для меня. Он и ветку нижнюю на яблоне в моем дворе как-то без меня отломил, чтобы всем показывать, как я торопился взобраться на эту самую яблоню. И когда однажды приехал ко мне в гости писатель Максимов Владимир Емельянович – он жил у меня несколько месяцев, дописывал свой роман «Семь дней творения», – то Ивлев, сохраняя самое серьезное выражение лица, и ему поведал смешную эту историю. Бывший таежник Максимов столь же серьезно историю выслушал, но задал уточняющий вопрос:

– Медведь очень старый был?

Володя Ивлев с минуту озадаченно смотрел на Максимова, а мозг его в это время работал с компьютерной скоростью. Потом медленно произнес:

– Очень старый. Фактически у него ни одного когтя уже не оставалось.

Максимов удовлетворенно кивнул головой:

– Тогда понятно, почему он за Гнеушевым не полез. А то ведь молодые медведи – отличные древолазы...

С того дня Ивлев слегка сбавил обороты в эксплуатации этого сюжета, а потом и вовсе свел его на нет. Но Максимова крепко зауважал, они сдружились, и

когда Максимов уезжал, Ивлев подарил ему несколько своих работ по дереву. Вернее, хотел подарить, как он это обычно делает. Но Максимов твердо сказал, что примет работы, если только заплатит за них. Пришлось Ивлеву пойти на нарушение собственных принципов...

Несколько лет назад в Париже я видел в доме Максимова эти бесхитростные, тяжелые, с горькой смешинкой, талантливые работы. По-моему, Максимов гордился теперь уже давним, нечаянным, но счастливым приобретением. И когда провожал меня, попросил передать Владимиру Сергеевичу Ивлеву, живущему в затерянном в горах поселке, том своих произведений, «Семь дней творения». Поручение я выполнил...

Уже нет на свете Владимира Емельяновича Максимова, честного, яркого писателя, доброго и одновременно бескомпромиссного человека. Владимир Сергеевич Ивлев, бывший моряк – во время войны и после нее, он служил на торпедных катерах Черноморского флота, бывший земледелец одной из кубанских станиц, бывший лесник и егерь, ныне болеет, но все еще трудится, сторожит остатки народного имущества все в том же высокогорном поселке. Невдалеке от поселка проходят тайные тропы и лежат перевалы через Главный Кавказский хребет. По этим тропам и через эти перевалы лежат ныне маршруты чеченских и абхазских боевиков, время от времени обменивающихся друг с другом опасными визитами. Жизнь в поселках постепенно умирает. Остановилась лесопилка в поселке Пхия, началась беспросветная безработица, закрылась пекарня, заглохли туристские маршруты, на опустевшей главной – она же и единственная – улице дети играют найденными на упомянутых тропах гранатами, из которых отцы предусмотрительно вывернули запалы, мужики заглядывают под крышки разнообразных емкостей: не созрела ли бражка?

Цветут огороды и окрестные леса – единственное, что еще кормит забытых властью людей. Я спросил Владимира Сергеевича:

– Боевики не балуют?

Владимир Сергеевич усмехнулся:

– А какая лисица себе на хвост нас ...т? Им же тут, по всему видать, еще долго ходить. Это с властями можно в разные игры играть, а с народом сложнее. Н-е-ет! Если и зайдут какой ночью, так молока купить или хлеба. Впрочем, хлеба теперь у нас у самих нету... Война...

Война, будь она проклята. Тихо умирают, ни на что не жалуясь, старики, подгнивают и кособочатся еще недавно полные жизни и веселья дома, снова поселилась в нашем поселке первобытная тишина, изредка нарушаемая внезапным лаем собак на утвердившейся здесь погранзаставе да кричит по утрам единственный на всю округу петух на подворье Ивлевых. И все.

Впрочем, что это я. По-прежнему шумят стремительно убегающие на север Загеданка и Большая Лаба. Созревшие яблоки падают на тлеющие от старости деревянные тротуары, по многим из которых давно уже не ступала человеческая нога, если не считать впадающих в отчаяние мародеров. Но и они заглядывают сюда все реже: грабить нечего. Да на крутом травянистом склоне, полузакрытая поднявшимися за счастливые годы деревьями, притихшая стоит разросшаяся ива, похожая нынче на опечаленную вдову.

... Однажды поздней ночью раздался у меня в Москве телефонный зво-

нок. Отдаленно знакомый голос, принадлежность которого я, однако, так и не сумел установить, произнес:

– Прости, старина, что разбудил тебя. Но я пролетом, звоню из Домодедово, до моего самолета – полтора часа. Был в Загедане. Там, как принято говорить, тихо скончался Володя Ивлев. Если рюмка у тебя недалеко, налей. Я свою держу в руках. Помянем талантливого, щедрого и веселого грешника, коими так богата наша бедная Россия...

Не отрывая от уха трубку, я потянулся и открыл дверцу буфета. Налил. Сказал в трубку: «Готово». – «Поехали», – ответил голос. Как пили – было слышно обоим. Потом голос произнес: «Ну прощай, брат. Скорее всего – не увидимся. В горах война, а больше мне летать никуда не хочется. Бог один, но много заблуждений...».

Потушив свет, я лег в постель и долго, мучительно пытался вспомнить, чей же это был голос. Но до утра так и не вспомнил.

А потом позабыл и вовсе. Впрочем, мало ли с кем приходилось встречаться и накоротке дружить там, в местах прекрасных напрасно ныне сдаваемого нами Кавказа, у бегущих его ручьев?..

Если б знали наши предки, послужившие векам, что наследство сдали редким и отпетым дуракам. И хотя б единым глазом поглядеть на нас могли, тут же плюнули б три раза и обратно залегли...

Самое страшное, что с нами произошло, это вовсе не то, что нас обманули, обвели вокруг пальца, ограбили, унизили презрением и даже облапошили по базарному образцу, а то, что нас расчетливо и холодно предали.

Продолжение следует

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Боглачев Сергей. Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск. «Снег», 2005.**
- **Маркелов Николай. Кавказские силуэты. История Кавказа в лицах. Пятигорск. «Снег», 2006.**

ВОСПОМИНАНИЕ О МУССЕ БАТЧАЕВЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ

В тот вечер мы были вместе: я, писатель Виктор Кустов, живущий сейчас в Ставрополе, поэт Юсуф Созаруков...

Мусса посадил нас в беседке, обвитой виноградной лозой. Сам ходил босиком по даче, угощал овощами прямо с грядки. Говорил тосты, остроумные, с притчами.

Я помню: если в компании была женщина, Мусса любил поднимать стакан со словами:

– Гуси спасли Рим, а из-за Елены Прекрасной разрушили Троию. Так, давайте, все равно выпьем за прекрасных женщин!

Тот вечер на его даче мне запомнился на всю жизнь: ни сам Мусса, ни мы не знали, что вскоре нашего старшего товарища не станет...

Когда я учился в Литературном институте им. Горького, напечатали мой первый рассказ в журнале «Юность» (ранее я публиковался, это же была моя первая публикация во всесоюзной печати). Мусса учился на Высших литературных курсах, жили мы в одном общежитии. Он тогда позвал в свою комнату всех наших земляков. Он любил такие встречи и всегда был организатором их.

– Выпьем за будущего классика советской литературы! – с этими словами он открыл то памятное застолье. Конечно же, это была шутка. Как и любой литератор, мы к творчеству, а тем более к публикациям такого рода относились ревностно, поэтому я тогда остро ощутил, сколько было в этих словах великодушия. Этим он отличался, особенно в нашей среде, писателей из провинции.

Когда годом позже вышла повесть Муссы Батчаева «Элия», там же в «Юности», мы все, студенты литинститута, зачитывались его великолепным произведением. Перед вахтой на столе размещалась корреспонденция для живущих в общежитии. Каждый день в течение длительного времени приходили десятки телеграмм в адрес Муссы. В основном поздравляли его карачаевцы, возгордившиеся публикацией земляка в столь солидном издании.

К выходу «Элии» Мусса уже был известным писателем у нас в Карачаево-Черкесии и на Ставрополье. Его знали как автора повести «Когда осуждают предки» и знаменитого «Серебряного деда»... а тут на наших глазах начала расти всесоюзная известность. Многие видели в перспективе, что растёт писатель ранга Айтматова, Мустая Карима и других, тогда очень популярных... Конечно, это порождало зависть и притом черную зависть среди бездарных литераторов, которыми кишела наша писательская организация...

Я не знаю, что было бы с биографией Муссы, останься он в Москве. Ах, лучше бы он остался! Как бы повернулась его творческая жизнь? Но у писателя нет иной жизни.

Есть только судьба. Он вернулся в Карачаево-Черкесию. Его тянуло в родные места, к своим, к народу... И начались черные годы. Серость и посредственность была напугана перспективой роста карачаевского писателя. И здесь, эти шарлатаны играли втемную. Мусса же искренне верил в чистоту человеческих отношений, в благородство, во все высокое, разумное и справедливое. Он противостоял своим противникам с раскрытой душой, с обнаженным сердцем, а тут, у многих коллег и высокопоставленных чиновников, в рукавах были спрятаны ножи...

Помню и то знаменитое обсуждение книги «Элчилерим» («Мои земляки») в здании областного Дома политпросвещения (ныне телестудия). В тот вечер ложные, явно надуманные обвинения посыпались не только на второй вариант «Серебряного деда», но и на безобидную, полную народного юмора, жизнерадостную повесть «Мои земляки». Здравомыслящие тогда возмутились кощунством злопыхателей. Тогда на сторону Муссы стали критики-литературоведы – черкешенка Лейла Бекизова, абазин Владимир Тугов, карачаевки Фатима Урусбиева и Назифа Кагиева.

Когда начались нападки на драматургические произведения Муссы, я как раз приехал из Москвы, где прожил около года. Встретились с Муссой, я уже был в курсе всех его дел и, чтобы посочувствовать, говорю:

– Вот, вернулся, как коммунист в пиночетское Чили... Когда же издохнет это зверье?!

Мусса понимает, улыбается своей обычной улыбкой, сжав губы и сощурив глаза, поправляет очки и кивает головой.

– Ничего, ничего, – говорит он. – Все еще изменится. Я в жизни пережил и похуже.

Видимо, он имел в виду страшное детство в выселении. Он никогда не говорил об этом времени, как что-то сокровенное держал в глубине сердца...

Часто писатели впадают в депрессию и становятся неврастениками. Сколько я знал Муссу, ни одной жалобы от него не слышал, а напротив, он всегда старался подбадривать и себя, и своих знакомых. Это подчеркивало его большое мужество. Он воевал с системой и притом в одиночку. Ну кто тогда ему мог помочь по существу? Все делалось по сценарию, начертанному в высших партийных кругах.

Сегодня очень тяжело сознавать, что по возрасту мы пережили Муссу. А ведь он был младше... Тогда, когда он умер, ему было неполных сорок один, и он был старше нас на целых десять лет. А нам сейчас – за пятьдесят.

Горько вспоминать, что враги торжествовали и после его смерти. Они проводили себе пышные юбилеи, присваивали звания и были убеждены, что они – корифеи литературы. Они скомкали его 50-летие. Многие в 1989 году хотели отдать должное таланту Муссы Батчаева, но прижизненные злопыхатели всячески воспрепятствовали.

Однако талант Муссы непоколебим и, наконец, сегодня получает достойное признание на своей родине.

Ничтожные и беспринципные литераторы, всю жизнь профанирующие себя общественности писателями, наивно думали, что, навесив на свое бездарное творчество звания, ордена и медали, они стали достоянием народа. Ан нет! Они были и остались всего лишь мелкими насекомыми – паразитами на народном теле.

«Серебряный дед», «Когда осуждают предки», «Мои земляки» – вот настоящие духовные, эстетические, художественные ценности.

И дай Бог, чтобы у нас появились государственные мужи, ясно понимающие это!

1999 год, Черкесск, Драматический театр.

КОГДА ОСУЖДАЮТ ПРЕДКИ

ПОВЕСТЬ

I

Чем дальше в минувшее, тем дороже стоило, наверное, жить, раз всего полвека назад бабушке моей завидовали только потому, что она родила восьмерых детей и ни один из них не умер от голода. Иногда бабушка рассказывает о прежнем житье-бытье, не кричит, не плачет, но между слов ее видно – мудрость змеи и выносливость лошади нужны были ей, чтобы как-то окрылить оперить свой немаленький выводок. В морях северного полушария водится, как я слышал, диковинная рыба, которая мечет икру, а сама умирает, чтобы кормить собой своих мальков. Об этом чуде подумываю я, глядя порой на бабушку.

Некогда очень дородная, она теперь как копченое ребро. Платье, в котором ввели ее когда-то в дом моего деда и которое до сих пор хранится у нас в сундуке, было, говорят, для нее тогда тесноватым, а сейчас его можно надеть на трех таких бабушек сразу. Сиди после этого и прикидывай, сколько надо иметь в себе соков, чтобы воспитать около десятка жизней и не засохнуть при этом вконец.

А воспитала детей бабушка, по словам многих, на славу. Дочь красавица и семеро сыновей-тулпаров¹, как в сказке.

Окажись у бабушки сыновей поменьше, дочерей побольше, ее, конечно, не назвали бы самой счастливой матерью в ауле. «Да будет у врага моего дюжина дочерей», – просят горцы в молитвах, и это самое страшное пожелание человеку, сделавшему тебе зло. Ведь женщина не станет за сохой, не вскочит, когда нужно, на лихого коня, не выглянет за дверь на ночной стук, не сверкнет клинком над головой насильника, посягнувшего на ее честь. Только тесто может она месить.

Другое дело – мужчина. Пусть навалится любая беда, он подопрет плечом и удержит готовый упасть под ее тяжестью потолок.

Главной опорой дома бабушки был мой дед, и он рухнул первым. В чужих краях простился с жизнью, умер в седле с казачьей пулей в боку. А после, на радость недругам нашей семьи, ушли за ним сыновья бабушки. Могилы их безвестны и далеки от нас – ни один не лежит в Черном ущелье, на нашем аульном кладбище. Старший навсегда остался в снежных заносах Клухорского перевала, сорвавшись со скалы во время охоты. Двое других, сосланные, застыли в холодной земле – Сибири. Остальные четверо встретили смерть в последнюю войну, кто в тылу, кто на фронте, но все вдали от аула. Теперь, когда мы собираемся на семейные советы, бабушка особенно остро ощущает пустоту в доме.

Всех сыновей она женила, но только две невестки успели подарить ей внуков. Одна из них – моя мать, другая – моего двоюродного брата Мазана.

Вся любовь, все тепло, что не смогла отдать бабушка детям, достались Мазану и мне. Но и все то, что должны были совершить ее сыновья для прославления

нашего рода, бабушка ждет теперь от нас. Ни днем, ни ночью ни разу мы не шагнули без ее ведома, и ни один наш шаг, маленький или большой, не остался без ее осуждения или одобрения. Со всеми прямая и строгая, бабушка с нами добра, но так же пряма. Средних оценок у нее нет... «Это очень хорошо» или «это очень плохо», скажет она о любом незначительном поступке, и эти слова звучат у нее, как приговор высшего судьи. Только в особых случаях для вынесения этого приговора бабушка собирает семейные советы. На них, правда, никто не советуется, но так их принято называть. Бабушка чинно занимает место у тёра¹, перед ней, между двумя невестками, садится увядшая в девушках ее красавица дочь, которая не дождалась светлого года для свадьбы в сплошной очереди траурных лет, плечи которой не обнажились под черными шальями для единственной белой. По обе стороны от бабушки застываем мы с Мазаном, и она в мертвой тишине коротко высказывается по тому случаю, из-за которого собрала нас...

Самым заметным был последний наш совет в прошлое воскресенье. Бабушка, как обычно расположившаяся у тёра, долго и торжественно молчала. О чем через секунду она заговорит, я думаю, никто из нас не знал, но что бы она ни сказала, это должно было стать для нас непреложным законом, истиной, святым повелением, потому что она – у тёра и скажет сейчас от имени всех мужчин нашего рода, что сидели до нее на этом освященном веками месте. Мы глядим в бабушкино лицо, пытаюсь что-то прочесть в нем, но оно бесстрастно, как вековая скала, и останется таким, пока бабушка не выльет все, что у нее на душе, будь то похвала кому-нибудь или строгое внушение. Ни мы с Мазаном, ни наши матери, ни наша рано состарившаяся тетя – никто не уверен в том, что не о нем вдруг пойдет сейчас речь.

Я облегченно расслабляю себя, когда бабушка поворачивается к Мазану.

– Сын моего сына! – говорит она протяжно, – слышала я, как ты слышишь сейчас ушами, что шайтан обратил твой взгляд и душу на русскую девушку. Глазами можно, но сердцем смотреть на женщину мужчина не должен, если не собирается ввести ее в дом. А если ты хочешь сделать ее нашей снохой, как я смогу качать на коленях твоего сына, рожденного женщиной другой веры!?

Маком вспыхнул Мазан, но молчал. Бабушка же, не торопясь, расстегнула все крючки на платье от подбородка к поясу, до самых сосков обнажила давно опорожненные сумочки груди, бережно приподняла их ладонями, затем, так же не торопясь, их спрятала и сняла с белой, как снег, головы шаль:

– Молоком из этой груди, вошедшей в тебя с кровью моего сына, прошу: не позорь вот эти седины... Я сказала плохо, ты пойми хорошо, аллах да вразумит заблудшихся ...

«Что же здесь понимать, – думаю я, – сказала, будто гвоздь забила».

* * *

Полюбить жизнь, живя в моем маленьком ауле, кажется, невозможно. Слишком тихо здесь и однообразно, потому мне и не хватает какого-то витамина, и я становлюсь брюзгой и ворчуном. Аул наш – в ясной, как ладошка, долине, на которой все изведано, все обнюхано и никем ничего интересного не найдено. А вокруг аула лес и горы, горы и лес. Я удивляюсь, когда нашими краями вос-

¹ Тулпар – богатырь

¹ Тёр – наиболее отдаленный от входа угол, самое почетное место в комнате

торгаются приезжие туристы или больные, что добирались сюда за тридевять земель, чтобы подышать здесь чудесным, как они утверждают, воздухом. А мне надоело все на сто верст во все стороны...

Может быть, надо очутиться где-нибудь далеко-далеко, чтобы понять и оценить красоту своей земли? Директор нашей вечерней школы, бывалый партизан, рассказывал, что видел, как молодой туркмен плакал в лесах Белоруссии: негде, мол, по-человечески отдохнуть, полежать – нет песка. Может, туркмен так дорого ценил прелесть своих песков потому, что долго носила его судьба по чужбине? Не знаю, но я бы не прочь оказаться вдруг в Белоруссии или, скажем, в Туркмении.

После восьмилетки я намерился было поступить в техникум в каком-нибудь городе... Школьный сторож Мунир, лучший друг покойного отца, второй после бабушки человек, который бы так искренне желал видеть меня счастливым, страстно одобрил это...

– Оллахий¹, езжай... Окупись в большой мир, – сказал он. – Мясо, что сварилось в маленьком котле, может оказаться сырым. Слава создателю, ты мужчина, а у мужчин дорог много... Не подобает ему, как старой женщине, засиживаться у очага – протухнет. На нас не смотри: в свое время повидали мы много земель и вод...

Теперь в нашей жизни вечер, а вечером в дорогу не выйдешь, С утра надо – езжай не оглядывайся...

Но ехать мне или оставаться, решила бабушка, выразив противоположную мысль, что, мол, и в маленьком ауле можно стать большим человеком: ведь и в капле дождя и в бездонном море небо отражается одинаково, и аул и город (бабушка ни разу не видела города) могут одинаково научить быть человеком – сумей только учиться... Да и кроме того, мы должны умирать там, где родились, а так как смерть может явиться в любой час, то лучше всего быть дома. Если и удалиться от него, то лишь на столько, чтоб хоть дым из трубы был виден. Уж ей-то, бабушке, жизнь надавала достаточно горьких уроков, чтоб убедиться в этом крепко-накрепко.

– Люди в городах живут бегом, – вспомнила однажды чьи-то слова бабушка.

У нас в ауле жизнь ползет, точно арба в ленивой воловьей упряжке... Летом – жаркое солнце, зимой – бураны и метели. То пыль на дороге, то слякоть, но дорога эта неизменно скучна, и волны неизменны в своем мерном, ленивом шаге. И под гору идет арба и в гору, петляет на крутых и некрутых поворотах, но ни разу не ускорит хода, не нарушит заведенного ритма, не выбьется с наезженной веками колеи. И чем дальше едешь, тем назойливей ощущение, что колеса вертятся, вертятся, а арба стоит на месте.

В последний год из моих восемнадцати я почувствовал себя человеком, любящим жизнь. Весь этот год в ауле жила хорошая девушка – Ирма...

Увидел я ее утром, когда она шла за водой. Дом наш так стоит, что к реке никто из аула не спустится, не пройдя мимо него, и поэтому в любую минуту между восходом и заходом солнца из окна моей комнаты можно увидеть женщин с ведрами. Непонятно, как не иссякла еще Кубань, – тащат из нее и тащат они воду сплошной вереницей. Я уже знаю всех женщин в ауле.

¹ Оллахий – восклицание. Соответствует русскому «ей-богу!»

Потому, наверное, когда она, поводя бедрами и выпрямив под дугой коромысла плечи, прошла впервые мимо моих окон, я, глядя ей в спину, сразу отметил, что она незнакома. Но, что всего интересней, не видя ее лица, решил, что она непременно красива и глаза у нее синие.

В лучшей своей рубашке ждал я ее, когда она с полными ведрами поднималась навстречу мне...

Я ей сказал «доброе утро» и, сам удивляясь себе, спросил, не видела ли она на берегу ослика с белым пятном на лбу? В ответ можно было только улыбнуться, и она улыбнулась и, не меняя шага, прошла мимо меня, покорная тяжелому ритму покачивающихся на плече ведер.

Зная, что не на что злиться, и все-таки почему-то злясь, я снова смотрел ей в спину, пока она, ни разу на оглянувшись, скрылась за глыбами скал наверху.

– Внимание – последние известия, – говорил вечером Мазан, – у нас новая медсестра. Зовут Ирмой. Волосы золотые, глаза синие. Живет с братом или дядей у старой Фатимы. Брат – урод. Огромные очки, огромная голова, с огромной копной волос.

А сестра – изюм.

С тетрадью-трубочкой в руке шла она в первый день занятий вечерней школы по коридору, шла, обходя встречных, вглядываясь в номера классов, и, наконец, жмуря под светом синие глаза, остановилась в двух шагах от меня, перед дверью десятого «Б».

«С нами будет учиться!» – подумал я, радуясь этому.

– Какая девочка! – говорил громко Мазан, подмаргивая мне. – Великолепная девочка, оллахий!

Может быть, потому, что он говорил об очевидном для каждого, может быть, потому, что она слышала это и улыбнулась, я намеренно лениво процедил навстречу Мазанову восторгу очень прозаичный ответ, что, мол, девочка, как и все.

Вряд ли она захочет услышать мое возражение и уж, во всяком случае, не улыбнется ему, как комплименту брата.

Но она посмотрела на меня и улыбнулась, как в первую встречу, когда я спросил про нашего ослика.

Я сел на последней парте, и она выбрала ее половину, хотя впереди были еще свободные. Мазан, сидя на соседней с толстым Норием, от которого вечно несло козым духом, в нашу сторону смотрел очень часто, и мы знали, кого из нас двоих хотят обворозить эти жгучие взгляды. Вечером, после занятий, я застал его занимающегося тем, чем никогда до этого он не занимался: не подозревая о том, что я слушаю. Мазан густым басом декламировал стихи неизвестного мне поэта, которым, впрочем, мог оказаться и сам:

*Хорошо расскажет дуб измятый,
Как в ночи ударила гроза...
Я люблю, но губы мои сжаты –
О любви кричат мои глаза.*

– Ты мне брат?! – спросил Мазан в один из обычных дней, оттащив меня в угол коридора.

– Брат!

– Можешь пойти на жертву?!
 – Конечно. Хочешь поменяться со мной местом?
 – Дорогой Баград! Волшебник...
 – О любви кричат твои глаза! – продекламировал я и, зайдя в класс, занял место рядом с толстым Норием, а он сел к ней.

* * *

Встретил я ее летом... Лето ушло, ушла и осень. Вслед им отметелила седая зима, отзвенели морозы. В аул уже хлынула ранняя весна, а я все чего-то жду, все чего-то хочу... А ничего не меняется, ничего не случается. Мазан ее лучший друг, ее рыцарь, а я только брат Мазана.

Долгими, похожими друг на друга своей скукой вечерами я думаю что-то сделать, что-то ей сказать, что-то ему объяснить, чтобы изменить такое положение. Но наступает утро, и я стесняюсь своих ночных мыслей. Где-то в глубине сидит убеждение: нельзя, неразумно искать, находить, приближать, отвоевывать любовь...

Убеждение смутное, но заставляет замыкаться в своей оболочке, играть роль равнодушного... Эта роль тем хороша, что ее никто, кроме меня, не играет... У всех наших ребят, «о любви кричат глаза».

А Мазан провожает ее даже в те вечера, когда она могла бы добраться домой со своим большеголовым дядей, два раза в неделю дающим у нас географию. Мазан в эти дни, словно ослик, тащит и ее книги, и его книги, и свои...

Раньше он делился со мной мельчайшими подробностями своих походов... Теперь молчит. Или он ее любит очень сильно, или сильно жалеет меня...

Однажды приходит к бабушке мать Нория, ее сверстница, совершенно круглая, подвижная старушонка.

– Мир, сестра, дому твоему.

– И входящему мир. Садись здесь, душа моя. Разговор идет о здоровье, о семенах, о бренности жизни земной, о близости к небу – королевству истинной жизни.

– А с невестушкой поздравляю! – внезапно меняет тему родительница Нория и ласково продолжает, – отличная невестка. Под стать солнышку Мазану. Не болела голова, а пошла к ней, полечи говорю, а сама осматриваю ее. Хороша, аллах свидетель. В доме свой дохтур будет...

Натуральным ядом не причинить бабушке столько боли, сколько причиняют эти масляные слова. Захлебываясь в шепоте, она осыпает гостью вопросами: правда ли это? Давно ли? Знают ли в ауле? Балуются ли они или получится у них что-нибудь серьезное?

– Что-нибудь, не знаю, а кто-нибудь получится, если... – не доканчивает гостя. – Все в воле аллаха. А ты не знала?! Да? Ранила я тебя вестью, прости... Конечно, золотая она, быть может, с пяток до макушки, да кровь в ней не наша. Тебе, любимице аллаха и Мухаммад-файгамбара, – она не сноха. Сначала сама не верила, что умница Мазан так обидит тебя, да слышала вот этими ушами...

Старушка рассказала, как ее «непутевый» (это Норий) случайно записал

на магнитофон («хитровую говорящую коробку») уединенный разговор Мазана с «фельдшерницей» на вечере в школе... Она слушала эту коробку, не все поняла, но перевел Норий...

(Позже эту запись прослушал и сторож Мунир. – «А ты, Будиян улу, оказывается, подлец», – изумился старик и закатил Будиянову сыну памятную оплеуху).

Гостя ушла, видимо, довольная тем, что смогла уязвить слишком гордую бабушку. А бабушка, образец вежливости, не вышла проводить приятельницу до калитки, так была она ошеломлена... Внук запел не дедовские песни... И за что ей такое наказание! всю жизнь исправно служит она аллаху, а он все шлет и шлет новые беды... Ни разу она не ступила ногой в дом, где в углу под свадебной шалью стояла когда-нибудь невестка с чужим языком, чужой верой, чужим богом, а теперь и в ее дом нацелилась чума... Да, неправильную песню запел сын ее сына.

Но хорошо, что вовремя узнала. И на том спасибо всевышнему. Она вытравит из сердца внука то, что насадил туда злой дух. Она скажет Мазану, крепко скажет, ветер не унесет ее слов мимо уха его. Да, не унесет!

Бабушка, действительно, сказала не на ветер. После нашего семейного совета Мазан Ирму больше не провожал... Долго бы он мучился, неизвестно, но в конце апреля ему вручили повестку из военкомата.

* * *

Полдня я бродил по грязным улицам райцентра, оставив их в парке. Завтра Мазан уезжает, они прощаются здесь, в ауле нельзя... Но уже поздно.

Я тихо бреду меж деревьев к ним... Они стоят у большого дуба и о чем-то говорят, и смотрят друг на друга... Я уже совсем близко, но они не видят меня. Вдруг Ирмины руки, как крылья, взлетают вверх и смыкаются на его затылке...

Довольно рано узнаем все мы, что у нас есть сердце, но чувствуем его каждый в свое время, когда оно вот так непривычно забьется в груди...

По пустынным, затопленным недавним дождем улицам я ухожу и никак не могу заглушить в себе острую обиду. Я лезу в лужи, ноги давно мокрые, влага по ним взбирается вверх, холод входит в голову – немного остываю. Чего я налил злобой, как бурдюк шипучим вином? Не обещали же мне они не целоваться. И ведь не для того они целуются, чтобы причинить мне зло... В конце концов, они ведь не заметили меня, чтобы стесняться меня или жалеть...

Эти доводы разумны, их много, и все они на одной чашке весов, но все-таки перетягивает другая, на которой одно-единственное – моя боль.

Может быть, поэтому я не восстаю, не пытаюсь защитить и, кажется, даже рад, когда, вернувшись в аул, вижу возле амбулатории разъяренного мужика, который плотным матом кроет новую медсестру и всех ее предков по той причине, что она куда-то делась, без нее скорую помощь из района вызвать нельзя, а его жена собралась вот-вот рожать...

Я смотрю, как маленькая взбухшая женщина бережно несет на руках свой большой живот, как ее укладывают на неуклюжей бричке, набитой сеном...

«Скверно, очень скверно, – думаю я, – человек страдает, а она целуется...»

Вечером Мазан возвращается, я прошу его в последний раз побоксировать со мной... Дома у нас две пары перчаток – занимаемся боксом давно. Прошу так

настойчиво, что он соглашается, и я бью его. Раньше бил только в дальнем бою, теперь бью и в ближнем, вся моя злость сейчас в перчатках. Мазан молча защищается, губа его в крови. Он устает, поднимает руки, но я не останавливаюсь и нокаутирую его.

Милый, единственный брат, жизни не жалко для тебя, все могу простить тебе, но парк, но дуб, но Ирму...

Утром он уезжает. Обнятый двумя дюжинами старух, он стискивает, прижимает меня к себе.

– Зря вчера колотил, – слышу я, – она любит не меня. Сама сказала. Любит другого, и его колотить вряд ли тебе захочется...

Он взбирается в кузов гудящего «газика» и сверху трогает мое плечо и улыбается рассеченной губой, а за улыбкой грусть.

Больше месяца он надоедал в военкомате, сам просился на службу, и вот едет, даже не закончив школы, – таков Мазан, со странностями.

Мягкий покладистый Мазан, получивший нокауты от тех, кого любил, – от бабушки, Ирмы и меня...

* * *

Комитет комсомола собирается у нас, как многие считают, очень редко, в самых особых случаях. Сегодня тоже – по особому, как сказал секретарь Умаров, случаю – будем обсуждать поведение комсомолки, ученицы десятого класса – Ирмы Винницкой... Она в пятницу прошлой недели не оказалась на рабочем посту, в результате чего чуть не произошла трагедия. По ее вине рождение нового гражданина нашей страны случилось не на удобной койке районной больницы, как это у нас положено, а в дороге к той больнице, на несчастной бричке – транспорте давно минувших времен. Заметьте – на бричке, когда ракеты бороздят космос, а на земле тесно от автомашин. Где же, спросим себя, была в это время комсомолка Винницкая, которой, как медицинскому работнику, доверено самое дорогое – жизнь и здоровье наших тружеников?

Она весь этот день провела с бывшим учеником нашей школы – Мазаном Османовым. Уже этот факт, сам по себе, безотносительно к долгу, к работе, заслуживает нашего строгого осуждения: с таких вот длительных прогулок по паркам и садам и начинается моральное разложение человека...

Предложили выступить девятикласснице Кате, девушке с пронзительным взглядом, которая сначала сдержанно, потом все резче и, наконец, совсем резко высказала мысль, что разбираемое дело – некрасивое, а наши дела и мы сами должны быть красивы, а для этого недостаточно одних только правильных черт лица, хороших волос, синих глаз – нужна и внутренняя красота, то есть все в нас должно быть прекрасным, как требовал классик Чехов.

После нее все долго молчали. Пришлось вставать Умарову: что за равнодушие? Что за молчание? Тебе, например, нечего сказать об этом чрезвычайном происшествии?

Густой бас из угла мрачно заявил, что аллах вместе с языком дал право молчать, и, с позволения сидящих, он воспользуется сейчас этим правом.

Сосед баса, щуплый паренек, недавно введенный в состав комитета, приподнялся, когда на нем остановился требующий взгляд секретаря, и в неудобной позе, не сидя и не стоя, от растерянности затрубил:

– И чрезвычайные происшествия и чрезвычайные скоро забываются, если их оставить в покое. Зачем дуть из мухи слона? Ведь от прогулок по парку Винницкая в положение не вошла... А жена жалобщика... из положения все-таки вышла.

Потом встал Норий и начал с того, что зычно спросил, может ли уважать себя девушка, не только днем, а и вечером гуляющая с молодым человеком? Причем с таким шустрим донжуаном, как Мазан Османов? Нет, по-моему, если подумать. Не является ли она мещанкой? Да, является, если подумать. Прав секретарь – отсюда все и начинается, и Катя права – очень много надо, чтоб быть красивым. Короче, любая девушка-комсомолка должна быть безупречно чистой, если подумать. А еще короче, Винницкая в данное время пятно на нашем лице. И оправдывать ее сейчас – преступление, если подумать...

Внезапно открылась дверь и впустила взволнованного сторожа Мунира. И в ту же минуту Ирма устремилась к двери.

Не выдержала? Конечно. Должен же быть предел. А сначала сидела с независимым видом: говорите, мол, о моем внутреннем убожестве, а я все-таки красива, кричите, что я мещанка, а я все-таки красива, пачкайте меня, но я все равно красива и чиста, и безупречна. Секретарь растерянно озирается.

– Баград Османов, – просит он почему-то меня. – Верни, пожалуйста, Винницкую.

– Сечь вас надо, судей шайтановых, – слышу, уходя, голос Мунира, – за дверью стоял, понял все... Она лучше вас всех, разразись гнев аллаха! Чистое местечко на рябом лице всегда пятном кажется. Бессовестные вы и безжалостные! Глупые, если подумать...

Последние слова Мунир выкрикивает, наверное, повернувшись к Норию.

Ирма идет рядом и спокойно, будто сейчас не плакала, говорит, что не сердится, они правы, работа есть работа.

Обходя лужи, льнем к забору, наши локти касаются.

– Зачем же ездила?

– Он так просил... Я бы потом очень жалела... «Целовалась тоже из жалости?» – хочется спросить, но шагаю молча.

Она словно слышит это.

– Брат твой такой славный. А ваши комитетчики пачкали нас. Только в тот день раз я его поцеловала.

– Потому что пожалела! – уже вслух говорю я, почти кричу.

Она вздрагивает и останавливается.

– Потому что на тебя похож, – отвечает она, тоже почти кричит. И уходит от меня. Почти убегает.

II

Скоро в школе экзамены. Ирма хочет получить медаль и как-нибудь вытянуть меня хоть на «тройки».

Третий день осаждаем алгебру... Готовимся вместе.

В сакле старой Фатимы три комнаты – три разных мира. Дядя Ирмы живет в древнем мире: стол, стулья, подоконники загромождены черепками, статуэтками, осколками каких-то кубков, глиняных сосудов и всем, что еще можно найти, если вечно рыться в земле. Он пишет что-то по археологии. Даже на чай не выходит из своей комнаты.

Целый месяц возится он (ночами, чтобы не разгневать стариков) на нашем аульном кладбище. Ходили слухи, что ищет золото, но принес с собой только плоский могильный камень с причудливыми узорами – письменами. «Мы родились, чтоб умереть», – написано на нем какими-то древними кочевыми племенами. Так, со слов дяди, уверяет Ирма.

У самой Фатимы, хозяйки, – эпоха позднего средневековья. Ветхий Коран, миска, из которой ели ее прапрадеды, бронзовый кумган, чуть не пять столетий булькающий водой перед каждым намазом, большой, на две стены, ковер.

У Ирмы – цивилизация: радио, шприцы, грампластинки...

Занимаемся здесь. Когда дождь или холод...

В хорошие дни спускаемся к реке.

Я лежу на спине, слушаю Ирму, но уже не понимаю, что толкует она о квадратных уравнениях. Солнце висит над мельницей... Единственное облачко на небе тихо ползет к нему... На берегу гуси щиплют траву.

Солнце уже над нами, голова гудит от уравнений, глазам больно от света...

Я беру у Ирмы алгебру, забрасываю далеко в бурьян, и мы обедаем. Бутерброды тают на солнце и текут...

– Не хочу! Увидят – снова комитет, – отшучивается Ирма, когда предлагаю выкупаться. Но на берегу ни души, и мы идем к воде. Ирма впереди... Плечи ее белые, шея и ноги белые, и вся она, как белая хрупкая птица.

Я иду, наступая на ее маленькие следы, и за нами на песке остается один большой след...

Песок жгуч.

На одном боку долго лежать невозможно, мы ворочаемся, как шашлыки на жаровне. В двух бутылках из-под выпитого нами лимонада тащу воду. Льем на руки и прохладными ладонями гладим себя...

У мельницы слышатся голоса: на зеленом берегу чему-то смеются спустившиеся полоскать белье женщины. Вокруг них, разгоняя разомлевших от тепла гусей, бегают дети.

Крутолобый малыш останавливается перед нами и пучит глаза... Одна из женщин идет к нему; увидев нас, так же, как сын, пучит глаза: люди без одежды на полдневном берегу в ауле – редкость, как солнечное затмение или комета.

– Совсем бы еще разделись, ребенка даже не стесняются, – доходит до нас обиженное шипение.

Солнце слабеет, идет вниз, мы лежим, и в бурьяне лежит алгебра. Когда женщины уходят, за ними уходит солнце.

Становится прохладно, хотя песок еще горяч. В вечернем воздухе гудят комары.

Ирма мелко вздрагивает и смотрит на поздний закат.

Я смотрю на нее.

– Скоро двадцатое, – протяжно льется ни с того ни с сего Ирмин голос.

– Что?

– Твой день рождения. Что тебе подарить? Придумай!

«Она вся сгорела, – думаю я, – слишком много солнца сразу».

Теперь она не белая птица – розовая. А прожилки на шее еще ярче, еще голубее, как глаза, как вода у того берега.

Река мелодично плещет, фиолетово пламенеет закат... Дальние синие горы, красная мельничная крыша, греющий нас песок, то коричневый, то желтый, – все цвета мира сейчас вдруг растворяются в голубом и розовом, И эти две струи с тихим звоном льются друг в друга, постепенно теряют границы, только начало их здесь, где лежим мы...

Сколько серых недель, сколько дней без цвета и звука в жизни каждого?

Столько, наверное, сколько не было рядом с ним вот такой бело-розовой птицы... Странно, я мог ее встретить раньше, мог встретить позже и мог вообще не встретить. От кого, от чего это зависит? Кого благодарить за то, что она рядом? И кого винить, если она улетит?

А что мне подарить? Чего могу еще желать? Счастья – и все! Разве мало? Я стискиваю ее и безумею...

Вся она – шея, грудь, плечи – в золотом песке, как форель в чешуе, и вместе с поцелуями слышу хруст песка на зубах...

Ирма цепенеет от неожиданности, потом из дальнего далека тихо стонет:

– Одумайся, этого ждут годами... а ты...

– Возьми себя в руки, – добавляет она вдруг спокойно и становится упругой, жесткой...

Если б она волновалась, если бы испугалась, если б заплакала, что ли, от обиды, я не ушел бы.

Слишком сильная женщина – так же плохо, как слишком слабый мужчина.

* * *

– Молодой человек должен быть всегда гладко выбрит и слегка пьян, – говорит Мунир и таранит своим стаканом мой.

– Ну, а нам, старикам, можно и небритым пить, – уверяет он перед следующим стаканом.

Закусываем сыром, тонкими прозрачными ломтиками. У Мунира это выходит красиво. Пьет он как попало, а ест, будто священнодействует. Такое почтение в его взгляде к хлебу и сыру, так бережно подносит он их ко рту, самую маленькую крошку аккуратно подбирает длинными белыми пальцами.

Быть гладко выбритым я не могу: не растет еще борода. А быть пьяным, тем более, если день рождения, – пожалуйста... И не слегка, а основательно. Для этого я и пришел в келью Мунира. Он стар, у него почтенная седина, мне и на бутылку смотреть при нем не положено, не то чтобы напиваться, но я прихожу к нему, как к равному, и пью – сам заставил. Мой предел ниже, чем у Мунира, конечно, он сам это понимает, но это в другие дни. А сегодня – сколько хочешь, то есть сколько поместится: сегодня родился я – единственный сын его единственного друга.

Кстати, выпьем еще раз за него.

Пируем, не торопясь, деловито – оба окошка в будке Мунира плотно занавешены.

– Так ты не ответил, зачем я много пью, – в упор напоминает Мунир.

– Чтоб промокнуть... Сам говорил – мокрым грешникам в аду легче.

– Не шути, – грозит он белым пальцем. – Когда пью, я думаю только о том, какие задачи стоят перед людьми, чтобы они стали хорошими людьми...

– Если так, ты всегда думаешь только об этом, – хочу я пошутить, но молчу.

Мунир, действительно, закладывает часто и крепко. Конченым человеком зовут его в ауле и, увидев трезвым, удивляются, наверно, больше, нежели когда он пьян.

А бабушка моя зовет его грешником – хуже этого слова на свете она ничего не знает... Но любит Мунира, как сына, и это для него большая честь: на любовь скупее бабушки не скоро сыщешь. Непонятно, чем он ее подкупает – дружит с зельем, в мечеть не ходит, не блюдет как требуется от всякого правоверного, ни уразы, ни курмана. И все-таки в бабушкином сердце для него особый уголок. Из-за этого я Мунира люблю, кажется, больше, чем любил бы без этого.

И еще одно в нем рождает мое к нему почтение: он много читает, чего сам я не могу делать, как ни заставляю себя. Если книга толстая и плохая, Мунир отрывает каждый прочитанный лист, чтобы, как сам объясняет, потом не искать, откуда продолжать дальше. Но если книга хорошая, он читает ее с благоговением, будто Коран; ее смысл входит в плоть и кровь, впитывается в организм, как хорошо переваренный ужин.

Самый понятный герой, самый знакомый, самый uznанный, может вдруг повернуться неожиданной гранью, если посмотреть на него глазами Мунира.

– Онегин мужчина, что ли? Нет. А почему? Потому, что тряпка. Она любит – он не любит, она становится чужой женой – любит... «Хочу обнять у вас колени» – и хоп коленями на пол. А где сила? Где гордость? Нету. Раб... Она хорошо ругает, мол, – «как с вашим сердцем и умом быть рабом?». «Мелкого чувства», – говорит.

Нет, не мужчина, так и сочиняй в своем сочинении. Спорить начнет Биболат улу – пришли ко мне. (Биболат улу – наш директор, Унух Биболатович, – ведет литературу).

Сурово судит Мунир не только о книжных героях. Никого не щадит. А тех, кто мил ему, и вовсе... Где-то между третьим и четвертым тостом он и меня назвал тряпкой.

– Любишь, говоришь, ее? А бабушку обидеть боишься? Нория боишься, что скажет всем? Хорошо яблочко за забором, да можно штаны порвать? Нет, трус не любит... Себя только любит, свой покой, свой мягкий сон, свою гордость...

Как этот хлеб, нужна, говоришь? Желудок любишь, а не хлеб, потому и кушаешь.

Не смотри на яблоки или ломай забор, потом починишь, ее любишь – плюй на всех, потом вытрешь...

То, что Мунир скажет, и в пьяную голову напролом лезет. Голова болит... Зачем плевать? Зачем ломать какой-то забор? Зачем я ему все рассказал?..

В тот день я ушел со льдом на сердце, а Ирма осталась на берегу. Она спокойно стряхивала с себя песок, и на бедре ее таяли следы моих пальцев.

Да, я ушел... А ночью опять светило солнце, опять со звоном лились друг в друга голубое с розовым, и Ирма манила в объятия и говорила, что ждала годами... А из синего воздуха рождалось белое облако, спешило к нам и, обернувшись бабушкой, грустно обнажало иссушенную грудь и серебряную голову. Я убежал, Ирма оставалась на песке, и с нею оставалась алгебра...

Даже сон рассказал... Зачем? Волшебник, что ли, Мунир, чем поможет? Он сам моей бабушки боится.

– Один человек тосковал по женщине. А она болела – туберкулез. Не наша была, приехала в горы лечиться.

– Не подходи ко мне, – говорила она тому человеку. – Не люби меня: болезнь и на тебя перейдет.

А тот долго искал людей с такой болезнью и ел с ними из одной миски, чтобы тоже заболеть. Чтобы разломать забор между собой и ею. Но она скоро умерла, а он не смог заболеть, он остался...

– И на войне меня не убили, – внезапно кричит Мунир. – Отца твоего убили, всех хороших убили. Уголь в печке сгорел, шлак остался... Выжил, чтоб когда-то умереть скверной смертью – от язвы желудка, старости, ожирения сердца...

Но мы накажем себя. Мы будем пить. Что не смогли сделать ни туберкулез, ни шайтан-пуля, сделает шайтан-вода...

– Желаю счастья! – сказала сегодня Ирма, поздравляя с днем рождения. Удивилась, наверно, когда отвернулся? Конечно, но что бы я ей сказал?

«Не сердись, постель не вершина любви», – читаю на всю страницу в своей тетради.

Это она сегодня же, на консультации, красным карандашом...

Может быть, не вершина, может быть, основа, но не потому я сержусь. И на нее ли сержусь? После облачного сна лед с сердца ушел. Но теперь в нем пустота.

Желать счастья легко – дать трудно. И взять трудно. Как спала бы она после того дня, если б я не сдержал себя? Легко бы ей было? А мне самому?

Как умно все у Мунира: человек человека навсегда осчастливить не сможет, что-то мешает, а сделать несчастным на всю жизнь легко, ничто не мешает.

Скоро экзамены – и аттестат зрелости... А экзамены на хорошего человека, хорошего и для него, Мунира, и для бабушки, и для Ирмы, и вообще для всех? Неужели без провала их не выдержать, если ежедневно, ежечасно держать себя в предельном напряжении? Тяжело быть человеком!

– Ты не сердись, – пишу тоже красным карандашом в ее тетради, – я вел себя, как любящий... А было только головокружение...

Лучше сразу резко, чтоб потом было легко, чтоб забор был еще крепче, если сломать его нет сил. И смотреть на нее не надо, и любить не надо, если нельзя любить без оглядки, если эта любовь иглой колет чье-то близкое тебе сердце.

И день рождения лучше отмечать с мудрым и старым другом, в его тесной клетке, с плотно занавешенными окошками.

* * *

Прошел месяц, как окончена школа. Ирму видел два раза – два раза обменялись холодными кивками приветствий. На маленьком заводике за аулом в горячих печах жгу кирпич. Начинаю утром, домой – под вечер. Знойные летние дни после печей кажутся прохладным раем...

Работаю в две смены, без выходных. Это, понимаю, самоистязание, но свободное время – большее зло. Оно для меня саморазрушение, вредное копание в душе, сумятица. Работа же – это укротительница, это кнут, который не позволяет волам выбить арбу из колеи. Вместе с тем – это ответ на вопрос: как мне жить? Ведь судят у нас по одному: держался путник, идущий и всегда приходящий в

Черное ущелье, колеи предков? Был верен ей и в ненависти и в любви, и в горе и в радости? Или смалодушничал и изменил? И дела и имена – все сотрется в памяти аульчан, все исчезнет рано или поздно, как исчезают следы колес на дороге... Но зигзаг в сторону от древней тропы не забудется и не простится. Судей ничто не смягчит – ни то, что эта тропа, может быть, для кого-то узка, что на ней уже до крови стер кто-то ногу, и ни то, что по ее сторонам, может быть, слишком много теперь колочек, цепляющихся за одежду и тело.

Весь этот месяц мне кажется: я крепко взял себя за бока, подчинил железному режиму, своей рукой дирижирую своим внутренним хором. Он молчит сейчас, но если петь, будет петь сильным, стройным голосом, и только песни дедов.

Но обрывки других, новых мелодий, ничуть не считаясь с моей волей, входят в их мужественный, ясный и суровый, слишком, может, суровый мотив.

Мазан шлет письмо – хочет знать, когда свадьба и за кого выходит Ирма, Норий пишет ему намеками, ничего не понять...

Мне тоже ничего не понять: у самого Мазана тоже намеки и к тому еще тон мудреца – хорошая женщина, мол, это счастье, за счастье надо грызться, не жалея зубов, ни перед чем не останавливаясь, даже если это те, кто нам близок, кто желает нам счастья, но почему-то мешает счастью.

В письме, как Мазан объясняет, «для бодрости духа», стихи, вырезанные из какого-то журнала:

*Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бою,
Но не судите меня за измену,
предки мои,
предки мои!
Я не пою, а пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна,
Но...*

Стихотворение большое и звучное – хороший, видимо, поэт сочинил. Но что насочинял Норий?

Бедный толстяк, он – как ящик для мусора в школьном коридоре – собирает всякие сплетни, а потом разбрасывает по всей улице. Говорили, он заносит в записные книжки все свои маленькие и большие обиды, чтоб не забыть. Уже много таких книжек, целый десяток, можно подумать: жизнь его – одна сплошная обида... А самому хочется всех обижать. Что ему сделала Ирма? И зачем выдумал не что-нибудь другое, а свадьбу?..

Впервые поражает мысль – Ирма может кого-то любить, должна когда-то за кого-то выйти замуж, ей уже немало лет.

На том же месте, где в первый раз, встречаю ее, опять в своей лучшей рубашке... Неужели и у меня сейчас такой чужой, чуть-чуть настороженный взгляд? Она стоит с полными ведрами и спокойно отгадывает, что может услышать от меня, так долго молчавшего и переходившего на другую сторону улицы при ее виде.

Говорю, что Мазану написали какую-то чепуху, а он поверил и даже

хочет знать – на ком твой выбор... Сузившимся зрачком водит она в мою сторону, потом смотрит прямо, на миг кажется – смотрит, как раньше, и отвечает, что девушка не выбирает, девушке делают предложение. И называет директора школы...

Сто картин вспыхивают в мозгу, оживленные и связанные одним стержнем...

...Возвращаемся с экскурсии, хлещет косой дождь, «газик» наш ползет по грязи, будто плывет, неожиданно останавливается. Выйдя из кабины, Унух Биболатович сажает на свое место Ирму. С нами много девушек, дождь мочит и их, но у Ирмы короткий, как он замечает, плащ...

...Выпускной вечер... Еще не старый, крепкий и стройный, до блеска элегантный, он поздравляет Ирму с золотой медалью, за столом садится рядом, бокал его звенит мелодичней, когда встречается с Ирминым...

Разве не смешно сейчас только видеть это? Но, нет, я и тогда знал, только интуитивно, и ревность у меня была, только интуитивная... Он восторженно рецензирует ее сочинения. Красиво говорит, красиво доказывает, но я заявляю, что в сочинении есть спорные места, четыре моря не подвиг совершили, а долг выполнили, долг мужества, любви к жизни, а подвиг – это не то, подвиг – когда мужество с риском, с жертвой.

Это слабое соперничество в том, что он знал лучше меня, тоже было рождено интуицией.

Но не все ли равно, что было раньше? Сейчас она сама сказала о самом значительном, самом важном. Почему отвела глаза? Жалеет – не хочет видеть, каким стало лицо? А какое у меня действительно лицо? Чувствую только: губы мелко вздрагивают, их что-то тянет вкривь.

– Унух Биболатович – человек заслуженный, – говорю я и без паузы, тем же выдохом, тем же тоном спрашиваю, не видела ли она у мельницы нашего ослика? Целый час ищу...

В ответ можно было хлестко крикнуть, она хлестко промолчала и прошла мимо, покорная, как и в первый раз, ритму ведер на плече.

Я смотрю ей в спину, хочу догнать, остановить, озарить чем-то ясным, неожиданным. Но сверху за водой спускается моя тетя... Поравнявшись с Ирмой, пристально на нее смотрит и переводит взгляд на меня.

* * *

Камень подо мной горяч, сидеть на нем неудобно, но отсюда хорошо видна зеленая сакля Фатимы и здесь можно быть незамеченным до скончания века...

Сегодня суббота, последний день перед свадьбой. Последний раз мне надо прийти к ней, стать близко и смотреть минуту или две и ждать, как ждал год, не случится ли, не изменится что-нибудь?

Но как постучаться в этот зеленый аккуратный домик, что стараться выразить в глазах, переступив его порог?

Пусть даже в молоке он выкупается, пусть через голову три раза перевернется, но любить, как я, не сумеет; ни разу, как я, не обнимет. Это выразить? Но она сказала, что не это вершина любви. Если б я понял, что в нем она ценит, я, кажется, знал бы, что выразить. Может быть, как Дездемона, она его «за муки полюбила?». Унух Биболатович, действительно, заслужен-

ный человек, он много сделал, значит, и много выстрадал, многого лишил себя, не раз, говорят, был венчан пулей... О нем пишут газеты, с почтением говорят в ауле, руку жмут двумя руками. Три часа рассказывал однажды в переполненном клубе о его мужестве воевавший с ним партизан, ныне внешкор, выступающий в трех областных газетах неизменно с одной темой: боевое прошлое однополчан. И не только в газетах. Его приглашают в школы, на сборы пионерских дружин, военкомат зовет на всякие торжественные вечера, и он говорит и говорит о героях, о разведчиках, о полководцах. Это странно, одни совершают подвиги, творят чудеса, переворачивают без рычагов землю, а другие, такие же люди, всю жизнь занимаются тем, что взахлеб рассказывают о первых, восторгаются, горят на трибунах, чтобы заронить искру в души простых смертных... И им не напомнишь, что скромность не такая уж плохая черта, чтобы тщательно ее избегать – ведь не себя они хвалят, а своих однокашников, своих друзей, своих сверстников, не личный памятник воздвигают, а общий, как говорится, своему времени, всему своему поколению.

– Выжили, чтоб умереть от ожирения сердца... – слышу голос Мунира.

Но солнце такое высокое, так много света, так ослепительно сверкает крышами лежащий внизу аул, что страшно быть несправедливым. Так горяч подо мной камень, что хочется родить истину. И если она даже укусит, не злиться, не бить ее по зубам, а положить на рану ладонь и уйти дорогой прощения и примиренности.

...Унух Биболатович остался жив, но ведь всех хороших ни на одной войне не убивали, сколько б ни было отлито пуль... Он не дал себя убить, и это тоже одна из его заслуг...

Но сегодня ведь он такой, как и все, не герой, а просто директор... Почему Ирма хочет оплатить его прошлые заслуги? И почему он счет предъявляет ей, родившейся много лет после него?

Мы очень обязаны его поколению, но и мы сможем, наверное, хорошо сражаться, и выжить и умереть, если понадобится.

В школе шутили: Унух Биболатович в молодости не женился потому, что его невеста не могла усвоить правила правописания гласных после шипящих. Действительно, подобные вещи он терпеть не может, но Ирма пишет вполне грамотно. Это ему, наверное, понравилось в первую очередь. А что в ней может ему не понравиться? Или что в нем может она не любить? Ответа не сыщешь...

Но зачем тогда я так долго думал о ней? И она зачем думала? Я знаю – думала... Неужели не дано было нам посмотреть друг другу в зрачки в самом начале и увидеть судьбу, увидеть завтрашний конец? И разве наши симпатии и антипатии рождаются просто так, стихийно, случайно, без корней, без гарантии на существование в будущем?

А, может быть, то, что прочлось мне когда-то в ее глазах, все-таки правда, и завтра – с ним свадьба без любви, а мне – любовь без свадьбы? Безобидный дележ?

Так не бывает?

Я, во всяком случае, не приду за добычей, знаю точно.

«Онегин – тряпка: нет силы, нет гордости». – Мудро, пьяный Мунир! Когда ты говорил неправду?

Нет, если прийти, то только сегодня, если надеяться, то только на недельное счастье. А завтра и после – поздно. Лучше никогда, чем поздно. И пусть мне зрачок ее сказал когда-то неправду, пусть я ошибся, но я не буду злиться и бить немилосердную правду по зубам...

Когда я пришел, этот камень был холоден, потом целый день солнце калило и его и меня, теперь он опять остывает. День, такой долгий – день вопросов без ответов, теперь гаснет, тень моя становится длинной, пересекает все ущелье... Зеленый домик тремя боками приветствует сумрак, белеет только сторона, повернутая к исчезнувшему солнцу... Загораются окна, над крышей взвивается струя дыма. Сейчас, кажется, сакля Фатимы висит на этой темно-синей веревке, зацепившейся одним концом за звездное небо, другим – за трубу.

...Два дня на руке полоска ожога раскаленным кирпичом... Зайти, молча протянуть и молча ждать, пока не перевяжет...

* * *

– Хорошо? – спрашивает она.

«Да, пластырь помогает, – хочется ответить и положить руку в бинтах на грудь – здесь больно, здесь рана, какой сюда пластырь...»

Эти слова, нелепые и пошлые, приняла бы за желание тронуть, разжалобить, я их себе не простил бы, сколько б ни жил.

Но каким жестом, не уязвляя своего самолюбия, не уязвляя ее и никого другого, просто по-человечески, спокойно и умно, передать ей все, что сейчас в душе? Где достойные и точные слова? Нет их, все пошлы и примитивны, и сотой доли не передашь.

Мне вдруг становится жалко человека вообще, потом становится жалко себя.

Она подходит близко, хочет, наверное, посмотреть, плачу ли? Сначала вижу лицо, потом только глаза.

Странно – смотреть сразу в оба невозможно.

Смотрю в один...

Это синяя поэма, это ответ на мучившие меня вопросы.

Это однажды молча сказанная и неизменная с тех пор правда.

Да, пусть нетвердо, пусть без четкой уверенности, но я всегда знал: нельзя искать, приближать, отвоевывать любовь – она должна явиться сама собой, без нашего зова, не по нашей воле, а иногда и наперекор ей. В жизни обязательно должно быть что-то, что без слов, без клятв и предисловий, молча и властно поворачивает друг к другу и сближает людей.

Оно подтолкнуло нас, и ничему в мире не захотелось теперь быть покорным, кроме него.

Ничего в мире и не оказалось, кроме него.

В соседней комнате сонно кашляла старая Фатима, но ее не было; в другой – среди статуэток и разбитых кубков давно смотрел свои ученые сны большого-ловый географ, но его не было; спали уже, наверное, под тихими крышами и Мунир, и Унух Биболатович, и секретарь Умаров и все остальные, но и их не было.

Не было и бабушки.

Под косым лунным лучом лебедем белело свадебное платье. Лебедь взмет-

нул крылья, но не взлетел: моя рубашка, брошенная Ирмой, упала на него и прижала к бархату дивана.

– Лебедь улетит завтра, – шепнула Ирма, не открывая глаз.

Больше ничего не сказала, и я не сказал. Ночью все живет молча.

И часы под подушкой стучат молча.

И мы молчим.

Мы только сжигаем друг друга и горим. Все горит. Так много лет калило нас солнце, чтоб было сегодня так много огня.

И еще Ирма шепнула, что кружится голова.

...В саду, в старой кадке светилась вода. Плещемся, брызжем серебряной влагой.

Чистые, нагие, безгрешные, стоим среди спящих деревьев.

Над нами – наливающиеся соком яблоки. Срываю одно за другим, и хрустим, как лошади. Сок кислый, приятный – течет по жилам, пронзает, как хмель.

Она тихо покачивается. Наклоняюсь, чтобы легче ей было опустить руки на плечи.

И опять в мире ничего нет. Есть мы, две половины мира, притянутые каким-то большим добрым законом...

Но из-за гор уже выползает утро, грозит светом, как карой за преступление. Нет вины, нет ошибки, но страшно, но надо бояться...

Заря на горизонте показывает кончик пламенного языка.

Проснувшийся ветер сбрасывает росу с деревьев. Она дрожит от прикосновения холодных капель. Я несу ее обратно к зеленой сакле. Невесомая, теплая птица... Весь год заполняла меня то горем, то радостью, но не позволяла быть сердцу пустым.

Пусть дни впереди будут тусклыми, дни без тебя, но не скажу, что жить – плохо. Пусть будет тоска, но тоска по тебе останется радостью. Я разделю на равные дольки счастье этого года, и его хватит на все мои ночи и дни. И сколько б теперь скупых и холодных душ я ни встретил на пути, буду учиться быть только щедрым и любящим, помня о твоей любви и доброте.

Да, я смогу без тебя, потому что был с тобой, но зачем мне завтра терять тебя? Пусть теряет он, еще не нашедший тебя, он, живший без тебя дольше, чем я. Будь со мной, я уже, как и ты, могу жертвовать во имя любви очень многим, не боясь огорчить этой жертвой кого-нибудь. Дважды мудр для меня отныне Мунир, сказавший: ломай, если любишь, всякий забор, потом починишь.

Но почему ты качаешь головой и говоришь «нет» и снова готова плакать?

* * *

Солнце горит, как и вчера.

Иду по саду, откуда ушел утром, прячусь в тени деревьев. Мимоходом сую пальцы в кадку – вода нагрелась и чем-то, кажется, пахнет.

Что скажет она сейчас, утром сказавшая «нет»? Что изменилось за эти часы, почему попросила снова зайти?

Под ветхим навесом старая Фатима колет дрова. Топор тяжел, слушается плохо, не сразу бьет, куда нужно.

– Да будет день щедрым, дело удачным! – говорю я слова приветствий и беру топор. Между каждым взмахом успевает Фатима отпустить мне какое-нибудь доброе пожелание.

– Будь здоров и счастлив, – говорит она при последнем взмахе и суетливо ныряет рукой за пазуху. – Бумагу оставила тебе синеглазая...

Человек в очках сидит в древнем мире и пишет что-то. Услышав крик, поднимает большую голову и тупо глядит вперед.

– Ключом явился Розетский камень, бывший одновременно и билингвой и бискриптой, – мыслит он вслух по инерции.

– Куда уехала? – снова кричу я.

– Далеко, на Север, – отвечает, наконец, ошеломленный географ и длинной рукой показывает, где Север.

– Будь счастлив, сынок! – еще раз благодарит вдогонку Фатима во дворе.

– Постараюсь, – обещаю, не оглядываясь. У калитки носом к носу сталкиваюсь с идущим навстречу Биболатовичем... Адская жара, а он в галстук, до безумия аккуратный. И немного волнующийся.

– Куда уехала? – спрашивает он глухо. Боком его обходя, сообщаю, тоже глухо:

– Розетский камень был билингвой, и еще – бискриптой.

Пусть думает, что спятил, я и сам подумал.

Сижу на горячем камне...

В ущелье над спящей водой неслышно стонет камыш... За рекой неподвижно томится пестрое стадо. Коровы лежат и спят, не закрыв грустных глаз, – сейчас полуденная жвачка. Внизу по желтой дороге тащится в аул арба. Ни пыли за ней, ни скрипа колес, и ни песни погонщика, будто в фильме без звука. И река тоже плещет беззвучно, и шелест камыша беззвучен, и все беззвучно, будто не живет...

И занозой мучает мысль – надо что-то немедленно понять, что-то открыть, к чему-то прийти, чтобы мир не остался вечно таким, как сейчас, знойным и мертвым.

В третий раз читаю письмо, но ясно одно и то же: улетела белая птица, вспугнули ее, сказали, что не буду я счастлив ни с кем, если будут несчастны мои близкие...

– Пусть лучше две змеи обовьют мою шею, чем его твои руки, – так сказала ей моя тетька... Но она благодарна тете, которая своим страстным гневом объяснила самое трудное: почему я боялся любить. После визита тети она поняла все, и теперь она уезжает, ни о чем не жалея... Пусть не долго, всего одну лунную ночь, она была счастлива. Ночь была короткой, самой короткой в году, но обижаться на то, что нет постоянного, бесконечного счастья, несправедливо... Важно только одно – оно пришло, оно жило в тебе, а потом ушло, как уходит солнце.

Ну, а если ей все же будет трудно, если в ней часто будет оживать неудовлетворенная жажда, она будет себя укрощать словами могильного камня: мы родились, чтобы умереть.

Домой прихожу вечером.

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Цебек Адучиев

11 сентября 2001 года

Мир вздрогнул
вместе с Америкой...
Мир взорвался,
еще не проснувшись.
И все, что было со мною
или с нами тогда –
Перевернулось!
– Так мы вошли в эпоху 11 сентября,
получив хорошую оплеуху.
– Нет!
Мы не забудем этот день –
никогда!
Так же, как черный день
Хиросимы и Нагасаки.

Римма Ханинова

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

Струятся волосы под тонкою рукой,
гребенка всем движениям послушна.
Неискушенный зритель простодушно
нарушит женщины медлительный покой.
Намек кокетливый на близость красоты –
таинственность древнейшего искусства, –
переступив запретность зоны чувства,
ты устранишь случайные черты.
Но горе своенравной! Не простят
ей дерзкую попытку своеволия –
расчешут волосы, чтоб душу успокоить:
так на Востоке женщину казнят.
И вот простоволоса голова,
и волосы рассыпались на плечи,
чтоб проводить последний в жизни вечер,
в последний раз склоняется она.

31 января 1994 г.

Бабушка на крыльце готовит себя к молитве.
– Где был так долго? – спрашивает она.
Куры одна за другой взлетают на плетень и слепо смотрят перед сном на закат. Серый ослик за плетнем блаженно жует траву.
– Колол Фатиме дрова.
– Это очень хорошо, сын мой. Людей нужно любить, – говорит бабушка и начинает молитву.

Да, милая бабушка, мы должны любить. Мы родились не умирать, а любить. А когда умрем, мы станем землей, мы станем травой, взойдем в хлебе, вольемся в реки, взбудоражим плоть и кровь живущих. И вместе с нами, вечно умирая и рождаясь, как птица Феникс, будет жить любовь, И она будет больше всего, сильнее всего.

Она будет такой, какой живет теперь во мне. Может быть, разной, особой любовью, но я буду любить и тебя, моя бабушка, и Мунира, и толстяка Нория, и всех и все.

Буду любить и это небо, и эти вечные горы, и этого белолобого ослика.

Я буду любить и ту, кого люблю. И я найду ее. Я буду с ней...

И не осудят меня за измену предки мои и потомки мои.

АХМАТ КУБАНОВ

МУССЕ БАТЧАЕВУ

О Мусса!
Ты не был равнодушен
К каждой человеческой
судьбе.
И за эти праведные души
Был готов погибнуть...
А тебе,
Шедшему по жизни
в полный рост,
Вмиг послали
гибель небеса!
Но успел ты
Перебросить мост
К берегам бессмертия,
Мусса!

Перевод А. Трилисова.

Евгений Пахомов

* *

Когда гололеды мерцают
И холодом веет от стен,
Все мнится,
Что ты, дорогая,
В печали озябла совсем.
То тихою птицей порхаешь
И, плечи укутав платком,
Грустишь и тихонько вздыхаешь,
Что пуст и неласков твой дом.
И снова за окнами выюжит,
И чудится – кто-то зовет.
И кто-то сквозь темень и стужу
К тебе по тропинке бредет.
Так грустно, что нежные струны
Промерзший ласкает покой.
И снова прошедшая юность
Парит над мятежной душой.

Алим Ханфенов

УТРО НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Птицы будят рассвет,
Зарумянились лица солдат.
Сколько зим, сколько лет,
Не сменяясь, солдаты стоят!
Ветер с Волги-реки,
Залетев на Мамаев курган,
То коснется щеки,
То прижмет к солдатским ногам.
И тюльпаны зажглись,
Засверкали под гурк сизаря.
Скулы каменных лиц
Умывает росой заря.
И солдат молодой
Улыбнулся весенним цветам.
Он прошел бы с тобой
По полям, по приволжским садам,
Он прошел бы к реке,
Чтоб испить из ладоней своих,
Без гранат, налегке,
Обнимая погодков живых.
Вдруг притихнет река,

Увидав, как склонился солдат,
Он бы встал у станка
Да навечно в руках автомат.
Он ласкал бы мальчика,
Да не может оставить свой пост.
Смерть, завидя бойца,
Поджимает опасливо хвост.
На курган поднимусь
И в молчании шапку сниму.
Мне могучий Эльбрус
Поручил поклониться ему.
Умирая от ран,
Знал ли воин, Отечества сын,
Что приволжский курган
Станет в мире одной из вершин!

Билял Аппаев

* *

Память в сердце не уснула.
Чувствую с теченьем лет –
Тянет все сильнее к аулу,
Ведь милее места нет.

И во сне мне часто снится,
Как мурлычет рядом кот,
Пес соседский с лаем мчится
И к ногам покорно льнет.

Снова в детство дверь открою:
Росы на лугах блестят,
Молоко я пью парное,
Слышу блеянье ягнят.

Петухов ругал когда-то,
Что будили в тишине,
А теперь их крик хрипатый
Как свирель звучит во мне.

В городе одной ногою,
А другой – еще в селе.
Телом – в городе,
Душою –
На родной своей земле...

БОРОЗДА

Над светом утренней звезды
Земля родимая лежала.
Нить жизни
шла вдоль борозды:
Одна другую продолжала.

Завидя издали врагов,
Бывало, предок мой бесстрашный,
Не останавливал быков
Посередине темной пашни.

Он без семян не оставлял
Земли, которой нет дорожке.
Но свой серебряный кинжал
Неспешно извлекал из ножен.

И если все-таки сломить
Его упорство удавалось,
То прерывалась жизни нить,
Но борозда не прерывалась.

Перевод Ю.Кузнецова.

Хизир Абитов

* *
* *

У человека в древности была
Оружием нападения стрела.
В боях он саблю вынимал из ножен,
Ружье ему оружием было тоже.
В двадцатом веке, в грозном сорок пятом
Смел Хиросиму смертоносный атом.

Проходят годы, Человек давно
Хранит для всех оружие одно.
И чем его он выше поднимает,
Тем человека лучше понимают.
Оружье это счастье, жизни вечность,
Оно зовется просто ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ!

Перевод Б. Попова

КОМНАТНЫЙ ЦВЕТОК

О чем горюешь, комнатный цветок?
Неужто постарел и занемог?

Быть может света мало иногда,
А, может, в вазе выпита вода?

Молчит цветок, любимый мной давно,
Привял, поник, уставившись в окно.

«Что ты увидел там?» – я говорю
И вслед за ним на улицу смотрю.

Гляжу – а там, цветеньем обуян,
Бушует сад, как белый океан...

Перевод Р. Котовской

Лариса Шебзухова

МЕСИЛА МАМА ТЕСТО НА ЗАРЕ...

Месила мама тесто на заре.
Царило счастье в это время в доме.
Она его месила на добре,
Которого полно в ее закроме.

Вливала радость в теплую муку,
Туда здоровье сеяла из сита,
Шептала тихо тесту-пирогу
Слова любви, в которых сила скрыта.

Месила мама тесто не спеша,
Как месят тесто женщины веками,
И грела тесто мамина душа
Под теплыми и нежными руками.

Месила мама тесто на заре.
Царила радость в это время в доме –
Там наша жизнь всходила на добре,
И мир нас ждал. А что же надо кроме?..

* *
*

Прозящий милостыню нищий
С сумой весь город обойдя,
Присел в тени, решив: «Не лишне
Передохнуть на склоне дня...»

Облезлую поправил шапку,
С достоинством вздохнул он: «Да!
Досталось мне под небом жарким!
А люди все спешат... Куда?!»

И вдруг он громко рассмеялся,
Проходим гордо глядя вслед:
«Не зря ж я по миру скитался
И спал в канавах с юных лет...»

В сравнении со мною, кто он,
Омар Хайям?! В любом дворе
Собака каждая готова
Лизнуть мне руку в Бухаре».

* *
*

Ночью глухой – хоть шаром покати –
Все замирает кругом...
Степь улеглась под небесным шатром,
И, необъятная, спит.

Жизнь в этот час только в небе видна:
Звезды сошлись в хоровод,
Светится яркой сережкой луна,
Ходит средь свадьбы небесной она, –
Знает, невестушка, ждет,
Молодец утром придет.

Перевод А. Трилисова

НА РЫБАЛКЕ

Не торопись. Пусть поведет немного
И может быть, потом утянет вниз...
Твой поплавок, как нежная тревога –
За все, что нам дает сегодня жизнь.

В том поплавке успех и неудача,
Игла сомнений, и везенья миф.
Не проиграй судьбе! А это значит,
Ты должен быть предельно терпелив.

Чтоб ни случилось, помни – все в порядке!
Дороги мира так сложны. Пойми!
И лишь любовь играть не любит в прятки.
При встрече с ней забрало подними.

Все! Ты спокоен! Слава богу!
А если нет, тебя научит жизнь.
Не торопись. Пусть поведет немного.
И, может быть, потом утянет вниз.

* *
*

Блаженна тихоструйная река...
Блаженны непроявленные лики...
Блаженны погребенные в веках –
Им не страшны открытые улики.
Смолчавшим не опасен блуд словес.
Ораторам, застывшим на скрижалях,
Сносить опалу и хулу повес,
Веками позже возжелавших славы.
Что нам – толпе – до прытких мудрецов,
Ловящих рыбу в мутноватой жиже,
Ревниво возводящих столп повыше,
Чтоб смачно плюнуть с башни в сонм глупцов?
Нас – обывателей – так нас они зовут,
В презренье тихо подмешавши яду,
На пир великих вряд ли поведут,
И кости наши в пантеонах вряд ли лягут.
Но... все-таки! – блаженна немота.
Она – одна – величию порука.
Блаженна чистоструйная вода –
Для омовенья лишь в нее опустят руки ...

МОЯ ЧЕЧНЯ

Моя Чечня – Аллахом осияна,
Как вся Земля, из глуби Океана
Ты поднялась под синеву небес.
Ты велика, как мир, хоть не пространна –
А для меня прекрасна и желанна:
Любовь и жизнь мои родились здесь.

Как жемчуга морей – твои озера,
Волн зеленой твоих полей узоры,
Твоя судьба в руках твоих сынов.
Моя Чечня, Аллахом осияна,
С тобою правда древних сур Корана,
Глубок и вечен смысл его основ.

Ты в древности, в глубинах океана
Была самым Аллахом осияна –
И поднялась под синеву небес.
Как мир, светла, хотя и не пространна,
Ты для меня прекрасна и желанна:
И жизнь, и смерть мои – от века здесь.

Леча Абдулаев

* *
*

Вдруг кто-то да выключит свет,
Луна же взойти не успеет,
А после не сможет рассвет
Бессонные мысли развеять.

Но грусть не уйдет
Без следа,
Поэтому мне и не спится:
А, вдруг, не отступит беда,
Что в дверь мою
В полночь стучится?

Перевод Х. Борхаджиева

* *
*

То был невинный огонек,
Горевший ярко, не по силам.
Подул всего лишь ветерок,
И огонек тот погасил он.

Лишь тень осталась от огня,
И только лишь зола осталась.
...Печально смотришь на меня,
Как будто я – твоя усталость.

Всех радостей твоих и бед
Как будто я – первопричина,
Как будто я держу ответ,
За то, что был рожден женщиной.

Я не начало, не конец
И я не содержание счастья,
Лишь варианта образец –
В твоей судьбе мое участие.

Порыв любви боготворю,
Но знаю: он не больше мига.
И каждый раз благодарю
За то, что не прошел он мимо.

Вся прелесть жизни – огоньки
Любви, надежды, дружбы, счастья.
Когда от них мы далеки,
Бессмысленно за ними гнаться...

Печально смотришь на меня –
И видишь искреннюю жалость.
Лишь тень осталась от огня,
И только лишь зола осталась.

Саид-Магомед Гелагаев

РОДНИК

Как материнский лик,
Ты мудр и чист, родник.
Я знаю, без тебя
Бывало трудно горцу.

С времен далеких ты
Умел сердца роднить.
И я черпал твои
Улыбки полной горстью.

А потому сумел
Воспеть я отчий край.
Свободно – в ясный день
И бурно – в непогоду.
Сумел я провести
Меж тьмой и светом грань,
И выйти на тропу,
Ведущую к свободе.

Ты внешне очень мал –
Велик внутри себя.
Мне по душе, что ты
Вмещаешь горы, небо...
Наверное, родник,
Похож я на тебя,
Иначе мир во мне
Так отражен бы не был.

Шайхи Арсанукаев

Я ПОМНЮ

Мечтал я потрогать, удравши из дома,
Чреду облаков, что над миром неслись.
Я помню, какой-то чужак незнакомый
Поднял меня к небу, шепнул: «Дотянись...»

Сентябрь вырастал пред годами моими,
За парту привел и румянцем облил:
Я помню, учитель спросил мое имя
И громко за что-то меня похвалил.

Военные зимы с разрухой, слезами
И голодом, холодом... Слаб я и мал.
Я помню – солдат с голубыми глазами
Погладил меня и свой сахар отдал.

Бескрайние степи, бураны, завалы,
И речь незнакомая тает, как дым.
Я помню, казашка меня называла
Сыночком и чаем поила крутым.

Начало судьбы. Это сумрачно рано –
Депо и блестящие рельсы у ног.
Я помню, рабочего звали Степаном,
Сказал он: «Работаешь с нами, сынок?»

И память мне вновь совершает открытие,
Зовет на просторы больших площадей.
Я помню дороги, я помню события,
И добрые лица, и добрых людей.

Перевод О. Николаевой

Магомет-Саид Плиев

МНЕ НЕ ХОТЕЛОСЬ

Пока не упал я на землю родную
Надломленной веткой, листком ли сухим,
Живу и надеюсь, люблю и ревную
И не притворяюсь слепым и глухим.

Иду по дорогам, все выше зовущим,
Но не бесконечен отмеренный срок.
А мне бы чуток погостить и в грядущем
За то, что в минувшем себя не берег.

Не прятался я от ненастья улиткой,
Покой полусонный не ставил ни в грош.
Друзья, я пришел, так встречайте с улыбкой!
Любимая, как ты в грядущем живешь?

Я к вам потому и пришел беспечальным,
Что вижу сквозь дымку промчавшихся лет:
Досадным размолвкам и ссорам случайным
В грядущем ни места, ни времени нет!

Перевод В. Бояринова

Раиса Дидигова

ЧТОБЫ ЛУЧИЛАСЬ СВЕТА ПОЛОСА...

Еве Гайтукиевой

Портретов галерея... Вижу лица,
В которых благородный тон искрится;
Вдруг оживает этот статный ряд,
Где образы о судьбах говорят...

Где душу обволакивая негой,
Мне о другой душе портрет поведал:
Всю глубину ее он обнажил,
Мир внутренний художника явил.

Характеры рознятся и волнуют,
Глаза проникновенностью чаруют
Или надменно в сторону глядят,
Но таинства исполнен каждый взгляд!

Воздействие магическое цвета –
Пространство райской зеленыю согрето,
То жизнеутверждающий уют
Пейзажные работы создают.

Я в зареве парю ассоциаций:
Протяжно скрипка девочки там плачет;
Над путником разверзлись небеса,
Чтобы лучилась света полоса...

Познание – по сути бесконечно,
А истинно талантливое – вечно;
Себя в полотнах автор познает
И поиска посыл всем людям шлет.

Январь 2004 г.

Марьям Льянова

ШЕСТОЙ ОКЕАН

*«Жизнь – океан, а мы – пловцы»
Хафиз*

Нет, нет! Я не обласкана судьбою,
Она мне вредной теткою была.
Под алыми, как розы, парусами
Моя ладья по жизни не плыла.
Меня не раз лукаво утешали:
«В другом миру нам уготован рай!»
А сами здесь, что можно, загребали
По принципу: бери и не зевай!

И за кормой моих надежд обманных,
Разрушенных по прихоти чужой,
Куда-то проносились каравеллы,
И таял в дымке берег золотой.

Но взгляд бросая в прожитые годы,
За боль утрат я участь не кляла.
Без лощмана, почти что в одиночку,
Я этот океан переплыла!

Сали Арчаков

О НОВЫХ СТИХАХ

Новые стихи всегда дороже
Тех, что были сложены давно.
Кажется вчерашнего хмельнее
Выпитое только что вино.

Радость, что пришла к тебе сегодня,
Повесомей радости любой.
Но зато и нынешнее горе
Горше всех, изведанных тобой.

Владимир Ефремов

КОПНЫ СВЕТА

Свет охапками носят девчата –
Свет от сена пахучего льется...
Начинается поле от хаты
И травинкою каждой смеется
Поле, поле...
Теплынь под ногами...
Смех знакомый... И звезды – ромашки.
Копны света здесь пахнут ночами,
Свет травинками льется с рубашки.

Елена Иванова

*Русь, куда же несешься ты?...
Н.В. Гоголь*

* *
*

Изъела ржа великую постройку,
И шашель в людях совесть источил.
Что в кладовых – растаскивают бойко,
Уж пушки переплавлены, мечи.

Увы! – не для орал, чтоб нашу землю
Возделывать,
а так, для барахла.
И загнивает жизни прошлой семя,
Как будто вправду это семя зла.

Но ничего случайного нет в прошлом!
Пусть звонари, опившись зелья, спят,
Настанет день – простор Руси встревожит
К святыням призывающий набат!

Еще она свои расправит крылья –
Та птица-тройка – посреди Земли.
О, рано вы ее похоронили
И плащаницу алую сожгли!

Дмитрий Баранов

* *
*

О России великой я песни пою
И с любовью, и с горькой досадой...
Не скрываю прямую натуру свою –
Мне для счастья богатства не надо.

Я в Охотском купался,
и в Терек нырял;
Был в тайге и в открытом раздолье.
Пробирался к Казбеку ущельем Дарьял,
И брожу по степям Ставрополя.

Горячо рассуждая о жизни мирской,
Шел дорогой суровой и длинной,
Любо мне:
в полевом Изобильном я – свой,
И забыть не могу Сахалина.

Елена Кривецкая

* *
*

В том-то вот вся и проблема –
Ты мне никто – и так дорог...
Ты – моя новая тема,
Красок и образов ворох.

Я тебя вовсе не знаю
И узнавать не хотела,
Но в упоении таю –
Ты моя новая тема!

Буду любить тебя вечно
Каждой страничкой из книжки,
Каждой строкой бесконечной...
Я несерьезная слишком:

Имя твое позабуду,
Облик сотрется из снов,
Только останется Чудо –
Вечная музыка слов.

Светлана Клименко

СЛОВО О ЧУДНОМ МГНОВЕНИИ

*«Так в последний раз они повстречались,
ничего не помня, ни о чем не печалась».*

П. Антокольский

Его везли в Москву, отлитым в бронзе,
Вдруг поравнялись с нищею толпой.
Кого везут такой зимою поздней
Навстречу памятнику прямо по Тверской?

Во взгляде бронзовом Его – недоуменье.
В снегу и памятник, и кони, и помост.
Остановись! О, чудное мгновенье! –
То Анну Керн увозят на погост.

Однажды разлучила их судьбина,
Чтоб так вот повстречаться на Тверской!
И плакала замерзшая рябина.
И падал снег над белою Москвой.

Рыдало небо хладными слезами,
Они все падали на крыши и мосты...
Перед ее остывшими глазами
Был ОН. Поэт былой ее мечты.

Москва! Запомни миг его смущенья!
Встряхнитесь в бронзе, кудри, наконец!
Остановись! О, чудное мгновенье
Прощания угаснувших сердец!

Более широкое знакомство с творчеством каждого из авторов, наряду с другими, планируется осуществить в следующих номерах альманаха.

К 160-ЛЕТИЮ Н. А. ЯРОШЕНКО

ЛЮДМИЛА ПОДКОЛЗИНА

ПЕРВЫЙ ИЗ ПЕРЕДВИЖНИКОВ

ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. ЯРОШЕНКО

Среди русских художников, имена которых связаны с Кавказом, особое место занимает Н.А. Ярошенко – известный передвижник, судьба которого неотделима от Кисловодска. Пребывание на Кавказе внесло новые темы и художественные решения в творчество Н.А. Ярошенко, и созданное им в эти годы позволяет многое изменить в сложившихся представлениях и оценках его наследия.

В современном отечественном искусствоведении за последние годы заметно возрос вообще интерес к проблемам русского искусства 2-й половины XIX века. Вышли монографии о В.Г. Перове, И.Н. Крамском, А.И. Куинджи, В.Д. Поленове, В.И. Сурикове, в которых пересматривались многие стереотипные суждения, преодолевались ограниченность и узость оценок.

Н.А. Ярошенко – один из немногих известных художников этого периода, который остается пока вне исследовательского поля зрения. Однако он занимает значительное место среди блестящей плеяды художников, входивших в Товарищество передвижных художественных выставок. Его картины «Кочегар», «Заклоченный», «Курсистка», «Всюду жизнь», ряд портретов 1880-1890-х годов – этапные работы, без которых трудно представить историю развития русского искусства 2-й половины XIX века.

Кроме того, Н.А. Ярошенко – один из первых передвижников, писавших кавказские пейзажи. И именно в этой области наследия мы находим новые грани художественного дарования и возможности более глубокого осмысления его неординарной личности.

Неоценимую роль в изучении наследия сыграло открытие в 1962 году в г. Кисловодске художественно-мемориального музея Н.А. Ярошенко. Усилиями художника В.В. Секлюцкого – основателя музея – было собрано около ста работ Н.А. Ярошенко – живописных и графических. Сам характер собрания, преимущественно работы 1880-1890-х годов, дал возможность расширить сложившиеся представления о творчестве художника, помог осознать необходимость продолжения исследовательской работы.

1880-е годы – этапный и самый плодотворный период в творчестве Н.А. Ярошенко. В это время, наряду с однофигурными композициями «Студент» (1881), «Курсистка» (1883), портретами Стрепетовой (1884), Салтыкова-Щедрина (1886),

ПОДКОЛЗИНА Людмила Олеговна (род. в 1961 г.). Старший научный сотрудник художественно-мемориального музея Н.А. Ярошенко, кандидат искусствоведения, автор ряда статей по проблемам русского искусства второй половины XIX века. Публиковалась в Москве, Самаре, Ростове-на-Дону, Калуге.

картиной «Всюду жизнь» (1888) Н.А. Ярошенко начинает писать пейзажи. Их возникновение было обусловлено, с одной стороны постоянными приездами на Кавказ, особенно после приобретения дачи в Кисловодске в 1885 году, с другой – теми внутренними переменами, которые происходили в мировоззрении художника в целом. Сама картина «Всюду жизнь» отчасти знаменует поворот Н.А. Ярошенко к темам и образам иного характера. Не случайно в том же 1888 году им была написана жанровая работа «На качелях», пронизанная воздухом и светом. В этом отношении Н.А. Ярошенко шел тем же путем, что и Перов, Крамской, которые после проблемных и сложных работ писали картины с откровенным и непосредственным вторжением природы, как бы заново открывая и сознавая ее ценность. В связи с возникновением подобных холстов у Ярошенко соответственно меняется и отношение к живописи. Он впервые отходит от своих отработанных приемов тонального, почти монохромного решения портретов и картин и пытается строить работу на более сложных отношениях света и цвета.

Пейзаж входит в решение многих картин Ярошенко, начиная с упоминавшейся «На качелях» и кончая холстами 1894-1896-х годов – «Хор», «Мальчик», «Летом». Модели Ярошенко остаются прежними, чаще он пишет женские образы. Обаятельный, женственный образ «Курсистки», увиденный Н.А. Ярошенко сквозь все издержки женского движения 1870-х годов, аскетически строгий, трагический портрет П.А. Стрепетовой, овеянный просветленной, примиряющей скорбью образ арестантки во «Всюду жизнь» – это лишь самые известные женские лица полотен Ярошенко.

В 1890-е годы галерея образов продолжается в картине «В теплых краях», написанной в Кисловодске. Это изможденное болезнью, бледное лицо А.К. Дитерихс, с ясным и спокойным сознанием ухода, прощальным взглядом на великолепие южной природы, и растворяющийся в единстве с природой образ Е.К. Бондаревой на картине «Летом» (1896) – с интонацией грусти, светлой печали, сокровенной мечты.

Пейзаж в картинах Ярошенко присутствует не в деталях, не намеком, он входит в решение в открытой, зримой красоте, существует в тесной связи с образом мыслей и чувств его героинь так же, как вошел Кавказ в жизнь самого художника, когда с 1880-х годов он начал приезжать в Кисловодск. Но и в его созерцании красоты, обилия солнца и света была затаенная грусть – последние годы жизни художника сопровождаются тяжелой болезнью.

В этом отношении «В теплых краях» – картина преддверия, предчувствие собственной судьбы – ранней и внезапной смерти художника в 1898 году. «Теплые края» стали для него местом последней встречи с горячо любимой природой.

Как самостоятельный жанр, пейзаж возникает в творчестве Н.А. Ярошенко с 1882 года. Работы, написанные тогда, а также в последующие 1880-е годы, представляли собой законченные картины, небольшие этюды, составлявшие серию «Путевых заметок из путешествия по Кавказу».

В первых картинах «Бештау», «Шат-гора» есть связь с традиционным пониманием кавказского пейзажа, наполненным романтическим настроением. И, тем не менее, поиски своего пути, попытка художника, никогда прежде не обращавшегося к пейзажному жанру, написать природу горной страны. Такая специфическая область для творчества Н.А. Ярошенко была нова, хотя желание работать над пейзажем – закономерно.

На первом, раннем этапе работы над пейзажем, для Ярошенко характерно было создание пейзажа-настроения. Это определяет особенность его первых холстов – эпически-мягкий настрой пейзажа «Бештау» (1882), или торжественно-приподнятый «Шат-горы» (1884).

В первых своих больших работах Н.А. Ярошенко, обращаясь к кавказскому пейзажу, будто следует словам мастера академического пейзажа В.Д. Орловского: «Крым живописностью своих мест немного уступит Италии, хотелось бы, чтобы наши русские пейзажисты занялись этой страной, т.е. Крымом, более серьезно, равно как и Кавказом, и вытеснили те предвечные понятия о незаменимости у нас Швейцарии и Италии, которые заставляют восхищаться всем здесь и ничего не видеть у себя. Нет, мне кажется, сколько я судить могу, Россия не уступает своей живописностью ни одной стране Европы, уже просто потому, что она вмещает в себя всех степеней климаты, а вместе с тем и природу».

Картины «Бештау», «Шат-гора» стилистически связываются с рядом работ, которые условно можно назвать этюдами, некоторым из них присущи свежесть и трепетность воспроизведенного с природы пейзажного мотива, другие же по задаче очень близки картинам. Возможно, и те и другие этюды возникали как основа, подготавливающие этапы в работе над картиной, возможно, параллельно с написанием большого полотна, как вариация интересующей художника темы. Так, например, «Горный пейзаж близ Железноводска» можно рассматривать как вариант картины «Бештау» в уменьшенных размерах. Передано состояние летних сумерек в гористой местности, где цепь гор на самом отдаленном плане замыкает пространство, а первые два плана, образованные чередующимися перелесками и холмами, взятые в различной тональности, по мере удаления создают небольшой перспективный уход в глубину. Главное достоинство этих пейзажей – тонко найденное тональное решение в соотношении планов, а также земли и неба, мягкость переходов от одного плана к другому во взаимосвязях элементов пейзажа. Это сообщает работе состояние спокойствия, уравновешенности, элегичности момента, когда яркость дня уступает место ночи. Природный мотив Н.А. Ярошенко стремится соотносить с построением человека, и, возможно, желая подчеркнуть это, он вводит в композицию «Бештау» фигурки людей на переднем плане. К подобному приему Н.А. Ярошенко обратится и позднее в решениях картин «Эльбрус в облаках», «В горах Кавказа».

В этом отношении можно не согласиться с И.Е. Репиным, писавшим, что Н.А. Ярошенко «променял человека на природу». Именно потому, что Ярошенко «хорошо изучил человека», он – тонкий психолог и глубокий художник, даже в самых идейно-проблемных полотнах присутствием элементов пейзажей, говорил о вечном единстве человека с миром природы. Своими пейзажами художник доказал еще более глубокое осознание нерасторжимости этой связи, что и придает его станковым пейзажным работам философский характер. Что касается художественного решения картин, то в них разделение пространства картинной плоскости на три плана по академической схеме и сведение цветовых сочетаний к преобладанию 2-3-х основных цветов, свидетельствует о том, что Ярошенко строил работу по законам тональной живописи. Возможно, это определялось самим состоянием в природе – тональная живопись чаще применяется при изображении сумеречных, предрассветных пейзажей.

В те же годы Н.А. Ярошенко довольно быстро отходит от формы станкового пейзажа картины и начинает работать над этюдами с природы. Устанавливая хронологические разделы в развитии натурального пейзажа в творчестве Ярошенко, за точку отсчета можно принять передвижную выставку 1883 года, на которой были представлены этюды предыдущего лета; вместе с рядом этюдов конца 80-х годов они составляют серию «Путевых заметок по Кавказу». В них определяются устойчивые формы работы и основные принципы решения, которые с небольшими изменениями сохранялись и развивались на протяжении 80-90-х годов. Чаще всего Ярошенко использует горизонтальный формат работы, но это не определяет глу-

бокого перспективного построения, широкого охвата пространства. Ряд этюдов он делает подчеркнуто фрагментарными. Таковы его «Уголок парка в Кисловодске», «Утро», «Бечо в Сванетии», где еще рано говорить, что метод работы с природы заметно повлиял на отношение художника к цвету, что он ставил перед собой новые живописные задачи. Этюды выполнены в приемах тональной живописи, хотя заметно, что работа велась с природы. Это сказывается в выборе самого пейзажного мотива в композиционной простоте решения, попытке строить планы не только по правилам перспективы, но и путем выявления их места в пространстве холста живописно-фактурными изменениями. И все же, при наличии ряда особенностей, в этих этюдах важно подчеркнуть другое – Ярошенко пишет этюд с природы, реалистическая достоверность пейзажа очевидна и сам метод подводит его к решению новых художественных задач.

Взятые в целом этюды от 1882 года до последних 1894-1896-х годов, составляют довольно значительную часть творческого наследия Ярошенко (общим числом около 300 работ). Несмотря на кажущуюся простоту решения, они дают большое разнообразие, как самих пейзажных мотивов, так и приемов исполнения.

Постепенно от тональной живописи художник приходит к тонкости и сложности пленэра, но живописные задачи, как таковые, никогда не были для него самоцелью. В его портретах, жанровых холстах в основе решения были конкретные модели, жизненные эпизоды, но в конечном итоге образность побеждала бытовую достоверность, происходило соединение жизненного содержания и глубины понимания в природе и собственных личных, дорогих художнику идей и представлений. В этюдах же Ярошенко увлечен передачей особенностей мотивов природы, желанием постичь их бесконечное разнообразие. Несмотря на то, что большинство этюдов производит впечатление простых и неброских, создание каждого из них требовало серьезной работы. Это чувствуется в стремлении передать в небольшом этюде не только характерность мотива, но и материальность камней, уступов, вод горных речек, уловить и передать изменения света, тональности, и при этом сохранить предметный цвет неба, гор.

В пейзажах начала 80-х годов, входивших в серию «Путевые заметки из путешествия по Кавказу» («Гора Ужба в Сванетии», «Горный пейзаж») наметились те черты построения композиции, которые впоследствии стали характерны для пейзажей Ярошенко. Это выбор низкой точки зрения, композиционная «сжатость» в расположении элементов ландшафтов. Дальнейшая эволюция пейзажного мастерства Ярошенко наблюдается в группе этюдов 1890-х годов («Кисловодск, Красные камни», «Пятигорск» и др.). В некоторые этюды проникают жанровые мотивы – городок, раскинувшийся по склонам предгорий («Пятигорск»), скачущий всадник и пасущиеся лошади («Красные камни»), крыши домов, теснящиеся у подножия высокой горы («Теберда», «Аул в горах»). При бережном отношении к деталям он стремится в этих этюдах показать большее пространство, создать пейзаж панорамного характера. В некоторых этюдах, написанных после 1890-х годов, появляется особая отточенность деталей («Красные камни», «Пятигорск»), придающие пейзажу оттенок документальной точности. Основанная на пристальном изучении природы живопись заметно возрастает в мастерстве, передаче тональных отношений, появляется ощущение воздушной перспективы, глубины пространства. Ряд других эпизодов («Кисловодск. Балка», «Тебердинское озеро») отличаются большей декоративностью, яркостью, интенсивностью цвета. По степени завершенности многие этюды тех лет можно рассматривать как станковые картины, несмотря на небольшие размеры работы. Этюд «Тебердинское озеро» в большей степени, чем другие кавказские этюды, хранит образ яркой, неприступно красивой, холодной природы

Центрального Кавказа, в нем есть подчеркнутая эффектность и одновременно – романтика. Возможно, этим привлекала Н.А. Ярошенко природа Кавказа. Но, как художник, сформировавшийся в Петербурге, примкнувший к реалистическому направлению передвижников, он и кавказский пейзаж изображал с передвижнических позиций, считая, что та романтика, которой обладает кавказская природа, не нуждается в излишнем акценте или пережиме.

То, что привлекало художника в пейзаже, само определяло всякий раз манеру, характер исполнения этюда, подчиняя сложившийся метод возникшей художественной задаче. Это свидетельство глубины постижения природы, которое возникает у Н.А. Ярошенко в конце 80-х годов и особенно ярко проявляется в 90-е годы. Он всецело увлекается изображением природы, оставляя в прошлом темы и образы, навеянные эпохой. Вся сложность философских размышлений, свойственных Н.А. Ярошенко на последнем, завершающем этапе его творческого пути, уступает созерцательности, спокойному и ясному, цельному в своем гармоничном звучании пейзажу. Далеко не все современники на должном уровне смогли оценить и понять эти перемены, признавая, тем не менее, художественные достоинства этюдов.

У И.Н. Крамского в одном из писем к Ф.А. Васильеву есть такое признание: «...я седею и становлюсь пейзажистом, право, так ничего не делаю, кроме этюдов и пейзажей, если я когда жалею, что я не пейзажист, то это теперь». Таков был и путь Ярошенко к пейзажу. Не случаен был и выбор кавказского пейзажа. Он объясняется не только объективной причиной – частыми приездами на Кавказ в связи с приобретением дачи. Сам характер пейзажа, необыкновенно привлекательный в своем разнообразии, был неисчерпаемым источником в его художественных решениях и открытиях в творчестве последних десятилетий. Пройдя через первый этап изображения романтического пейзажа, он находит в создании этюдов тот путь, который оказался более плодотворным и отвечал складу его натуры.

Заслуга Н.А. Ярошенко заключалась в том, что в обращении к кавказскому пейзажу он был, по сути, первым из передвижников, кто расширил границы русской пейзажной живописи. Кроме того, он был единственным среди русских художников, в чьем творчестве последовательная работа с натуры дала серьезные и значительные результаты в решении непростой задачи – отхода от традиционного, литературного восприятия природы Кавказа. Отойдя от первых сочиненных, романтических по настроению пейзажей, Ярошенко проявил свойственную ему честность и верность жизненной правде. Прделанная за два десятилетия работа над натурными этюдами дала такое разнообразие пейзажей, посвященных горным ландшафтам, которого до Ярошенко не знало русское искусство. В этом и заключается главная ценность «Путевых заметок по Кавказу» Н.А. Ярошенко в истории развития русского пейзажа второй половины XIX века.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- *Художники Ставрополя. Альбом членов российского Союза художников. «Вестник Кавказа», 2006.*

КАВКАЗ ГЛАЗАМИ ФРАНЦИИ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОИСКА

Как известно, Северный Кавказ является одним из наиболее сложных и пестрых в этнокультурном плане регионов не только Российской Федерации, но и всего мира. Он характеризуется особой остротой и политической актуальностью межнациональных и внутрифедеральных отношений. Формирование новой структуры этих отношений невозможно, по нашему убеждению, без глубокого знания истории и культуры региона. Огромный вклад, не оцененный в полной мере до сих пор по достоинству, внесли в изучение Кавказа франкоязычные исследователи и путешественники. Их интерес к этому краю понятен: Кавказ, граничивший с Россией, издавна служил естественным мостом, соединявшим Европу и Азию, христианский и мусульманский миры. Он также находился в сфере геополитических интересов России, Турции, Англии и Франции. Поэтому неудивительно, что французы активно изучали Кавказ и оставили со временем ценные источники по истории этого края: письменные, документальные, изобразительные.

Изучение французских источников о Кавказе XVIII-XIX вв. привело автора этой статьи в архивы и хранилища Парижа, где в фондах Кабинета Эстампов Национальной Библиотеки обнаружено редкое издание книги Лидии Арамбург «Словарь французских художников-пейзажистов XIX века», вышедшей в Швейцарии в 1985 году. На одной из страниц этой книги был опубликован рисунок Шарля Ребуля с подписью: «Вид Пятигорска близ Георгиевска, Кавказ, 1894 г.». В словаре также имелась пометка, что подлинник рисунка хранится в Муниципальном музее города Драгинян, где также находится и второе, неопубликованное изображение Пятигорска. К сожалению, рисунок Ребуля был воспроизведен в сильно уменьшенном формате, воспроизведение было нечетким и непригодным для дальнейшего копирования. Сам же сюжет рисунка был крайне интересен: на нем отчетливо просматривалось изображение крепости, охраняемой несколькими часовыми. На заднем плане высилась огромная гора, покрытая вечными снегами.

Сразу же возникло множество вопросов:

- Кто такой Шарль Ребуль?
- Что привело его на Кавказ?
- Какое именно крепостное сооружение заинтересовало художника?
- Что изображено на втором рисунке Ребуля, хранящемся в городе Драгинян?

С целью выяснения этих вопросов нами был сделан запрос в Муниципаль-

СОСНИНА Екатерина Леонидовна (род. в 1962 г.). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Пятигорского государственного технологического университета, автор многочисленных исследовательских публикаций по лермонтоведению и истории Северного Кавказа, обладатель исследовательского гранта правительства Франции 2001 г. и издательского гранта Российского государственного научного фонда 2003 г., докторант Высшей школы социальных наук по изучению русского мира, советского и постсоветского периодов Национального Центра научных исследований при парижском университете Сорбонна.

ный музей этого города. Но ответа, увы, не последовало. Однако благодаря помощи французского ученого, профессора Каннского университета, господина Кристиана Пиле, все-таки удалось связаться с хранителем музея города Драгиньян Режи Фабром и получить оттуда высококачественные копии интересующих нас рисунков, а также некоторые сведения об их авторе.

Шарль-Мариус Ребуль (1815-1898) был довольно популярен во Франции во второй половине XIX века. Свою молодость он провел в России, где обучался живописи, создав небольшую коллекцию эскизов и этюдов, написанных маслом или акварелью. Некоторые из этих пейзажных зарисовок по оценке специалистов являются подлинными произведениями искусства и свидетельствуют о таланте автора.

Муниципальный музей города Драгиньян располагает, как мы уже указывали выше, двумя работами Шарля Ребуля, которые поступили сюда после смерти автора в 1898 г. Обе сепии датированы 1894 годом, то есть были выполнены за 4 года до смерти художника.

1. Вид окрестностей Монблана (№ 204).

2. Вид окрестностей Пятигорска на Кавказе с Эльбрусом (№ 205).

Таким образом, утверждение о том, что и второй рисунок Ребуля, хранящийся в городе Драгиньян, изображает окрестности Пятигорска, оказалось ошибочным. Конечно, может показаться интересным сравнение изображения Монблана и величавого Эльбруса, французских и кавказских Альп, но нас больше занимает анализ и интерпретация рисунка, содержащего определенную историческую информацию по истории Кавказских Минеральных Вод.

Видимо, в 1853 и в 1894 годах Шарль Ребуль вновь посещал Россию, хотя постоянно он жил в это время во Франции. В городе Драгиньян сохранился его дом (Grand-Rue, № 14), имеющий сегодня историческую ценность (См.: Mireur, Frederic. Les rues de Draguignan et leurs maisons historiques. – Tome VIII. – Draguignan, 1931. – P. 179-180).

Причем, целью пристального внимания Ребуля были крепости, стратегически важные пункты России на Северном Кавказе. В 1853 г. он опубликовал во Франции работу, посвященную описанию кавказской крепости «Внезапная». (См.: Reboul, Charles. La forteresse de Vnezapne, scenes de la guerre du Caucase. – RDM, 1853, XXIII-e annee, seconde serie. Tome 2.– P. 334-367). Как видно, интересовали французского путешественника и события так называемой Кавказской войны. Вполне возможно, что в рамках этого интереса он зарисовывает и Константиногорскую крепость, находящуюся в окрестностях Пятигорска.

Константиногорская крепость начала строиться в 1780 г. Этот год считается официальной датой основания города Пятигорска. Название крепость получила в честь внука Екатерины II Константина Павловича (1779-1831). Окончание строительства относится примерно к 1783 г. Константиногорская крепость была первым в Пятигорье постоянным русским военным укреплением. Но, несмотря на этот факт, история крепости долгое время не была предметом пристального внимания отечественных ученых. Сбором материалов о крепости и их публикацией в периодической печати занимались в основном пятигорские краеведы (Н.М. Егоров, М.И. Рыбенко, Л.Н. Польской). В функции крепости входил военный контроль за передвижением отрядов немирных горцев по долине реки Подкумок, с древности известной как важная торгово-военная дорога в Предкавказье. В конце XVIII – начале XIX вв. крепость и её гарнизоны постоянно участвовали в боевых действиях.

Шарль Ребуль является, пожалуй, единственным иностранным художником, изобразившим крепость на своем рисунке. Этот рисунок интересен своей поздней датировкой. Известен факт, что во времена управления Кавказом А.П. Ермоловым, жители Константиногорской крепости были переселены ближе к Водам, где солдатам были построены жилые помещения. Крепость, однако, еще какое-то время сохраняла военное значение. До какого именно года – нам неизвестно. По

Шарль-Мариус Ребуль. Сепия № 204. Вид окрестностей Монблана. 1894 г. Первая публикация.

рисунку Ш. Ребуля мы можем судить, что в 1894 г. крепость еще существовала как укрепление против немирных горцев, хотя и охранялась сравнительно небольшим количеством солдат. На рисунке французского художника мы видим всего несколько часовых (три одинокие фигуры).

Изображение Ребуля также крайне интересно тем, что в левом углу изображения на значительном возвышении просматриваются несколько надгробий и покосившийся могильный крест. Это означает, что в поле зрения художника попало небольшое кладбище, расположенное рядом с Константиногорской крепостью. Возникает вопрос, насколько достоверной представляется историческая информация, содержащаяся в рисунке Ш. Ребуля.

французского художника, имя которого было основательно забыто российскими историками. Открытие подобных материалов позволяет взглянуть на историю не только как на безликий процесс, наполненный сухими цифрами и фактами. Оно даёт нам возможность соприкоснуться с судьбами людей, жизненные пути которых пролегли через Кавказ, этот перекресток культур, менталитетов, цивилизаций. Много нового, а может быть, даже сенсационного, ожидает нас при знакомстве с наследием французских художников XVII-XIX вв. Но об этом речь пойдет в наших дальнейших публикациях.

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Губский А.Г. Исторический календарь Северного Кавказа. – Ставрополь, 1906.
2. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб., 1829. – С.38.
3. Краснокутская Л.И., Фоменко В.А. Константиногорская крепость // Из истории народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2 000. – Вып. 3.
4. Польской Л.Н. Летопись Пятигорска. Пятигорск, 1993.
5. Harambourg, Lydia. Dictionnaire des peintres paysagistes francais au XIX siecle. Imprime en Suisse: Printed in Switzerland, 1985
6. Reboul, Charles. La forteresse de Vnezapne, scenes de la guerre du Caucase. – RDM, 1853, XXIII année, seconde serie, Tome 2. – P. 334-367.
7. Mireur, Frederic. Les rues de Draguignan et leurs maisons historiques. – Tome VIII. – Draguignan, 1931. – P. 179-180.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Богданова Любовь. Между прошлым и будущим...**
Стихи.
«Promo-National Inc», Quebec, Canada, 2006.
- **Мосиенко Александр. Душа болит.**
Избранная лирика.
М., «Права человека», 2006.
- **Клименко Светлана. Осеннее смятение берез.**
Лирика.
Новоавловск, 2005.

Шарль-Мариус Ребуль. Сепия № 205. Вид окрестностей Пятигорска на Кавказе с Эльбрусом. 1894 г. Первая публикация.

Кладбище, действительно, существовало возле Константиногорской крепости. Оно было первым русским кладбищем на территории современного Пятигорска. Кладбище было устроено к западу-северо-западу от крепостного сооружения, в 0,5 км от рва. Высокий уровень грунтовых вод, вероятно, заставил устроить кладбище в насыпях двух древних курганов эпохи бронзы (III-II тыс. до н. э.). Один из курганов имел высоту 8 м, второй – 3 м. Еще в 1960 г. на вершинах курганов имелись следы захоронений конца XVIII – начала XIX вв. Рисунок Шарля Ребуля является единственным известным нам изображением кладбища Константиногорской крепости.

К такому неожиданному результату привели поиски одного из рисунков

МИКРОКОСМОС ОЛЕГА БАСАЕВА

В начале было слово. А словом, как известно, можно выразить все, даже то, что творится с твоей душой, это ее «болит», не дающее спать по ночам. И звуком тоже можно выразить многое: боль и радость, смятение чувств и нетерпение сердца – так рождается музыка. А как же живопись, визуальное отображение действительности? Неужели прежде, чем нанести на холст мазки, создающие настроение, нужно пропустить все через себя, более того – выстрадать? Да, да, именно так, подтверждает художник Олег Басаев. В его картинах – стремление оторваться от земли: летящие чашки и фрукты, зеленый лук, как натянутый нерв, парящий в воздухе, нимб в виде оливки над головой древнего идола и даже облако, повторяющее очертания Кипра (однако о Кипре разговор особый). Словом, натюрморт как натюрморт и пейзаж как пейзаж художника Олега Басаева не интересуют. И натюрморт, и пейзаж – это способ самовыражения или повод легко, ненавязчиво высказать свои мысли. По большому счету, это поиски своего места в этом мире, которые изначально идут изнутри, из сердца, если хотите. Как утверждал знаменитый булгаковский персонаж – профессор Преображенский, даже разруха сначала начинается в головах. Казалось бы, все старо, как мир. Человек рождается на свет и познает его, любит, страдает, ревнует, преодолевает трудности и борется со злом (вечное противостояние добра и зла) – прежде всего, внутри себя. Но каждый проходит свой путь и как бы все начинает заново. Личный опыт он и есть личный опыт. По мнению Олега Басаева, творения художника – это его кардиограмма, по ним, как по почерку, можно составить представление о характере живописца. В общем, творческий человек всегда будто выворачивается наизнанку. Кто сумеет и захочет понять – поймет, а кто-то увидит нарисованный кувшин или пейзаж и ничего более. Одним словом, каждому – свое.

Зная о том, что Олег в одиннадцатилетнем возрасте сыграл главную роль в короткометражном художественном фильме «Прощайте, коза и велосипед», прошу его поставить видеокассету с записью этой картины и мысленно переносюсь в тот временной отрезок, когда все начиналось. Ведь все мы родом из детства. И при всей затертости и избитости этой фразы, точнее, тем не менее, не скажешь.

Олег Басаев родился и вырос в Беслане – тогда мало кому известном городке. Учился в общеобразовательной школе № 2 и музыкальной школе по классу фортепиано. Кстати, в музыкальной школе, которую возглавляла Галина Сергеевна Васильева, был прекрасный детский театр. И все «мужские» роли в спектаклях, будь то «Муха-Цокотуха» или «Репка», играл Олег: мальчиков в музыкальной школе обучалось немного. Так что ему доводилось перевоплощаться во всех этих волков, медведей, тараканищ. И не просто играть, а получать от этого удовольствие. Потом была эпизодическая роль в художественном фильме «Жизнь, ставшая легендой» и главная в «Прощайте, коза и велосипед». Да, об актерской карьере он в ту пору, по правде сказать, подумывал. Но теперь считает, что это, скорее, не его. Ему ближе самому что-то замышлять и претворять это в жизнь.

А тогда Олег и не думал, что станет художником, хотя любил лепить и рисовать с раннего детства. Дни были до краев заполнены: занятия в двух школах, общеобразовательной и музыкальной, а еще театр, стадион, футбол. Правда, учитель рисования Борис Афакоевич Тогузов, он же директор детской художественной

школы, неоднократно приглашал Олега учиться в «художку». Да, видно, время еще не пришло. Но навсегда запомнились рассказы учителя об Эрмитаже, о полотнах знаменитых мастеров, о дальних странах, которые воспели художники. Когда Олег окончил музыкальную школу, времени свободного стало больше. И он проучился-таки два года в ДХШ. А когда пришла пора выбирать профессию, всерьез задумался: на чем же остановиться? По всем предметам занимался ровно. Окончил школу на все пятерки. Решение, куда пойти учиться, принял самостоятельно, хотя многие педагоги и одноклассники думали, что Олегу прямая дорога в один из престижных столичных вузов. Но независимость дорожке.

Да, независимость. Именно независимость или внутренняя свобода буквально зримо присутствуют в полотнах Олега Басаева. Кто-то приспособливается, прогибается, идет по головам или плывет по течению. А кто-то живет, согласно своему кодексу чести, где честность, благородство и достоинство превыше всего. Так жить, бесспорно, труднее. Но каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу. Так, во всяком случае, утверждал поэт. Определенное философское настроение создают картины на стене. В рамках – рожки (те, из которых пьют вино), похожие на кукулюсклановцев. Полутона. Так переданы внутренние, глубинные эмоции, причем современным языком. Или работы из серии «Скалы». Каждая будто говорит голосом художника: «Я так вижу». Да и не скалы это вовсе, а чувства, преломленные через индивидуальность того, кто их писал.

Так, то обращаясь к живописи, то глядя на экран телевизора, мы с Олегом продолжаем неспешную беседу. Итак, окончив школу, дабы осмотреться и прийти потом к какому-то решению, он поступил в художественное училище. Втянулся, увлекся, понял, что нашел себя. Окончив училище с красным дипломом, сразу же поступил в Суриковский институт на отделение монументальной живописи. Мастерству учился у Клавдии Александровны Тутеволь – ученицы самого Александра Дейнеки.

По окончании института, вернувшись домой, Олег сразу начал преподавать. Сначала – в художественном училище. С 1990 года – на факультете искусств в университете, куда был приглашен замечательным художником Шалвой Бедоевым. (Сейчас является заместителем заведующего кафедрой изобразительного искусства, доцентом.) И не прекращал рисовать. Участвовал в республиканских, зональных, всероссийских выставках. Несколько его работ были приобретены музеем им. Туганова, что, несомненно, вдохновило на творческие поиски. В 2004 году стал победителем республиканского конкурса «Обретение города», приуроченного к юбилею Владикавказа. Вместе с галереей «Ир-Арт» Олег Басаев участвовал и во многих европейских выставках, и в выставках Центрального дома художника. Часть его работ таким образом попала в частные коллекции стран Европы: Бельгии, Испании, Франции, Германии и др.

А в 1996-97-х годах вместе с другом детства и однокурсником по художественному училищу, живописцем Игорем Лотиевым, Олег Басаев побывал в Штатах по приглашению владельца Музея современного русского искусства Романа Табакмана. В этом музее произошло более близкое знакомство с творчеством многих известных на Западе и малоизвестных на тот период в России художников-шестидесятников, и тех, кто шел за ними. Это и Оскар Рабин, и Владимир Немухин, и Эрнст Неизвестный, и Дмитрий Краснопевцев, и Олег Целков, и Леонид Пурыгин, и многие-многие другие. Всех их объединяет одно – российские корни, и в музее Табакмана собрано более тысячи полотен этих популярных живописцев. Кстати, некоторые работы Олега Басаева сейчас рядом с картинами знаменитых мастеров находятся в этом музее. Что дала эта поездка? Прежде всего, свежие впечатления, которые легли в основу новых работ, созданных прямо там. Знакомство с Михаилом Шемякиным. Олег сам на видеокамеру снимал дом, а точнее – усадьбу, всемирно известного художника. Вот он, произносящий фразу: «Наде-

ТОПОЛЯ БЕЗЗАЩИТНЫ, КАК И ПОЭТЫ

*Талант – единственная новость,
Которая всегда нова.*
Борис Пастернак

Мы никогда не были накоротке. Случайное, можно сказать, знакомство, но до сих пор тепло на душе от того, что однажды я оказался рядом с этим «маленьким», беззащитным, как показалось, человеком в трудную для него минуту и буквально утонул в его, вобравших все небо, глазах.

Это потом, позже, я понял, что вся его размашистая, под стать вольному поэтическому почерку, жизнь складывалась из жестоких минут. Тем удивительнее, что ему всегда удавалось вмещать в свое сердце столько любви, что она переливалась через край в его удивительные стихи. Он любил, как страдал, и страдал, как любил...

Как и его великие учителя-предшественники, Геннадий Михайлович Колесников пал на дуэли. И дело не в том, в чьих руках оказался пистолет — Дантеса, Мартынова или ее величества жизни. Он пал от многочисленных пуль судьбы, которая началась и состоялась в Пятигорске.

В детском садике по недосмотру взрослых в три года он стал инвалидом. Множество операций на позвоночнике ситуации не меняли. Притормозив физическое развитие ребенка, словно спохватившись, жизнь с юных лет наполняла немощное тельце духовным здоровьем и силой, которые и помогали ему бороться с жизнью. (Как бы хотелось сказать «за жизнь», но это было бы неправдой).

К счастью, побеждала жизнь. Он всегда любил животных, выучился на зоотехника. Но у провидения иной умысел. В послеоперационных палатах Гена с детства писал стихи. А примерно в 20 лет к нему нежданно пришла слава. Сначала за мужество и оптимизм — после последней (удачной), длившейся десять часов операции, он целый год провел, лежа на животе в астраханской больнице, продолжая писать. Здесь его навещил известный композитор Григорий Пономаренко, вместе с которым они создали песню «Тополя», которая с триумфом прозвучала на Международном фестивале молодежи и студентов в Москве, была переведена на многие языки мира и разлетелась по свету, чтобы жить в сердцах людей. Только вот в родной Пятигорск, похоже, так и не попала. Иначе почему эта на редкость теплая и душевная песня не стала гимном родного ей города?

Немало именитых композиторов и поэтов побывало с той поры в Пятигорске, и песни они писали хорошие, разные. Однако святое место до сих пор пустует. Не ждет ли город «Тополя» Геннадия Колесникова? В ту пору достаточно было заявить миру, что это наш родной поэт, а песня по праву должна называться «Пятигорские тополя»...

юсь на встречу», взят крупным планом. А вот — двухтомник Шемякина с дарственной надписью на память о той встрече.

Интересные встречи ожидали Олега Басаева и на Кипре, куда он впервые попал благодаря своему однокурснику, известному кипрскому художнику Георгу Гавриилу. В 2000 году он пригласил Олега погостить на Кипре, показал ему свою Родину, посоветовал сделать несколько работ, а также познакомил с хозяином галереи Diachroniki Христофисом Кикасом. Работы Олега Христофису понравились, и он предложил сотрудничество. С тех пор североосетинский художник Олег Басаев ежегодно бывает на Кипре, где в городе Никосия состоялись уже три его персональных выставки (а в Осетии, увы, ни одной).

Мы смотрим видеокассету, снятую во время последнего пребывания Олега на Кипре, откуда он вернулся только в феврале. Открытие выставки. На ней присутствует посол США на Кипре Рональд Шлихер, который анализирует работы художника (у нас же даже министр культуры далеко не всегда посещает выставки). А вот Наталья Баллаева, дочь известного в Северной Осетии актера и певца Владимира Баллаева (вместе с дочерью она сейчас живет на Кипре), говорит, что очень рада видеть в галерее картины земляка, чье искусство признано не только в Осетии. «Я слышала восторженные отзывы. Великолепные работы!» — замечает Наталья.

Да, работы, действительно, удивительные и оригинальные одновременно. Этакое кипрское попури. Белая настольная салфетка — своеобразная карта Кипра на голубом фоне, ведь Кипр — это остров в море. Или типично кипрский стул, идола, символизирующие мужское и женское начала, облако с очертаниями Кипра. И все это парит, летит, устремляется ввысь. И хотя писать о живописи — это почти то же самое, что танцевать об архитектуре, тем не менее, увиденные образы облекаются в слова. Кипр — это смешение античности и современности, это пальмы, инжир, чашечка кофе и берег моря. Это пятачок, где сосредоточено соцветие культур, где переплелись древность и современность. «Работы художника, который остается глубоко национальным внутри (искусство без национальности похоже на евроремонт: удобно, но безлико), должны быть национальными по духу, но переданными пластическим языком, понятным всем в разных точках земного шара, как африканская маска или, скажем, японская гравюра. Они национальны по своей сути и понятны всем», — говорит Олег.

Собственно, мы так по жизни и идем: от малого к большому, от частного к общему, и наш микрокосмос вмещает в себя весь мир. А потому и понятен всему миру, хоть и индивидуален. И потому не может не радовать, что, благодаря таким художникам, как Олег Басаев, нашу маленькую Осетию знают далеко за ее пределами.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Перевозчиков Валерий. Неизвестный Высоцкий II.**
Новосибирск, Сибирский фонд В. Высоцкого, 2007
- **Кусаев Адиз. Писатели Чечни. Биографические очерки.**
Грозный, ГУП «Книжное издательство», 2005

Несколько лет назад в Пятигорске появилось официальное распоряжение о выкорчевывании тополей. Помните? Тех самых, что роняют пух «на ресницы и плечи подруг». Это был еще один удар поэту уже после состоявшейся судьбы. Но само провидение восстало. На защиту. А вместе с ним, как вы думаете, кто? Партии власти, «зеленых», чиновники из охраны природы?

Нет, нет и нет! Уж больно неприступным был у акции предлог – забота о гостях курорта, которых, мол, раздражает тополинный пух. И тогда на защиту тополей встали их «однокоренные земляки»: буки, клены, ели, каштаны, сосны, акации и даже березки, у которых поэт давно подглядел «грустную улыбку России».

Никакой, понятно, мистики. Просто в отчетах о порубке виды деревьев можно не указывать. Зачем же рубить тополя, если растут они там, где ничего не построишь? Под топор попали большая роща в районе станции Лермонтовской, частично – проспект имени Кирова, сквер имени Анджиевского, парк имени Кирова и многие другие уголки Пятигорска, быстро превратившиеся из тихих уютных зон отдыха в бесконечную забегаловку. Се ля ви: кто-то приходит в мир, чтобы растить и воспевать красоту, а кто-то – выкорчевывать ее с молчаливого поощрения третьих... Ибо всяк смертен, но не всяк жив, как считали мудрые предки.

Прошу прощения, если, вопреки ожиданиям, пишу не о поэте, а о нас с вами, жившими рядом с ним и живущими после, о нашей роли в его жизни и смерти. Судьба, согласитесь, не что-то запредельное, а просто – человек среди людей – поэт и мы. И разве не время понять, почему и как мы просмотрели один из самых ярких талантов в ожерелье российских поэтов. В отличие от многих своих собратьев по перу, у каждого из которых есть очень удачные стихи, у Геннадия Колесникова неудачных просто нет.

Да, он всегда был неординарным и совершенно непредсказуемым: с одной стороны, по-детски доверчивым и по-иезуитски беспощадным к себе, особенно в творчестве, а с другой – таким же бескомпромиссным к друзьям-завистникам и к «недругам-друзьям», когда они невольно вторгались в святая святых – его творческую лабораторию. Здесь он терпел только присутствие жены. Легенды на эту тему уже были и еще будут – не сомневайтесь. Это правда, хотя и не вся, не до конца.

Вы не задумывались, почему судьбы ярких личностей всегда обрастают легендами? Так уж мир устроен: все не прочь причаститься к славе. А если проще – мы пытаемся объяснить их величие не талантом и патологическим трудолюбием, а стечением обстоятельств и легендами, в которые каждый может внести лепту по собственной мерке. Таким образом, в глазах окружающих мы оправдываем и собственную бесталанность и нежелание трудиться в поте лица. Ведь не секрет, что рядом со светом всегда появляется тень.

Как бы то ни было, но нравственное чутье народа безупречно: люди правы в своих вкусах, даже когда в поступках не правы.

Биографам, критикам, языковедам еще предстоит защищать диссертации, ломать копья в поисках истины. Большое видится на расстоянии – спору нет. Тем не менее, сегодня нам всем, как воздух, необходим живительный родник поэтического наследия поэта-земляка. Россия живет, пока поэты посвящают ей стихи, а мы их с трепетом читаем.

Гена ушел гениально, не попросив прощения и не попрощавшись – после трехмесячного молчания в коме. Судьба лишила его и такой возможности. Но он сделал все раньше – в своих стихах, осознав не всегда доступную истину: выше Справедливости в этой жизни может быть П-р-о-щ-е-н-и-е. И молча простил... всех!

Читая сегодня его стихи, понимаешь, что и нам не мешало бы подняться до поэтического восприятия сути и смысла бытия. Он учит по праву истинного патриота своей Родины. Он так искренне любит ее, так верит в нас, что мы, включая всю Россию, не можем не ответить взаимностью. Насколько порою он был несдержан в поступках, настолько оставался безупречно чистым и искренним в творчестве.

Сегодня это редкость, способная поразить даже искушенное воображение. Время, не сомневайтесь, отделит зерна от плевел, правду от домысла, искренность от заносчивости, доброту от злоумысла.

А теперь несколько слов о том, что вышедшем из печати сборнике стихов. Эта маленькая, под стать фотоснимку (10х14), книжица «Любовь была совсем недолгой» (Северо-Кавказское издательство «МИЛ». 500 экз., 264 стр. Кисловодск, 2004), разделенная на две неравнозначные (по объему) части, стала посмертным (почти через девять лет?!), а потому в чем-то итоговым изданием поэтического творчества мастера слова Геннадия Михайловича Колесникова и открытием нового поэтического имени – его жены – Евгении Александровны Заславской, с полным правом поднявшей перо, выпавшее из самой души тончайшего лирика и патриота, успевшего перенести необычайно нежную, светящуюся любовь к России и россиянам из второго в третье тысячелетие.

Он писал стихи с таким нечеловеческим напряжением физических и с таким накалом творческих сил, что это еще при жизни давало ему право на бессмертие. В свое время на Ставрополье его не приняли в Союз писателей. Это сделали за нас менее заносчивые и обидчивые поэты столицы. А сегодня и там забыли «Маленького Гену», того самого, который поражал многих репортажами в стихах из самых горячих точек БАМа, Целины и других уголков СССР, – главного романтика XX века. Его поэтических отчетов с нетерпением ждали читатели «Комсомольской правды», журнала «Огонек», других больших и малых изданий. Но сегодня и здесь в погоне за сенсациями это, похоже, запомнили.

Почему даже в условиях свободы слова мы все чаще стали забывать о самом главном – человеке, судим его не по деяниям, а по чиновничьим канонам ущербного «я»? Ведь представить усредненного поэта невозможно, как невозможно вычислить среднеарифметическое судьбы, счастья, ненависти, любви. В отличие от зарплаты, покупательной способности, наживы и т. п., здесь нужна, как минимум, высшая математика. Давайте и мы не будем давать поэту оценку. Ему рукоплещет сама эпоха, которую он легко, словно играючи, разбросал по своим стихам:

*Не знаю,
Долго ль буду петь.
Не знаю,
Путь ли свой осилю.
Но очень хочется
Успеть
Воспеть
Любимую Россию.*

Он успел все, что успел. Судьба его стихов, 18 лет томившихся в коме, – это уже, вне всякого сомнения, и наша с вами судьба, уважаемый читатель! Я не о сенсации – о стихах, которые открывают нам кратчайший путь к Родине, взаимопониманию, участию, доброте, любви – всему, чего всегда катастрофически не хватает. Такова сила настоящей поэзии.

Нас сегодня не случайно по всем источникам пичкают суррогатом инородных культур, отлучая от российских ее пластов, приобщившись к которым, мы можем стать свободными и сильными. Но кому это нужно, кроме нас самих? Слишком многое у нас уже отобрали, чтобы не бояться силы, которая однажды взалкает к возмездью.

Не потому ли народный поэт (не по званию, а по духу своего таланта и беспощадности судьбы) стал для нас просто недоступен, Тем более что стихам Геннадия Колесникова и меценаты нужны особые, умеющие отличать настоящее от «псевдо», а не те, кто между дел подкармливает мартиновых и иже с ними.

Нам всем еще только предстоит прозреть, как птице из его поэмы о слепом журавле, и обрести подлинно свою Россию, которую у нас отобрали.

Первой это сделала его соратница и жена Евгения Заславская, взвалив на свои плечи не только перо мастера и его бесценное поэтическое наследие, но и, с ее слов, всю горечь «незаслуженного бесславия» любимого человека. Такое венчание развода не дает. Без малого девять лет после его ухода она уже положила на «хождения по мукам», отказывая себе в самом необходимом, чтобы опубликовать хоть толику из неиздававшихся 18 лет стихов мужа. Она несет этот крест смиренно, понимая, что значит сегодня для страны патриотическая поэзия духа.

«Незаслуженное бесславие» – емко и точно сказано, ведь это тот самый случай, когда поэт — величина, не подлежащая арифметическому действию! Кто знает, не с этого ли имени начнется наше долгожданное духовное возрождение, но в любом случае это произойдет теперь уже вместе с ним.

Еще М. Ю. Лермонтов отмечал (в неизданном), что «поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу». И это не их вина, а наша беда. Может быть, самая большая с библейских времен потопа. Нет у народа участи страшнее, чем если его отрывают от собственной души. Предки предупреждали: трагедия духовной нищеты необратима. Мы на грани. Ведь сегодня каждый человек уже может стать бесом — так легко теперь перетянуть его на эту сторону...

...Очень жаль, что у Геннадия Колесникова не было школы в широком смысле. Но у него была талантливая ученица – жена. Лингвист Евгения Заславская раскрылась не сразу, не ради собственных амбиций, а их у нее не меньше, чем у Мастера (это многих и раздражает). Ее лира крепнет с каждым шагом борьбы за стихи мужа. Она лучше других знает, каких трудов стоили Гене эти чемоданы с бесконечными блокнотами стихов, большая часть из которых разбросана по всему СНГ. Из стольких уст предержавших власть, либо злато, она слышала обещания издать стихи мужа.

Настрадавшись, она, обессилев, изливала: «И душа покосилась, как хата, Вдруг увидев раздетую Русь» или это: «Ни сесть, ни лечь – сквозная боль: Быт затерзал до озверенья, Какое тут уж вдохновенье – рифмуются лишь хлеб да соль».

С подачи президента сегодня многие не прочь называть любовью к Родине заботу о том, чтобы каждый россиянин обрел достойную человека жизнь. Но, видимо, еще не все «проворные» наворовались до такой степени, чтобы помогать бедным поэтам, не все политики исчерпали прелести политпиаров, чтобы держать слово.

И вообще, не позапрошлый ли век на дворе? В том смысле, что на памятник одному поэту (отнюдь не бедному) вся Россия собирала средства. Неужто и в XXI веке нужен клич по стране, чтобы издать сочинения Геннадия Колесникова и сделать доступной каждому школьнику, без сомнения, хрестоматийную школу любви поэта к своей Родине.

Поэзия у него по-русски светлая и печальная, со щемящей болью внутри, без которой жизнь наша совершенно невозможна, но с которой она, простите за каламбур, совершенна.

Прочитав опубликованную далее подборку стихов Геннадия Михайловича, напишите о своем отношении к ним. Письма мы передадим в фонд музея, который создает жена поэта. Это еще одна ее тяжкая ноша, и помощь необходима. Сегодня в ее распоряжении – покосившаяся хата, где, похоже, навсегда поселился светлый дух поэта, стол и кровать – все, что он мог приобрести на редкие гонорары; ручного литья канделябр – царь зверей и пепельница – царь-рыба (царский дар жены) да карандашный портрет Геннадия на фоне голых (и тут символика) деревьев – подарок друга Валентина Васильевича Маркова, известного своей добротой и талантом многим в городе. К сожалению, его уже тоже не стало...

Особая просьба к тем, кто хоть однажды встречался с поэтом. Будущий музей ждет ваши воспоминания. И пусть в них будет правда – такой, какой ее видите вы. И не держите обиды. Если поэт и виноват, то ведь только в том, что любит сильнее,

На открытии памятника А.С. Пушкину (слева направо): главный художник Пятигорска Валентин Марков, поэт Геннадий Колесников и репортер Василий Танасьев.

Фото из семейного архива.

видит дальше и помнит дольше, отливая чувства в вечные строки стиха.

Сегодня ей, жене поэта, труднее всех. Но «Маленький Гена» учил ее не только писать: когда жизнь становилась совсем уж невыносимой, он добавлял еще хотя бы одну проблему. Как ни странно, это помогало, ведь страдания – пища души. Помогает и ей. Она вынесет все и все ей будет по плечу. Она всегда защищается и не умеет отступать – это тоже школа Гены.

Ассоциация писателей Кавминвод неоднократно поднимала в администрации вопрос о присвоении улице Набережной имени жившего на ней поэта. Тогда у города не было средств. Ассоциация распалась, и вопрос тоже повис. Сегодня, после выхода в свет последнего сборника, перед администрацией и перед городской Думой во весь рост встает не только эта проблема.

Городу надо осознать тот факт, что поэты такого уровня приходят в мир один раз в сто лет, да и то только в избранные места. И этот приход доказывает, что и наша благодатная земля способна не только принимать, но и рождать собственных Платонов. Для города это поистине исторический шанс, провозвестником которого стал, по сути, сам Михаил Юрьевич Лермонтов. Его и при жизни томило одиночество, и он будет рад поделиться своим величием со славой «Маленького Гены» уже для того хотя бы, чтобы его площадка, видная с пригорка всему миру, стала пяти-

...УСПЕТЬ ВОСПЕТЬ ЛЮБИМУЮ РОССИЮ

Уже давно меня
не публикуют,
Ни слова обо мне
не говорят.
Но глухари
В моей тайге токуют,
Но васильки
В моих лугах горят.
Растут мои леса
И перелески.
И станут вечным
памятником мне
Речные блики,
Свист летящей лески
И женщина
У моря
При луне.

Не знаю,
Долго ль буду петь.
Не знаю, путь ли свой
осилю.
Но очень хочется
Успеть
Воспеть
Любимую Россию.
Течет великая река,
Богаты красной рыбой воды.
Хочу,
Чтоб продолженьем Волги
Была последняя строка.
Угас сентябрь в лесном
краю,
Листвой усыпана дорожка.
Хочу,
Чтоб тихий стук в окошко

горским Парнасом, куда поэты слетались бы не только два раза в год, а гораздо чаще – после каждой победы над тьмой мартиновщины.

Верим, будет и памятник. К счастью, есть сегодня и в администрации и в Думе истинные патриоты Пятигорска, радеющие о его славе. Вряд ли нужно сомневаться и в том, что пятигорчане назовут своего поэта-земляка почетным гражданином Пятигорска. Да и улица Набережная обретет достойное имя. И музей, одухотворенный музой Геннадия Колесникова, будет, и «Пятигорские тополя» займут, наконец, по праву принадлежащее им место! Будет и благотворительный фонд поэта для начинающих пиитов, звонкие голоса которых из Пятигорска уже слышит Россия. Не все сразу, но будет обязательно! Иначе зачем вообще в нашем городе погиб Лермонтов, а мы живем?

12 марта 2007 года мы отметим 70 лет со дня его рождения.

Нам, сильным, красивым, талантливым, надо сделать все, чтобы достойно встретить этот юбилей. Достоинно перед наследием поэта, которое не имеет цены, особенно в наши потемкинские дни.

После опубликования статьи в «Пятигорской правде» (17.07.2004 г.) в редакцию пошли отклики и воспоминания о Геннадии Колесникове. Часть из них была опубликована в коллективной повести, для которой «Голос Кавказа» уже готовит новые главы, продолжая знакомство с лирикой Геннадия Колесникова.

А вот письмо, пришедшее из Саратова на имя Колесникова (автор, очевидно, не знал, что поэт уже нет с нами) и полученное его вдовой Евгенией Заславской, приводим как свидетельство того, что нашего поэта-земляка помнят и чтут везде, куда его хотя бы однажды забрасывала журналистская стезя.

«Здравстуйте, Геннадий Михайлович!

Пишет Вам заведующий отделом публицистики журнала «Волга–XXI век» Владимир Ильич Вардугин. Посылаю Вам книгу «Песни из Саратова», на 199-й странице опубликована Ваша песня «Тополя» – замечательная песня, визитная карточка 1960-х годов. Мне было чрезвычайно интересно узнать историю создания этой песни и вообще о том легендарном времени Вашей молодости. Быть может, Вы сможете написать о литературной жизни в Саратове в те годы.

Желаю Вам творческих успехов! Надеюсь, я не причинил Вам ненужного беспокойства.

С уважением, Владимир Вардугин».

В сборнике опубликован полный, малоизвестный вариант текста «Тополей» с небольшой припиской: *«Геннадий Колесников в 1960-х годах жил и работал в Саратове, публиковал стихи в комсомольской газете «Заря молодежи». Потом он уехал на юг, познакомился с композитором Григорием Пономаренко, тот пригласил его в Волгоград, так родилась песня «Тополя», посвященная Волгограду, и сразу же ставшая очень популярной».*

Совсем недавно я слышал еще один вариант: мол, «Тополя» навеяны поэту одной из поездок в Ставрополь, на въезде в который до сих пор стоят величественные красавцы-тополя. Впрочем, жители Астрахани тоже убеждены в том, что эта песня об их тополях.

Вспомнили о Геннадии Колесникове и в Москве – издательство «Воскресенье» готовит к выпуску сборник его стихов. И еще одна новость: вдова поэта с помощью сына завершает ремонт дома, где жил Геннадий Колесников. Музеем быть!

Появилась надежда и на то, что из двух улиц Набережных одна, где жил и творил поэт, обретет, наконец, его имя. Добру быть!

А теперь слово Геннадию Колесникову. И это самый ответственный момент, ибо предстоит заглянуть не просто в прошлое, а в душу поэта, чтобы увидеть в ней самого себя. В жизни нас отражает не зеркало, как принято считать, а душа другого человека. Вспомните, какими мы были с ним, когда был Мастер. И напишите...

Сегодня вы увидите и его почерк, и неизменный березовый листок – символ России – в начале каждого стиха.

Наполнил счастьем грудь
твою.
Не знаю,
Сколько в небе звезд
И сколько роз Земля взрастила.
Но очень хочется –
До слез,
Чтоб их всем женщинам
хватило.

СЕРДЦЕ

Мое сердце стучит.
То замрет,
То взорвется набатом.
И когда я страдаю,
Рыдаю, люблю и пою,
Я его расщепляю,
Как вы расщепляете атом,
И энергию сердца
Тебе, Человек,
Отдаю.

РОДНИК

В родных полях
перепелиных,
Весь в переплесках,
В переливах,
Он из груди земной возник,
Чтоб утром чибису умыться,
Чтоб путнику в жару
напиться
И чтоб в лугах рекой
разлиться,
Рожден в родных полях
родник.
Течет студеная водица
Туда, где солнце спать
ложится,
Туда, где пролегла граница,
Где светят мачты корабля.
Водица в море
превратится,
Начнет кипеть,
О скалы биться,
Ей будут сниться
за границей
Перепелиные поля.

20

О Родина!
Раскованная Русь!
Твоей землею
Я возвращен
И вскормлен.
Живой и мертвый,
В радости и в скорби
Всецело – твой.
И этим я горжусь.
Закрыв глаза,
Токуют глухари.
И сыплет на ветру
Брусника росы.
В степных курганах
Спят великороссы –
Отцы мои,
Соотчие мои.
Когда горит река
На склоне дня,
Я оторваться от нее
Не в силе.
И если б в мире
Не было России,
То не было бы сердца у меня.

20

Россия —
Боль и песенность моя,
Полями вей,
Труби таежной глушью.
В глаза впадают реки,
Как в моря.
И, словно в сад,
Весна ворвалась в душу.
Россия,
Мне не надо кабаков,
Собольей шубы на плечо
Не надо,
Колоколам летящих
облаков
И зодчеству морозов
Сердце радо.
Я напролом иду
В судьбу свою
Без друга, без жены
И без здоровья.

Над рябью наклонился
И напился.
Незрячим оком
Дали оглядел.
И вдруг
От света Родины
Прозрел!»

ПУШКИН

Его недостает природе.
Ряд гениев не так уж густ.
Все время,
При любой погоде
В Михайловском струится
грусть.

Он снится пашням,
Снится рощам,
Он морю чудится в грозу.
Луна на Пушкинскую
площадь

Роняет тихую слезу...
Стоит он,
Бронзовый,
Склоненный,
С печалью болдинской
в глазах.

А мир,
Живой и удивленный,
Весь, как в садах,
В его стихах.
Певец любви,
Певец свободы
Возвышен музыой
над толпой,

Ему цветы несут народы
Незарастающей тропой.
И широко звучит
над миром

Мелодия его души —
То, словно шторм,
Клокочет лира,
То родником журчит
в тиши.

Не умер славный сын России.
В часы уединенья сам
Поэт своим пером гусиным
Себе бессмертье подписал.

Наш мозг
Во весь накал
Не засветился.
Мы часто принимаем яд
За мед.
Никто из нас не помнит,
Как родился.
Никто из нас не знает,
Как умрет.
И хочется,
Чтоб стал светлее разум,
И хочется
На свете так прожить,
Чтоб на земле
И вне ее
Ни разу
Ни глупости, ни зла
Не совершить.

Горел рассвет,
Подернутый ледком.
Казалось,
Вся земля
Искрит и тает.
Снег умирал
Так ярко,
Так легко,
Как будто знал,
За что он умирает.
Дарил он жизнь
И травам
И цветам
И, став рекой,
Летел с горы с разбега.
Я подносил сирень
К своим губам
И ощущал
Былую свежесть снега.
Хочу уйти легко,
Как этот снег,
Чтоб в синеве рассвета
Раствориться,
И на земле
Оставить
Яркий след,
И в чью-то грусть
И радость
Превратиться.

ДУША

За синевою рек,
В полях пшеничных,
Свободой и просторами
дыша,
Мечтою наполняется душа,
Освобождаясь от забот
обычных.
И у костра поведенные
тайны,
Загадочный и тихий плеск
озер,
Сиянье звезд
И нежный женский взор
В душе у человека
не случайны.
Бессмертие дорог
Душе дано.
Она не знает,
Что такое старость.
Цветы и солнце, песни и вино
Перемешали в ней
И грусть и радость.
В ней с детства
Красота родного края.
Душа!
В ней чистота родных небес,
Печаль разрух
И праздник урожая,
Плач матерей и хоровод
невест.
Ни клятвы, ни любви
Я не нарушу.
И, о высоких чувствах не крича,
Россия,
Как пробьет последний час,
Не Богу,
А тебе
Отдам я душу.

Хлынь, метель,
В небеса, звеня!
По России пылай,
Мороз!
Запеклась на губах заря
У бегущих к реке берез.
Хлынь, метель,
Колоколя в Русь!
Чтобы в пляс пустились огни,
Замети мою боль и грусть,
Озорство во мне раздражи,
По России гуляй, Мороз!
Хлынь, метель,
Горячо, как страсть!
У бегущих к реке берез
На губах заря запеклась.

Я с рощей
расстаюсь,
Как женщиной
любимой.
И долго в тамбуре
накуренном грущу.
Мне всю дорогу снилось:
Рощу били.
Злодеи!
Я за рощу отомщу.
В крови зеленой
падали березы.
Не будет мне покоя
С той поры,
Как понял я,
Что холодно и грозно
Над всей природой
Блещут топоры.
И я протестовать
Не перестану,
Пока земля страдает
там и тут
И бьются реки
гибким, тонким
станом
В объятых жирных
ядовитых труб.

Темный Колеников

ПУШКИН

Писем!
 Мороз и солнце —
 День чудесный!
 Не много дней таких
 Тебе отпущено.
 Прекрасна жизнь,
 Но что ни говори,
 Нам в этой жизни
 Не хватает Пушкина.
 Скорбят о нем в России любя,
 Как звезда, завосит высоко
 Над избушкой.
 И белая старушка у окна
 До боли глубоко вздохнет
 О Пушкине,
 И выветит кружку старого вина.
 Летит звезда.
 Она как гений оушена!
 Вырвать и в небесах покалить.
 Не верится,
 Что нет нового Пушкина,
 Не верится уже земляки мои.
 Он стоит задумчивый
 На площади,
 На все века дыхание замят.
 Картины, вздохмакательны концы
 Своя к рассвету все прикладим.
 И шлово его
 Легко оушена,
 Заретти курри естепной баидиной
 И что-то пероказанное Пушкина
 Тревожит нас,
 Волнует нас с бабой.

Шелави январь 2007.

РЫЦАРЬ «ЛЕГИОНА ЧЕСТИ»

Трудно в небольшом очерке рассказать о сложной многогранной жизни, героических подвигах Мовлида Висаитова, человека легендарной судьбы, посвятившего всего себя военному искусству, защите Отечества. Люди, знавшие Мовлида в его ранние годы, с удовольствием и гордостью вспоминают, что мальчишкой он выделялся среди сверстников твердым характером, зрелостью суждений.

Среди парней всегда находился затейник, который предлагал кому-нибудь сходить ночью на кладбище, положить шапку на одну из могил, а другому принести ее. Не каждый соглашался на подобное испытание. Мовлид к ним относился спокойно и первым вызывался на такой «подвиг». Бесстрашия и смелости ему было не занимать.

Мовлиду не было и четырнадцати, когда родители заметили в нем особую увлеченность и страстную любовь к лошадям. Он обладал божественным даром расположить к себе упрямого, непослушного коня. Животные в его присутствии становились покорными, спокойными и доверчивыми. Почти вся литература в доме состояла из книг, брошюр, картин, посвященных конной армии, пособий по специальной и спортивной верховой езде.

Сравнительно рано Мовлид научился сложному искусству усмирять необъезженных лошадей. Схватившись левой рукой за холку скакуна, одним прыжком он мог оказаться на его спине. Пускал любого коня вскачь, уверенно управлял им без уздечки. Мог на скаку спрыгнуть и через миг вновь оказаться в седле. Он рано повзрослел. Его не влекли детские и юношеские забавы, игры. Знания у него были стабильные. Хотя чрезмерным усердием в учебе, зубрежкой он себя не утруждал.

Мовлид был по-взрослому, до вспыльчивости, суров, требователен к себе и к другим, болезненно честлюбив. При малейшей попытке унижить его, подозрении в непочтении к себе проявлял дерзкое возмущение, доходящее до выяснения отношений, из которых он всегда выходил победителем. В нем причудливым образом сочетались природное обаяние, суровость и спокойный характер, смелость и доброта. Среднего роста, физически крепкий, ловкий в движениях, — казалось, природа тщательно и целенаправленно соединила в нем качества, необходимые, чтобы стать смелым, сильным наездником. Открытое, светлое лицо, копна пшеничных волос, синие с зеленоватым оттенком глаза, в которых четко отражались и его душевная доброта, и непреклонная целеустремленность.

Висаитовы — семья с богатой родословной. Они принадлежат к многочисленному тейпу алерой. По преданию, в стародавние времена представители этого тей-

ДУРДИЕВ Зайнди Джадиевич (род. в 1937 г.). Заслуженный нефтяник СССР, один из первопроходцев освоения Тюменского месторождения нефти. Был министром нефтяной промышленности Чеченской Республики. Литературным творчеством весьма успешно занялся уже в зрелом возрасте. Из-под его пера вышла серия очерков, повесть, рассказы о нефтяниках. Первый роман «Жизнь продолжается» вышел в свет в Москве.

па, спустившись с диких гор на равнину, расселились практически по всей Чечне. Значительная часть племени поселилась на Терек.

Отца Мовлида звали Аларо. Мовлид был старшим в многодетной семье. Отец обрел в сыне хорошего помощника. Он умело управлялся с хозяйством, всегда без отказа брался за любое дело. Сын к отцу относился с должным почтением. Его желание и мнение для него были святы. Первый ребенок в чеченской семье всегда на особом положении. В нужное время он должен заменить отца, и его решение младшие также исполняют без пререканий и споров.

Аларо часто брал Мовлида с собой за Терек. В казачьих станицах Наурской, Червленной, Шелковской проходили ярмарки, где люди со всех прилегающих территорий торговали, обменивались товаром. В одну из таких поездок Мовлид увидел смолисто-черного вороного двухгодовалого жеребенка. Отец, наблюдавший за сыном, заметил, с каким восторгом, не отрывая влюбленного взгляда, смотрит Мовлид на жеребенка.

А молодой скакун и впрямь был красавцем, с изящным экстерьером. Он, высоко задрвав голову, смотрел вверх всех. Длинная волнистая грива, толстый пушистый хвост, касающийся земли. Гладкий, стройный прямой хребет, тонкие, пружинящие ноги, готовые рвануть с места, совершить прыжок, свидетельствовали, что жеребенок из элитной породы. Такой конь станет украшением любого двора! Аларо без колебаний отдал весь свой товар казаку из города Кизляра и вручил восторженному Мовлиду поводья вожака красавца скакуна.

Через год Маса¹ (такое имя дал Мовлид своему любимцу) так подрос, что многие с восхищением и завистью смотрели на чудо-коня. Рано утром Маса начинал нетерпеливым ржанием звать Мовлида. Конь соскучился, ждал хозяина. Подойдет Мовлид к стойлу, Маса опустит голову, приветствуя его. И пока хозяин не погладит его по голове, по крутой холке, по могучему, отливающимся черным блеском хребту, не поднимет он голову, не шелохнется. Мовлид выпустит Маса в выгон. Конь с радостью и азартом бежит вокруг него: то рванет с места и мигом наберет бешеную скорость, то неожиданно замедлит бег. Довольно пофыркивая, делает высокие длинные прыжки, демонстрируя хозяину свою силу, резвость и преданность. Мовлиду все это доставляло истинное удовольствие.

Соседи нередко через забор наблюдали этот не придуманный спектакль.

В утреннюю прохладу Мовлид возьмет под уздечку Маса, вышагивая впереди, пройдет по узкой сельской улице. Спустится с обрывистого, крутого берега и по знакомой тропе, петляющей среди пахучего тальника, приведет вороного на широкий душистый луг. Снимет уздечку и пустит Маса на волю. Маса, вдоволь порезвившись, набегавшись, подойдет к знакомому спуску и войдет в холодный быстрый Терек. Фыркая от удовольствия, искупается в студеной воде. Выйдя на берег, резкими движениями, встряхнет с себя сверкающие капли, протянет голову Мовлиду, который мягкой, сухой тряпкой вытрет Маса уши и глаза. И оба эти созданные для взаимной любви и жизненного удовольствия существа возвращаются домой.

В кунацкой комнате просторного глинобитного дома, крытого терским камышом, на видном месте висела сабля. Это была память о его дяде, погибшем в гражданскую войну в борьбе за установление Советской власти на Северном Кавказе. Сабля была сделана умелым мастером для сильного и смелого воина. Широкий дугообразный клинок с острым лезвием отливал матовым блеском. За многие годы на сабле не появилось ни одного пятна ржавчины. Рукоятку об-

¹ Маса – быстрый

рамлял массивный гофрированный бронзовый эфес. Хранилась сабля в богато инкрустированных ножнах.

Мовлид часто брал саблю в трепетные руки. Погладит весь клинок, протрет вялым бараньим курдюком, проверит острие лезвия и начнет делать ею круговые взмахи, на ходу перебрасывая тяжелую саблю из одной руки в другую. В такие минуты Мовлид представлял воображаемого врага. В нем зрел воин, защитник Отечества, крепло чувство личной ответственности за свою Родину. Через годы это чувство позовет его в путь. И верный конь понесет отважного офицера в дождь, снег и бурю, через реки, леса, горы и болота за тысячи и тысячи верст громить вражеские силы, уничтожать ненавистных захватчиков, мстить за поруганную родную землю, за честь своей нации. И он водрузит саблю-реликвию на поверженной вражеской цитадели, напоит своего коня водой покоренной реки Эльбы. Мовлид со своими конниками первым встретит на ее левом берегу войска союзнической армии США.

Но это будет потом. А пока юноша приучал руку к сабле, закалял свое тело и характер. Много пудов пота выжал Мовлид из Масы. Перерубил со своим верным другом Альви Мамакаевым тысячи хлыстов, тренируясь, готовясь к поступлению в Краснодарское кавалерийское училище. Мовлид с трудом уговорил секретаря сельского совета села Лаха-Невре указать в справке возраст на год старше.

Наслаждаясь упоительной прохладой темной ночи, ведя на поводу уставших, взмыленных лошадей, два друга брели к знакомому крутому берегу старого русла Терека. Некованные копыта, ступая по песчано-гравийной пыли, сливались в монотонный шорох. Чем дальше они уходили, тем светлее становилась ночь. За плечами, в ночной тишине, угрюмо маячил черный, всегда загадочный массив реликтового леса. Из далекой глуши доносился знакомый зов филина. Слева шумно, разрывая ночную тишину, накатывая, нахлестывая одну волну на другую, размывая илистые, мягкие берега, нес свои воды Терек.

Этот лес, его знакомые травянистые тропы, душистые, ароматные травы и вечно манящий своей неразгаданной, тайной притягательностью Терек, навсегда останутся в сердцах друзей, вечно влекущей мечтой будут жить в их памяти. Честь и мужской долг позовут их в военную бурю, на защиту своей Родины. И в тягостные дни отступления, и во время яростных оборонительных боев, и в безудержной погоне за поверженным врагом, и в миг водружения победного штыка на покоренной, побежденной вражеской земле теркхой всегда будут помнить свою малую родину – Теркийст. Много их ушло воевать. И многие из них не увидят свой родной дом, улицу, домашний очаг. Но два верных друга вернуться в Лаха-Невре, пусть израненные, покаленные, но сохранившие свою юношескую любовь к лесу, Тереку, крутому берегу, замшелому запаху камышовой крыши глинобитного отцовского дома.

Мовлид, слегка похлопывая по крутой холке Масы, любил произносить любимые слова из лермонтовского стихотворения:

*Он от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.*

Быстро прошли три года в кавалерийском училище. Традиционно умелые наездники, опытные, бывалые казаки-преподаватели удивлялись успехам Мовлида. Он неоднократно представлял команду училища на Северо-Кавказских кавалерийских соревнованиях, где непременно присутствовал главный кавалерист страны Семен Буденный.

Но скоро армады фашистских войск безудержной лавиной достигнут бе-

регов Дона. И на одном из военных полигонов Буденный, представитель Ставки Верховного командования, поручит молодому капитану Мовлиду Висаитову командование 255-м отдельным Чечено-Ингушским кавалерийским полком. А капитан к этому времени уже успел понюхать пороху. Для него война началась ранним утром 22 июня в окрестностях белорусского городка Равва-Русская. Он одним из первых вступил в бой с фашистами во главе эскадрона конников, и за проявленное мужество и храбрость уже на двадцатый день войны был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В непрерывных сражениях, лицом к лицу с врагом прошли воины-кавалеристы все четыре года войны под командованием подполковника Висаитова. За его строптивый характер, самостоятельность в принятии решений ему неоднократно отказывают в присвоении очередного воинского звания.

Мовлид на всю жизнь сохранит ненависть к войне, фашистам. В районе Новочеркасска его полк готовился встретить пехоту немцев. Но вдруг показались танки, которые месили бегущих в панике женщин, детей, безоружных людей. Следом двигалась пехота. Разъяренный командир из-за лесного массива двинул кавалеристов во фланг наступающей по широкой придорожной степи немецкой пехоты.

Мовлид первым ворвался в гущу фашистов. Мало кто из немцев уцелел в этой схватке. Разрозненными эскадронами, уложив не одну сотню вражеских солдат, полк покинул поле. Силы были не равны. Следом за пехотой шли танки, автомашины врага.

О подвигах командира Висаитова и успехах кавалерийского полка на донских землях узнал Михаил Шолохов, бывший в это время военным корреспондентом. Через командование Южного фронта Шолохов передал Мовлиду лучшего донского рысака, на котором кавалерист прошел тысячи верст военных дорог.

В жесточайшем сражении под Таганрогом Мовлид получил тяжелое ранение. Кавалеристы о своем командире не имели никаких сведений. Бой был неравный и тяжелый. Обезглавленный полк в том сражении понес ощутимые потери. Находящегося в бессознательном состоянии офицера подобрала немцы. Фашисты увезли Мовлида далеко от линии фронта, но вскоре, чтобы не возиться, бросили в одном из домов сожженной деревни, уверенные, что он не выживет.

Рассказывая об этом эпизоде, Мовлид и сам не мог сказать, сколько суток он там пролежал. В разорванной, твердой от запекшейся крови гимнастерке, без сапог, с зажатой в левой руке казачьей папахой, в бессознательном состоянии нашла его казачка. Почти бездыханное тело было единым окровавленным комком. Когда сердобольная женщина, оплакивая еще одного загубленного супостатом солдатика, отдавая последнюю дань покойнику, сложила его руки на груди, Мовлид открыл глаза. Будто сквозь сон он услышал:

– Ой! – воскликнула казачка, осеняя себя крестом. – Сынок, родненький, ты жив! Очнись, потерпи немного, я заберу тебя.

Казачка дождалась, пока совсем стемнеет, и с помощью десятилетней дочери перенесла Мовлида к себе в хату. Больше месяца выхаживала раненого отважная женщина. Когда раненый немного окреп, уже наступили сильные морозы. Сшив Мовлиду маскировочный халат из постельного белья, снабдив краюхой хлеба из скудных своих запасов, казачка проводила его в сторону грочающего вдалеке фронта.

После излечения в военном госпитале Висаитов возвращается в свой полк. Ему еще предстояло пройти славный путь через всю Европу. А в 1962 году, после длительных поисков, он найдет свою спасительницу в Сибири, привезет ее к своей родной нане в село Лаха-Невре и по-сыновьи, с искренней любовью, обнимет двух матерей, в разное время подаривших ему жизнь.

Командуя полком в составе кавалерийской дивизии генерала Брикеля, Висаитов всегда был в авангарде. Именно его полк в результате упорных боев первым из

советских войск вышел к берегу реки Эльбы, где произошла историческая встреча с передовыми частями американских войск.

Президент США Гарри Трумэн оценил героический подвиг Мовлида самой высокой американской наградой – орденом «Легион чести», возведя кавалериста в степень легионера. Воины, удостоенные этой чести, пользуются почетом и льготами в США. Достаточно сказать, что сам президент Соединенных Штатов обязан приветствовать легионера стоя. К этому времени грудь героя уже украшали ордена Суворова, Кутузова, Ленина, награды некоторых европейских стран.

Но самую высшую воинскую награду Отечества – звание Героя Советского Союза, к которой он был представлен дважды, Мовлид при жизни так и не получит. Причина – национальность Висаитова. Второе представление генерал П.П. Брикейль подписал 2 мая 1945 года. Позже Павел Порфирьевич вспоминал, что при рассмотрении ходатайства, увидев, что орден Боевого Красного Знамени Мовлид получил еще в июле 41-го, один из представителей Генштаба задумчиво произнес:

– Парень, видать, действительно, героический. Тогда офицеров чаще расстреливали, чем награждали, тем более такими орденами. Но, товарищи офицеры, – что подразумевается под этим «но», догадаться не трудно.

Звезду Героя в конце 80-х, уже после смерти Мовлида, вручат его сыну Сайпи. И все Притеречье будет праздновать это событие и принимать гостей из всех уголков Чечено-Ингушетии. Но самым почетным гостем в Лаха-Невре по достоинству будет военный журналист, прекрасной души человек полковник Звягельский Роман Аронович. Ибо, благодаря стараниям, настойчивости и благородству этого человека, была восстановлена справедливость.

Однако в другом ходатайстве в отношении опального подчиненного, чьи великопленные полководческие данные и личную храбрость оспорить никто не мог, и единственным недостатком которого являлась национальность, Брикейлю не отказали. В 45-м, в возрасте тридцати лет, подполковника Висаитова направляют в Военную академию имени Фрунзе.

Торжество справедливости, к сожалению, было недолгим. Уже в 46-м его отчисляют с лукавой и постыдной для властей формулировкой: «не оправдал доверия партии большевиков». Мовлид, протестуя против этнического произвола, в ярости бросает на стол начальника академии партийный билет и все награды. Дело могло принять крутой оборот. Обвинить Висаитова, посадить его, когда один за другим оказывались за тюремной решеткой генералы, маршалы, органам госбезопасности не составляло труда. Преданные боевые товарищи неимоверными усилиями отвели беду. Висаитов обращается к И. Сталину. В письме на имя главы государства, Верховного Главнокомандующего он просит восстановить его в рядах Красной Армии и в академии. Но тот же главный «ко-невод» страны, маршал Буденный, отказывает Мовлиду. Висаитов из стен Академии имени Фрунзе добровольно отправляется в город, носящий то же имя. Спецпереселенцем в Среднюю Азию.

Мовлид был в опале у властей. Но человек этот уже стал легендой. Слава о нем разошлась вместе с воинами, вернувшимися с фронта. Вайнахи, жившие тогда во Фрунзе, рассказывали, что самой большой радостью для них тогда было увидеть на улицах города Висаитова Мовлида, в форме подполковника, увешанного орденами и медалями. Этому спецпереселенцу с искренним уважением отдавали честь бывшие фронтовики, знавшие цену каждой награде на его груди. Его откровенно боялись те, кто получил свои медали за «подвиги» при осуществлении контроля за бесправными ссыльными. Десятки людей избежали незаслуженного наказания, благодаря Мовлиду.

«МСТИСЛАВА ДРЕВНИЙ ПОЕДИНОК...»

ОЧЕРК

Неразумные, если верить Пушкину, хазары занимали когда-то обширные территории, захватывая при этом и прикаспийские области Северного Кавказа. Простираясь ли столь далеко праведный гнев Олега, сказать теперь трудно. Продолжатель его мстительной исторической миссии Святослав разрушил на Дону хазарскую крепость Белую Вежу. Еще дальше в неудержимом стремлении на юг продвинулся с дружиной князь Мстислав – внук Святослава и герой задуманной, но неосуществленной поэмы Пушкина.

Напомним читателю, что первая, нечаянная поездка поэта к «пределам Азии» подарила России «Кавказского пленника». Заряд впечатлений, полученный Пушкиным под сенью Бештау и Эльбруса, не был исчерпан этой поэмой. В ее эпилоге, рисуя фантастический полет своей музы на Кавказ, он намечает круг тем, которые могли еще вылиться из-под его пера в виде новых творений:

*Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...*

В примечаниях к поэме Пушкин счел необходимым сделать пояснение: «Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. Ист. Гос. Росс. Том II.»

Последуем пушкинскому совету и обратимся к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В разделе, посвященном событиям 1022 года, историк пишет: «Через несколько лет Мстислав объявил войну касогам или нынешним черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину?» сказал он Мстиславу: «одолей меня, и возьми все, что имею: жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь богородицу – низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство княжеское и наложил дань на подданных».¹

МАРКЕЛОВ Николай Васильевич (род. в 1947 г.). Главный хранитель Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Автор восьми книг, каждая из которых являет поистине уникальное по глубине, характеру и убедительности авторское исследование. Лауреат премии журнала «На боевом посту» (1995); премии имени Германа Лопатина (1998); премии губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2004). Награжден медалью Лермонтова Российского Лермонтовского комитета, Золотой медалью Международного фонда имени М.Ю. Лермонтова.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 2. Гл. 2. С.11

Но вот что удивительно, почти мистика! Имя Висаитова чудесным образом приходило на помощь в самых неожиданных ситуациях. Вот два случая, услышанные автором этих строк из уст непосредственного участника и очевидца.

В 60-е годы я работал на нефтяных промыслах Южно-Сухокумска в Дагестане. Участник Великой Отечественной войны Абу-Муса был призван в армию из Хасавюрта, и как чеченец попал в кавалерийский полк Висаитова. Полк держал оборону на берегах Дона. В одном из окопных разговоров Абу-Муса имел неосторожность высказать недовольство по поводу плохого вооружения и обеспечения бойцов полка. Через несколько дней чекист в черной кожаной куртке снял его прямо с боевого задания, разоружил и привел в штаб Висаитова. Узнав, в чем дело, Мовлид выхватил маузер, под угрозой расстрела разоружил особиста и без табельного оружия выпроводил из расположения части, дав понять, кто полком командует. Так была спасена жизнь Абу-Мусы.

В санатории под Москвой бывший заключенный, еврей по фамилии Рипсман, рассказал случай из своей зековской жизни.

В 1946 году в лагере под Магаданом, где он сидел, произошла крупная драка между заключенными. Десятки чеченцев и ингушей во главе с Сайди Сайдулаевым решили расправиться с лагерными урками, уголовными авторитетами, которые открыто издевались над политзеками. Вайнахи взяли верх. Сайди под конвоем привели к начальнику лагеря. Когда он узнал, что Сайди чеченец, начальник спросил, откуда он.

Сайди рассказал, что он из села Нижний Наур (Лаха-Невре), что на Тереке. А срок он получил в Караганде, работая на шахте. Начальник поинтересовался, знает ли он Висаитова Мовлида.

– Мы с Мовлидом односельчане. Я его отлично знаю и помню, – был ответ.

Начальник задумался ненадолго. Видно было, что память увела его в прошлое. Заключенные были удивлены, когда вскоре Сайдулаев вернулся в камеру, а не попал, как все ожидали, в шизо. Начальник не только не наказал Сайди и его земляков. Они стали ему хорошими помощниками в поддержании дисциплины в лагере.

– Не знаю, что уж там было, но и все вайнахи и я как друг Сайди, долго пользовались снисхождением и некоторыми льготами в лагере, – рассказывал Рипсман. – Видать, где-то на крутых фронтовых дорогах схлестнулись пути нашего начальника лагеря и вашего героического земляка. И встреча эта оставила глубокий след в памяти этого сурового человека, если одно его имя имело на него такое магическое действие.

Воинское достоинство, национальные чувства этого поистине легендарного, безоглядной храбрости, всеми почитаемого, заслужившего особую любовь народа человека, были до конца жизни омрачены черной неблагодарностью властей. Но Мовлид Висаитов всегда оставался непреклонным, бескомпромиссным, самостоятельным, вольным и свободным. Его именем названы предприятия, улицы, школы. В память Мовлида матери дают его имя своим сыновьям.

Теркйист, 2002 г.

Здесь Карамзин передает события так, как они изложены в первом общерусском летописном своде – «Повести временных лет», составленном на основе более ранних летописей, преданий, повестей и сказаний – исторического, а иногда и сказочного характера. «Повесть» приводит еще и ту подробность, что Мстислав, обратившись в роковой миг к помощи Богородицы, обещает построить церковь во имя ее. («О пречистая богородице! помози ми; аще бо одолю сему, съзижу церковь во имя твое»). Одержав верх в поединке, князь выполнил свое обещание («И пришедь Тмутороканю, заложи церковь святяя богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани»).¹

Также и безвестный автор «Слова о полку Игореве» отдал дань памяти «храброму Мстиславу, иже зареза Редедю предъ пълкы касожькими».

Расскажем подробнее о русском витязе, будившем поэтическое воображение Пушкина.

Мстислав Храбрый (или Удалой) – внук киевского князя Святослава, сын Владимира Святого и младший брат Ярослава Мудрого. Получил в княжение Тмутаракань и в 1022 году совершил поход «на касоги», который и окончился счастливым для него поединком с касожским князем Редедю. В 1023 году, по словам летописца, «поиде Мстислав с козары и с касоги на великого князя Ярослава»² (козары – хазары, а касогами русские летописи называли черкесов). Под Лиственном (недалеко от Чернигова) на берегах реки Руды он разбил своего старшего брата Ярослава, но потом заключил с ним соглашение, по которому оставил за собой все земли к востоку от Днепра. «Искреннее согласие двух государей российских, – сообщает Карамзин, – продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостью к народу и любовью к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что «государь не златом наживает витязей, а с витязями злато». Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденными, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богородицы в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был чермен лицом и дебел телом; имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя».³

Известно также, что Мстислав с дружиной совершил два военных похода в Закавказье – в Ширван. Спустившись на ладьях по Куре и вдоль берега Каспийского моря, он достиг стен Баку, однако крепость взять не смог.

Имя касожского князя Редеди встречается в русских летописях. В Родословных книгах сказано, что Мстислав, убив его, взял двух его сыновей, крестил и назвал одного Юрием, а другого Романом. За последнего выдал свою дочь. Так кровь Редеди, пролитая некогда Мстиславом, смешалась с кровью русских князей и бояр.

Теперь обратимся к источникам противоположной стороны – в данном случае к «Истории адыгейского народа» кабардинского просветителя и поэта Шоры Ногмова. Предварительно же скажем несколько слов об этом замечательном человеке, что нам представляется не лишним, поскольку существует предположение

о его личном знакомстве с Пушкиным. Кроме того, высказывалось и еще более смелое суждение, что именно Ногмов послужил прообразом пушкинского Тазита. Год рождения его точно не известен, исследователи расходятся во мнениях от 1794 до 1801 года. Место рождения – родовой аул на реке Джуге в окрестностях Пятигорска. Отец Шоры в довольно сложной словесной системе кабардинцев считался «урком», то есть узденем второй степени или, по нашим понятиям, мелким дворянином. Первоначальное мусульманское образование Шора получил в медресе дагестанского селения Эндери, где познакомился с основными восточными языками. Некоторое время исполнял обязанности муллы в родном ауле, но вскоре отказался от духовной деятельности, предпочтя службу переводчиком в 1-м Волжском полку.

В дальнейшем Шора жил в Аджии-Ауле близ Бештау, а в 1828 году переехал с семьей «из-под Бечтовых гор» в Кармово на Малке (ныне Каменномогостское). Потом два года учительствовал в школе аманатов (детей-заложников) в Нальчике. Последующие события круто изменили его жизнь: с 1 апреля 1830 года Ногмов числится оруженосцем (т.е. рядовым) лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона в Петербурге. Для характеристики этого особого отряда приведем выдержку из книги В.Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев, 1913): «В 1828 году был сформирован, по высочайшему повелению, лейб-гвардии кавказско-горский полуэскадрон из высших представителей кавказских горцев. Главную целью учреждения полуэскадрона было, конечно, создать известную своеобразную обстановку при государе. Но учреждением полуэскадрона из горцев преследовались и некоторые просветительные цели. Имелось в виду, что горцы, после пребывания в Петербурге, понесут культуру и на родину».¹

Ногмов, разумеется, не первый кабардинец на русской военной службе. Так, князь Измаил Атажуков был полковником, а черкес Султан Казы-Гирей (сослуживец Шоры по Кавказскому полуэскадрону и автор двух повестей, помещенных Пушкиным в «Современнике») достиг звания генерал-майора. Сам Ногмов военной карьеры не сделал. Участвуя в польском походе 1831 года, имел отличия, а в феврале 1832 года получил первый офицерский чин корнета. Еще через три года был переведен в Отдельный Кавказский корпус поручиком кавалерии и служил сначала в Тифлисе, а потом пять лет в Нальчике секретарем кабардинского временного суда. С увольнением от этой должности в 1843 году был произведен в штабс-капитаны.

Скажем несколько слов и о наградах Ногмова на русской военной службе. Иногда можно прочесть, что за польскую кампанию он был удостоен ордена святого Георгия. Это не совсем верно: как нижний чин он не имел права на такую награду и получил не орден, а знак отличия военного ордена, то есть солдатский Георгиевский крест. Тогда же, как и все другие участники подавления Польского восстания, Ногмов был награжден и знаком отличия ордена военного достоинства (5-й степени), представлявшим собой такой же серебряный крестик. Биограф Шоры А.П.Берже сообщает и о награждении его в 1834 году золотой медалью на Анненской ленте с надписью «За усердие». Для точности добавим, что это, скорее всего, медаль «За усердную службу», учрежденная еще в царствование Александра I для награждения знатных представителей национальных окраин империи. Впоследствии еще и командир Кавказского корпуса Г.В.Розен пожаловал Ногмову золотые часы.

Трудолюбие и усердие Шоры по службе не раз отмечалось начальством. Внутренний же смысл его жизни и главное направление его умственной деятельности заключались вовсе не в служебной карьере. В Петербурге он углубил свои познания в различных языках, работая над осуществлением своей заветной мечты – созданием первой кабардинской грамматики. «По приезде в Петербург на службу, во

¹ Гудзий Н.К., сост. Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков. М., 1947. С. 98

² Полное собрание русских летописей. Петроград, 1921. Т. 24. С. 50

³ Карамзин Н.М. Указ. соч., С. 13-14

¹ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. С. 93-94

мне с большой силой пробудилось давнишнее мое желание – написать грамматику...»¹, – признавался он. В Тифлисе Шора познакомился с академиком-лингвистом А.М. Шегреном, и их занятия языками продолжались к обоюдной пользе. Он создал кабардинский алфавит на основе русской, а потом арабской графики и написал «Начальные правила кабардинской грамматики».

Известно, что Ногмов работал и в стихотворных жанрах. «...Ногмов – сам страстный поэт, – занес в свой дневник академик Шегрен, – так что он занимается у меня большей частью стихами, отчасти собственного произведения, отчасти переводами с русского».² Шора переводил на кабардинский язык русских и арабских поэтов, но его поэтические произведения в письменном виде почти не сохранились (кабардинская письменность была создана только в советское время).

Главный труд Ногмова, его «нерукотворный памятник» – это знаменитая «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев». В 1844 году Шора предпринял новую поездку в Петербург, чтобы представить свои завершённые работы в Академию наук и издать их, однако этим планам не суждено было осуществиться: в столице Ногмов тяжело заболел и вскоре скончался. Могила его осталась неизвестной.

«История адыгейского народа» есть, как сообщает Краткая литературная энциклопедия, «результат глубокого изучения жизни, исторических преданий и песен кабардинского народа с древнейших времен и до конца 18-го века». Впервые книга увидела свет в 1861 году в Тифлисе и вышла под редакцией и с предисловием выдающегося кавказоведа Адольфа Петровича Берже, тиражом всего лишь в двадцать экземпляров. Одна из этих бесценных реликвий хранится ныне в книжном собрании пятигорского Лермонтовского музея. Впоследствии труд Ногмова не раз переиздавался, в том числе и в 1891 году в Пятигорске – сыном писателя Ерустаном. В советское время осуществлено издание и на кабардинском языке.

И еще об одном. Заканчивая биографический очерк о Ногмове, академик Берже оставил авторитетное замечание: «Рассказывают еще некоторые кабардинцы, лично знавшие его, что он познакомился с Пушкиным, во время бытности его в Пятигорске; что Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и что поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский...».³ Эта многозначительная и как будто недосказанная, оборванная многоточием фраза повлекла в дальнейшем череду новых предположений и догадок. Повторяя вслед за Берже эти слова с большей или меньшей степенью уверенности, авторы расходятся в определении даты этой возможной встречи (1820 или 1829 годы – время пребывания Пушкина на Кавказе), а иногда предлагают уже новое ее место – Петербург. Более того, самые смелые называли Ногмова и прообразом пушкинского Тазита (по-видимому, чеченца, отступника горских обычаев), не находя, увы, никаких документальных подтверждений всех этих фантастических версий. В интересной книге И.В.Трескова приводятся изустные предания кабардинцев о пребывании Пушкина в Кабарде, в том числе и такие сведения, что «переводчиком у него был сам пши Хатокшоко».⁴ Пши Хатокшоко – это князь Атажуков и, по всей вероятности, Измаил Атажуков – старший современник Ногмова, известный персонаж кабардинской истории. Он на самом деле был проводником (отчасти и переводчиком), но только не у Пушкина, а у доктора Ф.П.Гааза, которого любезно познакомил с целебными железными ключами у склонов Бештау. К тому

¹ Ногмов Ш.Б. Предисловие к грамматике, 1840 года. – Цитирую по книге: Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. – Нальчик, 1978. С. 70

² Хакаушев А.Х. Адыгские просветители. – Нальчик, 1978. С. 70

³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Тифлис, 1861. С. 12

⁴ Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. – Нальчик, 1978. С. 144

же, задолго до приезда Пушкина на Кавказ, этот самый пши Хатокшоко погиб при невыясненных обстоятельствах.

Иногда выдвигается мнение и о знакомстве Ногмова с М.Ю. Лермонтовым – в том же Пятигорске в 1825 году. Да, по обстоятельствам жизни это могло бы и произойти, но не будем забывать, что гениальному мальчику тогда исполнилось всего лишь десять лет!

Более справедливым нам кажется все же суждение, что встреча Шоры в Пятигорске с кем-то из наших главных поэтов – не более чем легенда, возникшая, однако, на реальной основе: на Водах Ногмов, действительно, познакомился с русским поэтом и вел с ним филологические беседы. Это был Степан Дмитриевич Нечаев (кстати сказать, петербургский знакомый Пушкина), поместивший в 1826 году на страницах «Московского телеграфа» свои заметки о пребывании на Кавказе, отрывок из которого мы предлагаем вниманию читателя:

«Со введением магометанства черкесы пишут на своем языке арабскими буквами. Недостаток их для выражения всех звуков языка черкесского, обильного носовыми и гортанными складами, заставляет желать, чтобы для кабардинских племен изобретена была особая азбука. Один из узденей, занимающийся разным торгом на Горячих водах, известный всем приезжим *Шора*, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания. Одаренный счастливыми способностями, сей молодой человек успел выучиться – сколь можно в здешнем краю – пяти языкам, кроме природного: арабскому, который по справедливости считается на Востоке не только священным, но и ученым; татарскому или турецкому, который от древнего монгольского владычества, не менее от позднейшего распространения суннитского вероисповедания, в таком же всеобщем употреблении между кавказскими племенами, в каком теперь французский язык в Европе; абазинскому, в котором, вопреки некоторым ученым, не находит кабардинский филолог никакого сходства с черкесским; персидскому и русскому... По издании азбуки, он хотел заняться правилами грамматическими и переводами с арабского разных нравственных книг для чтения. Будучи предан русской державе и доказав свою верность участием в наших экспедициях и проч., он сочиняет иногда небольшие поэмы в славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как чрез изустное предание и медленное изучение на память. По введении собственной грамоты легче будет рассеять в Кабарде и даже за Кубанью благонамеренные писания, которые конечно могут послужить к смягчению нравов диких наших соседей, хотя скудная и непроходимыми горами пересекаемая их отчизна, долго еще полагать будет преграды к соединению взаимных выгод общим миром».¹

Один проезжий иностранец, общавшийся с Шорой в Нальчике, сделал наблюдение: «...он говорит и пишет по-персидски, по-турецки, по-татарски и по-русски с одинаковой легкостью; у него приятно лицо и прекрасные манеры».² Военные документы сохранили беспристрастное и более детальное описание, там говорится, что Ногмов «лицом бел, рябоват, глаза светло-русые, нос посредственный, волосы на голове и бровях черные».³ Насколько все это сходится с истиной, судить теперь трудно, так как никакого изображения внешности Ногмова, по-видимому, не осталось, а публикуемые в наше время его портреты представляют собой, вероятно, лишь условную реконструкцию облика. Творения же Ногмова не утратили своего значения и по сей день, навсегда обеспечив автору почетный и заслуженный титул «Нестора кабардинской истории».

¹ Нечаев С.Д. Отрывки из путевых записок о юго-восточной России // Московский телеграф. 1826. ч. 7. С. 35-36

² Тресков. Указ. соч., С. 34

³ Там же, С. 37

В своем труде Шора поведал о походе адыгейских племен на Тамтаракай (Тмутаракань). О столкновении своих дальних предков с дружиной Мстислава он сообщает следующее:

«Тамтаракайцы вышли к ним навстречу со своим ополчением: когда обе армии сблизилась, Редедя, по обычаю тогдашних времен, захотел решить участь войны единоборством. Он стал просить у тамтаракайского князя бойца и говорил ему: «...чтобы не терять с обеих сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать дружбы, одолей меня и возьми все, что имею». Князь Тамтаракайский решился и не стал искать в своем войске единоборца, а пошел сам на вызов великана. Противники сняли с себя оружие, положили его на землю и начали борьбу, продолжавшуюся несколько часов. Наконец Редедя пал, и князь поразил его ножом. Происшествие это прекратило войну, и адыгейцы возвратились в отечество, более сожалея о потере лучшего воина, чем о неудаче предприятия».¹

О самом Редее говорится, что «не было в адыгейском народе никого, кто бы мог устоять против силы Редеди; почему современники прославили его в следующей песне: ой, Ридадя, о Ридадя махо ореда, о Ридадя махо! – т.е. «Редедя, Редедя, многосчастливый Редедя!» Эту песню и ныне поют во время свадьбы, жатвы или сенокоса, когда народ бывает в сборе».²

Исторический труд Ногмова, составленный по преданиям кабардинцев, издан полтора века тому назад, однако свадебный припев, о котором он пишет, можно услышать у горцев и в наши дни, а иногда в несколько искаженном и упрощенном виде (о, райда, райда) и у русскоязычного населения Северного Кавказа. Но не все здесь так просто. То, что в нем звучит имя Редеди, не раз ставилось под сомнение, равно как и сам рассказ Шоры, что кабардинские предания сохранили память о давнем поединке. Считали, что Ногмов излагал события слишком близко к русским летописным источникам, и версия о том, что «черкесы помнят о Редее, не более, как миф, – результат простого недоразумения: неверного истолкования припева к свадебным песням» (Н.С. Трубецкой).³ Другие же склонялись к правоте кабардинского историка и в звуках припева слышали прорвавшийся сквозь толщу столетий отголосок реальных событий, разыгравшихся когда-то у склонов Кавказа.

Спустя несколько лет после гибели Редеди, как повествует Ногмов, адыгейцы собрали большое войско, подкрепленное шестью тысячами оссов (осетин), и после упорной борьбы овладели Тамтаракаем. Захватив богатую добычу и множество пленных, они вернулись домой. С той поры у адыгейцев существует пословица: «Да будет тебе участь Тамтаракая». Еще говорят, бранясь: «Будь ты Тамтаракаем!»

Но вернемся к поэтическим замыслам Пушкина. «Преданья темной старины» имели над поэтом несомненную власть. Имя Мстислава (как возможного героя поэмы на исторический сюжет) он упомянул еще раз – в письме от 23 февраля 1825 года к Н.И.Гнедичу, завершившему в то время перевод «Илиады» Гомера: «...Отдохнув после «Илиады», что предпримете Вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от Вас эпической поэмы. Тень Святослава скитается не воспетая, писали Вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту». (Последняя фраза представляет собой измененные слова из «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина: «История народа принадлежит царю»).

¹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Тифлис, 1861. С. 79

² Там же, С. 78

³ Трубецкой Н.С. Редедя на Северном Кавказе // Этнографическое обозрение. – М., 1911. № 1-2. С. 229-238. (Цитирую по книге: Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. – Нальчик, 1963. С. 214)

К этому времени Пушкин уже написал «Повесть о вещем Олеге», сюжетом которой послужил летописный рассказ, почерпнутый поэтом в первом томе той же «Истории...». Успех поэмы «Руслан и Людмила», воскрешающей «дела давно минувших дней», а потом и ошеломляющий успех «Кавказского пленника», открывшего читающей России «великолепные картины» Кавказа, – все это могло подтолкнуть Пушкина к мысли объединить историческую тему с кавказской в пределах одного поэтического сюжета, и выбор здесь пал именно на Мстислава. К тому же, как замечает исследователь, «...бой Мстислава с Редеей... привлек внимание Пушкина потому, что произошел на севере Кавказа, в местах, которые посетил он в 1820 г.»¹

В 1822 году Пушкин сделал наброски плана новой поэмы, как бы очертив еще не ясные контуры будущего сюжета, заставляющего вспомнить некоторые ситуации и мотивы «Руслана и Людмилы». Действие начинается в Киеве, когда князь Владимир делит Россию на уделы. Дальше же идет волшебная, приключенческая сказка, финал которой (как и в «Руслане») возвращает нас к событиям, близким к исторической реальности, – набегу печенегов.

Мстислав же «увлечен чародейством в горы Кавказские»: в него влюбляется царевна косоогов и увлекает его в сражении за собой под видом косога, убившего его друга. В сущности, Пушкин отходит от замысла о реальном единоборстве Мстислава, в набросках плана нет даже имени Редеди, а сфантазированный поединок происходит с косоожской царевной-оборотнем. В сюжет вплетается линия Ильи Муромца, встречающегося со своим сыном.

Трудно судить о том, что из этих отрывочных набросков получилось бы в окончательном варианте; твердо мы знаем лишь то, что замысел о Мстиславе не был осуществлен. Поздним отголоском его можно, видимо, считать строки «Сказки о золотом петушке», повествующие о походе Дадона в горы:

*Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер...*

Призрак удачливого и храброго князя тревожил воображение и других поэтов. В 1823 году в «Полярной звезде» Кондратий Рылеев поместил свое стихотворение «Мстислав Удалий»:

*Как тучи с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел...*

Поэма о «древнем поединке» князя Мстислава – не единственный из неосуществленных или неоконченных замыслов Пушкина о Кавказе. Среди них поэма «Тазит», замыслы о русской девушке и черкесе и роман на Кавказских водах. Даже не воплощенные, они остаются свидетельством активного художественного освоения огромного пространства – новых южных провинций России, когда, по выражению Белинского, «с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страшно кипучей жизни и смелых мечтаний!..»

¹ Томашевский Б. Пушкин. Книга первая (1813–1824). – М.–Л., 1956. С. 473

ЮЛИЯ ТАМКОВИЧ-ЛАЛУА

Автор публикуемых воспоминаний – Юлия Тамкович-Лалуа, выпускница Пятигорского государственного лингвистического университета, живет и работает во Франции, но связь с Россией не теряет. Давняя любовь к слову выливается в короткие рассказы, небольшие новеллы, эссе, воспоминания. В них живут чувства, почти осязаемое ощущение времени, ярко выписанные образы.

БАКУ

Закрываются сонные глазки. Уютно сжимаются маленькие кулачки.

*Спи моя радость, усни,
В доме погасли огни...
Птички уснули в саду,
Рыбки уснули в пруду...*

Мирно подрагивают длинные светлые реснички. Личико овеяно таким спокойствием, что взрослым и не снится.

Спи, мой детеныш, спи мой сын. Я осторожно положу тебя в кровать, укурою и тихонечко выйду из комнаты. Писать для тебя сказку. О том, что уже было.

Баку – столица Азербайджана. Жаркий климат. Каспийское море. Девичья Башня. Что еще? Пожалуй, Нагорный Карабах... А еще? Страна, бывшая когда-то республикой. Еще?..

Я открываю дверь из дома в сад, и ослепляет солнце. Сосредоточенно спускаюсь по ступенькам – надо не упасть. Топаю по дорожке и подбираю засохшую

вишню. Она упала с дерева и уже несколько дней лежит на земле, сморщенная, такая маленькая, твердая и ароматная. Она почти черная и очень сладкая. Я это знаю – и сую вишню в рот.

Дальше – кусты помидоров, серая огромная облезлая змея, через которую я перешагиваю быстро и с опаской. Это шланг, из которого дедушка вечером поливает сад, чтобы легче засыпалось в жару. Вот табуретки, а на них противни с пастилой. Это вкусно, кисленько и одновременно сладко. Пастила сначала жидкая, липкая, но если ее не трогать, становится твердой и так пахнет! Тонкие, сухие пластинки я не очень люблю, а вот толстые, скатанные рулетиком, мягкие – объеденье!

А еще везде растут розы, они тоже вкусно пахнут, но у них иголки. Как у малины, красные ягоды которой повисают над головой. Мне нравятся с ними разговаривать: вот эту я съем, вот эту пока оставлю, а эта еще зеленая. Зовут домой. А меня не видно! Я потерялась. В этой малине нет дорожек, все царапается и нельзя идти быстро. Иногда пугают лягушки, попадают слизняки и большущие, в разводах, красивые улитки. И, вообще, зачем выходить из зарослей, когда здесь висит еще одна малинка?

Жарко. Жужжат мухи. Ой, ну вот, ягодка упала и потерялась! Обидно! Заплакать? Везде зеленые листья и колючие ветки. А вот дырка в зарослях, через нее видно паутину и яблоки. Значит, там дерево и дорожка, и баня, и калитка к соседям. Я нашлась! И снова яркое небо и солнечные пятна на квадратных плитках дорожки.

Я у дедушки с бабушкой в Баку. Мне три года.

Ты запищал, проснулся, мой сладкий, кривишь рожицу и стараешься захихнуть в рот целых три пальчика сразу. А потом вдруг улыбаешься и неловко сгребашь маленького плюшевого мишку, тянешь в рот его замусоленное ушко и снова улыбаешься.

*Куда уходит детство?
В какие города?..*

Мое не уходило. Оно просто навсегда осталось в Баку. В том доме, во дворе которого с деревьев падали огромные белые и черные ягоды тутовника, а землю устилали нежные розовые, пахучие лепестки цветущего персика. Из них хорошо делать компот для кукол. Терпеливо заталкивать лепестки в бутылочку, залить водой, завинтить крышку, а потом потрясти и смотреть, как кружится внутри розовый хоровод.

В саду, в надувном бассейне, можно было ловить красных пупырчатых пластмассовых рыбок с алюминиевыми носами «настоящей» намагниченной удочкой. Или играть с соседской девочкой, когда та приезжала на каникулы. У нее жила кукла Алenuшка. Иногда мне разрешалось оставить куклу у себя на ночь – со всеми одежками!

Баку – это еще и парк через дорогу с высоким забором из кипарисов. Там слева – памятник, вокруг которого хорошо «наворачивать» круги, собирая в карманы сосновые шишки и маленькие кипарисные шарики. Где-то там еще павильон с качелями-автоматами. Сначала надо вскарабкаться на узкую подставку, с нее залезть в самолет, схватиться за руль, а потом бабушка бросит монетку. Зажгутся огоньки, завоет сирена и все закрутится. А в глубине парка – летний кинотеатр, белая кирпичная ограда «в дырку» вдоль асфальтированной дорожки и мужчины, играющие в домино за столами, а с ними мой дедушка...

* * *

Падают на пол погремушка, а губки вытягиваются в трубочку, и старательно произносят свое «Уу-у». Ты лежишь в детском кресле-качалке и машешь ручками. В какой-то миг ладошки складываются вместе, и ты удивленно разглядываешь это чудо большущими, все еще голубыми глазами. А я долго смотрю на тебя. Тебе всего три месяца. Какая же ты еще кроха!

* * *

Баку – это море. Там всегда очень жарко, и берег усыпан ракушками, они колются, когда по ним идешь. В море – маленькие крабы и медузы. Я их всех боюсь.

Море далеко, к нему надо ехать на круглоголовом автобусе. Входить в первую дверь и кидать копейки водителю на расстеленную на капоте тряпочку, а потом долго стоять, иногда сидеть, и смотреть в окно на проплывающие мимо ворота пионерских лагерей, считать нефтекачалки, которые скучно наклоняются вверх-вниз, вверх-вниз и никогда не останавливаются, как будто их наказали. От их нудных наклонов становится тоскливо. Вверх-вниз, вверх-вниз. Медленно и монотонно. Безысходно, бесшумно, неумолимо. Жарко, душно, пахнет нефтью и людьми. Мне уже плохо. Где же эта спасительная синяя полоска?

Наконец автобус останавливается. Все вываливаются из него, и надо идти между спин, животов, волосатых ног и теток в огромных трусах. Под длинным навесом давно нет места, а на солнце так печет, что уже не хочется моря. На расстеленных полотенцах люди едят яйца, помидоры и бутерброды. Бабушка просит кого-то подвинуться, чтобы хоть голову спрятать под навес, а у меня уже мурашки в глазах. Пить! Дайте воды!..

* * *

Как доверчиво ты прижимаешься ко мне. Как умильно сопишь и деловито причмокиваешь, положив кулачок мне на грудь. Тоненькие шелковые волосики, светлые реснички, круглые щечки. Скоро ты прыгнешь с рук и пойдешь в свое детство первыми робкими шажками.

*Я сама была тако-ою
Триста лет тому назад?..*

* * *

Да, Баку – это море. Море любви. Только я еще этого не знаю. Просто есть бабушка и дедушка. Бабушка шьет мне розовое гипюровое платье, а потом еще одно – голубое, а дедушка привязывает к дереву сочную грушу (я точно не захочу ее просто с тарелки).

По утрам дедушка бежит на базар, а бабушка спрашивает, чего я хочу, и специально режет курицу полосочками, и я снова капризничаю, ведь «полосочки» – это волокна белого куриного мяса, а бабушка не поняла...

Бабушка берет меня в гости к знакомой, там пускают поиграть в сарай – настоящий кукольный домик, где есть посуда и печка. На обратном пути в книжном магазине долго выбираю открытку с Буратино, кладу на блюдечко три копейки. Мы выходим на улицу, и вдруг – такое событие! Оказывается, открытки слиплись и их целых две!..

С открытками в руке идем к фонтану. Там, на дне, мозаикой выложены крокодил и еще что-то морское. Воды в фонтане нет, и дети выковыривают разноцветные камешки. Я тоже хочу блестящих зеленых кругляшек для своего «богатства».

Дома встречает ароматный запах долмы, который льется с соседского двора,

где живет большая армянская семья. У них рычащая собака, большой стол на улице и вьющийся под крышей виноград. Нас зовут к столу, но мы не голодны.

Иногда днем за тем же столом взрослая дочка соседки украшает торты кремовыми розами и завитками, как в магазине. Я знаю, что она делает их на заказ. Мы, соседские дети, сидим замороженно, открыв рты, ждем своей очереди облизать пустой корнетик. Маленькие девчонки бегают вокруг стола. Маленькие? Значит, я уже большая? Наверное, мне уже семь. Когда на день рождения мне подарили «большого Лешу», мама сказала, что хватит кукол, осенью – в школу.

* * *

Мой Баку... Это когда все еще живы, здоровы и все у всех хорошо. Когда лавровый листик для супа не надо доставать из банки ломким и сухим. Он, блестящий, свежий, растет на дереве в саду. Когда дорожный инжир ничего не стоит, потому что висит рядом на ветке. Это и зеленый фейхоа с немного клубничным вкусом – фрукт или ягода?

Баку... Это город солнечного детства, куда привез меня ставропольский поезд двадцать пять лет назад.

16 февраля 2005 г.

НОВЫЙ ГОД

Сначала не было ничего. Вернее, родители получали на работе положенные мне подарки и съедали их сами. Потом, года в два, мельком произошло знакомство с огромным лохматым дядькой. У него была желтовато-белая кудлатая борода, усы, толстая длинная синяя шуба, грозная палка с шишкой, и все говорили, что он очень добрый, что надо подойти к нему ближе, что сейчас вылетит птичка. И было страшно, дошло до рыданий, фотоаппарат щелкнул, а птичка, видимо, застряла внутри...

А дальше пошли утренники в детском саду с хрустящими подарками в виде огромных конфет-хлопушек, Дедом Морозом и Снегурочкой, немного похожими на воспитательниц. Раз, два, три, Елочка – гори!.. Помню год, когда очень хотелось быть снежинкой, но по сценарию дали выучить «стих». И вот она я: круглый, собравший в розу, капроновый бант на макушке, белые гольфики, чешки и светло-зеленое, обы-кно-вен-ное нарядное платье с кружавочкой. А в белых пачках на носочках танцуют другие девочки...

Новый год – вечная смесь радости и обиды, ожидание волшебства и.. разочарование. Но, как бы то ни было, это та сказка, в которую, веришь. Сначала, ребенком, веришь беззаветно: ждешь «завтра», чтобы скорее проснуться и первым оказаться под елкой. Постарше, от скуки в верхнем ящике шкафа-стенки, под ворохом белья «случайно» находишь подарки от «Деда Мороза». Ну а потом и совсем взрослеешь, смеешься, вспоминая досаду при виде грязных следов от сапог неуловимого Деда (вот опять он приходил, а меня не разбудили!). И уже ни во что не веришь наивно, но все же немножечко, слегка...

* * *

В начальной школе на уроках труда мы дружно клеили гирлянды–цепочки из цветной бумаги. Когда в актовом зале появлялась украшенная сосна, часто отпрашивались «на минуточку» полюбоваться пушистой красавицей.

Перед самыми зимними каникулами, нарядные «ашники» и «бэшники» брались за руки под музыку. Робот с серой картонной головой, пират с гуашевыми усами и саблей из фольги, белые, розовые и нежно-голубые принцессы в коронах и вуалях и я – в костюме цыганки. Эти широкие цветастые юбки, звенящий настоящими продырявленными копейками жилет, красный газовый платок на голове и десяток ярких ожерелий (от тонких ниток мелкого блестящего бисера до тяжелых бус из овальных бордовых косточек кизила).

После хороводов, загадок и игр Дед Мороз, путаясь, вручал свёртки из двух разных мешков (каждый родительский комитет старался отдельно), и все разладившимися парами возбужденно возвращались по классам, где готовилось чаепитие с тортами.

Дома рисовали-вырезали снежинки из белых салфеток. Вместе с мамой клеили бумажные шары-«шишки» и «плевали» в потолок «дождиком». Накрутишь кусочек ваты на полоску «дождя», поспешишь, замахнешься, подпрыгнешь, изо всей силы подбросишь его вверх. Готово! Утром откроешь глаза: тихо, все еще спят, и... радостно ёкает сердце: Новый год ведь! С потолка, беззвучно покачиваясь, поблескивая, свешивается дождь.

На лоджии к празднику припрятаны мандарины, а на балконе стоит, связанная веревкой елка. Ее спрятали так, чтобы из кухни не было видно, но одна веточка все же торчит в окно, выдавая тайну.

На следующий год мы уже выбираем елку вместе с родителями на лесоскладе. Там елки-палки стоят рядами, и к вечеру все больше палок. После долгого толкания в толпе, составляем нашу зеленую красавицу из двух ущербных – одной плоской на правый бок и одной облезлой на левый. От конечной остановки в уже полном трамвае едем с десятком других «мохнатых», торчащих между головами пассажиров. Меня прижимают к окну, справа колетса и пахнет чужая елка. В заиндевавшем стекле просматриваются пушистые красавицы на балконах домов.

Елочные игрушки хранятся дома высоко на шкафу в двух картонных коробках. Вот тонкий розовый с узорным напылением колокольчик. Две шишки из петель дождя и такой же фонарик. Любимая мышка, стеклянная, серебристого цвета с красными ушами из поролон. Как я по ней соскучилась! Вот связка шариков, в оранжевой сосульке блестит тонкая канителька. У высокой пупырчатой корзиночки с розами сбоку трещинка и дырка, видны усики железки, к которой крепится нитка. А вот этот домик с заснеженной крышей я повешу рядом с пенопластовым пингвинчиком с желтой спинкой. Большой тяжелый голубой обтекаемой формы колокол – поближе к его братику, розовому. И когда все шары со снежинками будут развешаны и морковного цвета звезда из тонких стеклянных трубочек украсит верхушку, останется только распутать электрическую гирлянду и поставить под елку пластмассового Деда Мороза в пухлых бумажных рукавицах и розовым кушаком из гофрированной бумаги.

Есть еще одно любимое новогоднее занятие – сортировка конфет. Сначала надо собрать все подарки – тот, что из школы, плюс те два с маминной и папиной работы, еще подарок из театра. Высыпаем на диван все мешки, отбираем вафли, печенье и яблоки, раскладываем кучками карамель и шоколадные, леденцы, ириски и гулливеры. Делим их на вкусные и не очень, следим, чтобы младшая сестра не смешала со своими. А потом начинаем пробовать!

* * *

К вечеру тридцать первого на кухне пахнет салатом «оливье», открывается баллон маринованных помидоров и банка огурцов. На улице метет, а на плите в кастрюлях что-то бурлит, шипит и позвякивают крышки. По радио поздравляют и поют про «три белых коня». Телевизор давно включен, там по первой программе «С легким паром», а по второй «Карнавальная ночь». Стол раздвинут, и уже можно

ставить тарелки с золотыми каемочками, протирать полотенцем серебряные вилки, доставать дымчатые стопки, узорчатые хрустальные бокалы и высокие стаканы. Из картошки валит густой пар, ее только что сняли с огня.

* * *

Так было в восьмидесятых. А в девяностых дети выросли, доходы упали, настроение праздновать, ходить и звать в гости уменьшилось.

Вместо настоящей стали ставить маленькую пластмассовую елку и, скорее, не по желанию, а по привычке. Также, из чувства долга, отправляли все более редкие поздравительные открытки, где вместо «С Новым годом! С новым счастьем!» писали: «денег-здоровья» и вспоминали злободневное из мультика: «Говорят, вам счастье привалило? – Бессовестно врут!». Больше не выискивали по магазинам хлопушки с конфетти и бенгальские огни, но весь декабрь на улицах шархались от разрывов петард.

До последнего ждали задержанной стипендии и зарплаты. Вздыхали, лезли в остатки «зачапки», поднатужившись, покупали на рынке обязательный праздничный минимум: заледевшие «ножки Буша», кусочек копченого мяса и сыра, килограмм шоколадных конфет. Правда, в традиционном меню постепенно образовались новые вариации: салат с кукурузой и крабовыми палочками, «мимоза», ставшие доступными «шпроты» и консервированная печень трески.

Если дарили, то только что-нибудь нужное. К празднику приурочивали необходимую покупку свитера, пары сапог, большой банки растворимого «Нескафе». Но все также радовались профсоюзной бутылке шампанского и палке если не сервелата, то хотя бы полукопченой колбасы. По одной из теперь уже четырех, а у кого-то шести центральных программ все также, ближе к вечеру, смотрели «С легким паром».

В последние часы старого года, как всегда, суетились по дому, старались не нервничать и не думать о деньгах, помня, что «делаешь под Новый год, будешь делать весь год». И вот садились за стол под «Огонек», провожали год уходящий, вспоминали. Что же было хорошего? Как-то выкрутились, и никто не болел, купили магнитофон, и, конечно, сессия на одни пятерки... Пусть следующий год будет хотя бы не хуже. Ой, а чего ж мы сидим? Вон уж заканчивается президентская речь. Быстро, придумали желания? Открываем бутылку, наполняем бокалы! Эй, там, на кухне, все сюда!

И вот на экранах страны в программах всех каналов замирает картинка: снег, небо, кремлевские звезды и циферблат, по которому значительно карабкается стрелка. И вместе с картинкой замирают сердца. Бо-ом! БОМ! Бьют куранты. Медленно, торжественно, между прошлым и будущим. А мы загадываем, загадываем, загадываем. А вдруг это правда, и все исполнится?

С улицы раздаются хлопки и пронзительные визги ракет-фейерверков. Дрожат стекла – хоть бы в окно ничего не попало! Телевизионная программа возобновляется, тусовка в студии оживает, и мы снова «чокаемся», хватаемся за телефон. Ну что, с Новым Годом?!

А наутро, со смешанным чувством, достаем новый, непривычно толстый и еще незнакомый отрывной календарь, рассматриваем подарки, довольно оглядываем холодильник – аппетитные остатки наготовленных блюд, как-то по-новому слушаем первую сводку новостей. На улице скользко – и ни души. На дороге – ни одной машины. Город еще не проснулся.

* * *

Волею судьбы я отмечаю все годы нового века во Франции, и знаю теперь, что витрины магазинов, улицы и елки в домах здесь наряжают еще с начала декабря.

Все усилия приложены к празднованию Рождества, а Новый год воспринимается просто как один из многих поводов повеселиться в хорошей компании, расцеловаться в обе щеки, когда по часам на руках у присутствующих наступит полночь, поест, поплясать, подувет в сарбаканы, пожелать «Bonne Année! Bonne Santé!» – и вернуться к обыденной жизни.

Разница восприятия: кому – точечное действие, а кому – процесс. Во Франции Новый год наступает быстро и у всех сразу. В России он неспеша идет по стране, от Дальнего Востока в Сибирь, в среднюю полосу, на Кавказ. И каждый конец года в России – это рывок из оставшихся сил, вершина, которую необходимо взять (выбора нет). Иногда – ничего, иногда – очень трудно, но надо собраться, выложиться, а потом – будь, что будет, планов не строим. Где-то близко долгожданная пауза в круговерти забот, несколько дней затишья, когда положено гулять, надеяться и ни о чем не думать.

Новый год в России – не просто праздник. Это что-то философское и космическое. Концентрация неиспользованной за год радости и любви, мистическое ожидание грядущего, переоценка ценностей, мысли о жизни и судьбе. И физическое ощущение уходящего времени. Вот оно, скользит, бежит, неумолимо тает, и нужно еще столько успеть! Отдать долги, доделать дела, к кому-то зайти, кому-то позвонить, чтобы ничего не оставалось, чтобы можно было подвести итог – отчертить решительную разделяющую полосу простым карандашом под линейку: здесь конец; а дальше перевернуть страницу, разгладить ее руками, вдохнуть запах новизны – здесь будет начало.

Потому тридцать первого декабря с самого утра все просто наполнено ожиданием. Мы неизменно ищем в происходящем какие-то знаки. Что-то хорошее обязательно должно случиться. И снова и снова эта смесь радости и неясной тоски, тайной надежды на волшебство и... разочарование. Эта русская народная сказка, в которую всегда немножечко веришь.

Март 2005 года.

ШКОЛА

Пятигорск. Остановка «Парк Кирова». Самый центр города, где на «пяточке» сходятся и расходятся все трамвайные линии. Если продолжить путь прямо, попадаешь в парк. Идти надо мимо клумбы по тротуару вдоль старой каменной стены метровой высоты. За ней кирпичное здание с высокими окнами: памятник архитектуры, некогда женская гимназия, теперь современная школа. Моя.

Выступом наружу – крыльцо, тяжелая деревянная дверь с круглой ручкой. Полумрак и прохлада гулкого вестибюля со скульптурами: справа – белая девочка с галстуком, слева – белый мальчик с портфелем. Еще одна старинная скрипучая дверь. Бесконечный коридор в обе стороны, на красном стенде портреты отличников разных лет, крутые, уходящие вверх ступени, высоченный потолок. Тишина, и вдруг – ви-и-и-изг, топот, грохот, смех. Все бурлит, орет, толкается, кружится, дергается, сбивает с ног. ЧТО ЭТО? Жмусь к бабушке ближе: «Это переменка в школе. Здесь ты скоро будешь учиться»...

В первый год двухэтажное здание казалось огромным. В нем можно было заблудиться. До ручки входной двери мы дотягивались с трудом, кидаясь на нее пле-

чом, чтобы сдвинуть с места или ждали, когда она откроется изнутри. А вестибюль называли «бистибюлем». И еще, каждый раз проходя под красным бархатным стеном с отличниками, проверяли, осталось ли там свободное место. Директор обещала, что если хорошо учиться, то через десять лет и нас «повесят» в рамочке, вот там, в почетном уголке!

В этой школе нас учили и воспитывали. Но было там и что-то другое, что обрамляло мир нашего детства.

Этот дворик перед парадным входом – вечная декорация групповых сентябрьских снимков, место, где на переменах мы прыгали на скакалке или через «резиночку». Счастье – не тот ли моток бельевой резинки в кармане? Посреди асфальта в своеобразных круглых клумбах росли рябина, каштан и кипарис, окруженные бордюром из кирпичей. «За тобой тоже еще не пришли?» – брошены на скамейку ранцы и, раскинув руки, «канатоходцы», ставя носочек к пяточке, стараются не упасть и пройти по кругу из торчащих кирпичных углов клумбы.

В этом же дворе зимой от ворот до спасительной школьной двери надо было пробираться под перекрестным огнем из снежков, спотыкаясь, по блестящему снегу, накатанному в гололед. И никуда не спрятаться! И нет пути назад. Разве что повезет, и сегодня не стукнут по уху и не залепят между шапкой и шарфом по голой шее.

А что там справа? Спортивная площадка. Как раз отсюда нас, нарядных, испуганных, вели в первый класс с первой солнечной линейки высокие и важные выпускники. Помню, расселись за парты, и оказалось (о чудо!), что противный знакомый Костя не в нашем классе. На летних подготовительных занятиях он все время крутил мне фигу.

Крылья белых фартуков, мой светло-зеленый пенал с пластмассовыми чашечками и счетами (ой, вон у кого-то такой же, но красный!), море осенних цветов на окне: яркие георгины, дубки, астры. Розы в вазе у учительницы на столе. Блики солнца и отзвуки первосентябрьской музыки. Доска наполовину в клеточку, наполовину в полоску. За занавесками кусочек двора, откуда нас привели...

Хочешь, пройдемся? Вот эти окна. А в самом центре площадки, видишь, высокая сосна без макушки. У нее такой широкий ствол, одному не объять. Только здесь в жару был кусочек тени, и частенько стояла толпа зевак, наблюдавших, как физкультурник с лестницей, ругаясь, доставал застрявший в ветках мяч. Как помнятся запахи нагретого асфальта и хвои, мягкие желтые иголки и шишки на земле!

Со второго класса началась «продленка». После супа и пюре с сосиской за длинными кисло-пахнущими столами в школьном буфете мы отправлялись в древнего вида одноэтажную пристройку с облупившейся понизу штукатуркой делать домашние задания под руководством полной седой Марины Осиповны. В разновозрастной группе «продленщиков» покоя не давал загадочный мальчик Юлий. Странное у него имя. Вот я – Юлия, но он же не девочка?

Когда решенные примеры были переписаны начисто и в упражнения по английскому вставлены артикли, разрешалось гулять, не выходя за территорию школы и не приближаясь к куче старого металлолома. Зимой ржавая гора превращалась в огромный фигурный сугроб, а весной чайники без ручек, дырявые ведра, спинка кровати, какая-то тележка, батарея и прочая железная дребедень потихоньку показывались из-под снега, чтобы вскоре таинственно скрыться за пучками травы и широкими листьями лопухов. Не нарушая строгого запрета, можно было просто стоять поблизости и рассматривать причудливое переплетение предметов, выдумывать сказочный мир этого лабиринта, что-то вроде «Алисы в стране чудес».

Потом мы искали лужи, чтобы бить по ним, замерзшим, пяткой или носком сапога, а чуть позже переходили двор по небольшим островкам, которые мед-

ленно высыхали после весенних ливней. И, конечно, были первые апрельские одуванчики в выбоинах асфальтовой дорожки. Их хватало на жидковатый венчик вместе с незабудками и еще какими-то белыми цветочками, пробивавшимися на шероховатых выступах нашей старой пристройки.

* * *

В классе пятом «продленка» закончилась. Мы стали возвращаться домой на трамвае. «Кому в мою сторону? Идете? Ну, так быстрее!». Размахивая мешками со «сменкой», отправлялись на остановку вдоль Аллеи Героев. Черно-белые фотографии и таблички с длинным розовым парапета давным-давно сняли. Теперешние школьники и не подозревают, что здесь возлагали цветы, парами дежурили в почетном карауле и сметали в густые кусты самшита липовые зонтики и березовую труху с тротуара.

По пути домой в хорошую погоду нас магнитом притягивал к себе ларек с мороженым. В быстро идущей очереди подсчитывались копейки. Хватит только на чербет или на пломбир в вафельном стаканчике?

«Девчонки, а давайте посмотрим, что продают в киоске за остановкой?» Там всегда есть что-то интересное: значки с божьими коровками, болгарские марки, ручки с видами города, календарики и открытки. И не будем ждать нашу «тройку», а поедем в совершенно пустой «единице» пусть и с пересадкой. «До вокзала. Только до вокзала!», – объявляет толстая кондукторша. Ну и хорошо, что до вокзала! Там новые ларьки с сувенирами и автоматы с газировкой, а у меня есть складной стаканчик!

«Ой, девчонки, смотрите сюда! Сейчас будем проезжать питьевой фонтанчик. Что я вам сейчас расскажу! Только это секрет! Я видела, что там внутри под камнем – сокровища! Украшения, бусинки и даже деньги! Не верите? А я вечером достала из трещины колечко. Но оно у меня дома. И главное, ни-ко-му! А то за мной будет охотиться! Ну ладно, пока! Выхожу! Расскажу вам все завтра!» – Элька выскакивает из вагона. Завтра мы будем слушать продолжение, веря и не веря ей, но на всякий случай, храня секрет.

Иногда нас отпускают с последнего урока, и мы идем несколько остановок пешком по широкому бульвару, стараясь попадать прямо в центр больших квадратных плит. После зимы на сырых скамейках и вдоль пустых клумб валяются ветки каштанов, кое-где еще лежит затвердевший снег. Если найти веточку с почками и поставить дома в воду, дня через три липкие шкурки раскроются, и вылезут нежные салатные листики – намного раньше, чем появится зеленая листва на деревьях и зацветут белые свечи каштанов.

* * *

И будет школьная осень. Запах сырости, шелест ветра, срывающийся дождь под привычное треньканье трамваев. С глухим стуком шмякаются о плиты аллеи каштаны, трескается зеленая кожура. Так приятно, не сбавляя шага, осторожно подхватывать зеленых ежевиков, перекачивать в руках, раздвигать мякоть, доставать из белой лунки блестящие, гладкие, слегка влажные коричневые шарики. Сегодня на месте деревьев растут зонтики кафе, «просто аллея» стала «бродвеем». Но еще осталась «кленовая» улица. Она там, вправо, немного поодаль от центра. Узкий тротуар, высотный дом за мшистой оградой и целый ряд кленов. Шуршать по листьям можно вдвоем и втроем, но еще лучше ни с кем. Только я и листья. Огненно-красные, оранжево-желтые, зеленовато-бурые. С прожилками, тонкими контурами и рисунками. Столько красоты, столько величия, столько мудрости. С ними можно пооткровенничать – они умеют хранить тайну. Эх, закружиться бы с ними в вихре, унести в далекую страну, где живут только добрые люди, где каждый день – праздник, где не бывает беды!..

* * *

...Ладно, пойдём! Я расскажу тебе о расположении кабинетов. На первом этаже в углу – завуч, рядом – учительская и начальные классы. Дальше по коридору – библиотека. Там летом выдавали стопки потертых учебников, а в течение года пускали порыться на полках. Снаружи гул голосов и шум перемены, а ты стоишь боком в узком проходе, где не развернуться, где запах старых книжек, потрепанные корешки на уходящих вверх стеллажах, полумрак и тишина. А выйдешь из библиотеки – налево кабинет директора. Однажды всем классом мы отвечали там за поведение – довели молодую физичку. Всем вместе было не страшно, для проформы уверяли, что за произошедшее стыдно, а сами тайком оглядывали эту директорскую святая святых.

На переменах все мчались в буфет – за бутербродом с кабачковой икрой или с тремя кружочками колбасы. А в самом углу здания – душная раздевалка. Мальчишки в спортивных трусах врываются туда сразу после физкультуры и перемешивали все вещи, а потом вопили и лупили ногами в фанерную стенку.

И еще рядом был химический кабинет с высокой кафедрой и железными блюдами на партах, мы туда не ходили – химия началась позже. Зато на втором этаже хорошо знали кабинет биологии со страшными заспиртованными животными в банках и макетом красно-белого человека с содранной кожей.

Полы и парты во время дежурства мы мыли в соседнем Лермонтовском кабинете, где во всю заднюю стену раскинулись фотообои с родными Кавказскими горами, а с передней овальной, почему-то мохнато-ворсистой рамки задумчиво смотрел по-гусарски одетый поэт. В красном, с золотыми галунами.

Но самым лучшим в школе считался Михалковский кабинет. Он не был закреплен ни за каким классом, там проходили торжественные встречи и открытые уроки. Однажды сам Сергей Сергеевич читал здесь про дядю Степу! За стеклом ряд больших памятных фотографий, на медово-желтых полированных партах ни царапины, стены обшиты таким же деревом, паркетный пол, а во встроенном шкафу у доски – те-ле-ви-зор!

Путь из одного крыла здания в другое на втором этаже – через Ленинский зал, где раз в неделю проходили линейки. В центре длинного зала-коридора находилась ниша с бюстом Ленина. За ним наш хулиган-двоечник Сашка прятал от классного руководителя свой дневник.

У каждого младшего школьника со стороны сердца была приколотая звездочка. У одних она вся железная темно-красная с желтым выпуклым Лениным в середине, а у других – оранжевая пластмассовая, с колкими углами и маленьким черно-белым кучерявым Ильичом внутри. Чуть позже мы стали наглаживать по вечерам галстуки – оранжеватый, ацетатный или темно-красный, шелковый. Оба на минуту меняли оттенок при глажке. Лучше всего сначала намочить галстук и сушить его утюгом, слушать шипение: «пшшшш», «пшшшш»!

И было все то, что положено: слушали в «Пионерской зорьке» рассказы об «Артеке», ходили на субботники и в походы, мастерили мягкие игрушки для подшефного детсада, дважды в год собирали макулатуру, к 9 Мая клеили красные звезды на почтовые ящики ветеранов, а после уроков маршировали в красных пилюльках с кисточкой. Рвали уличную амброзию и сорняки на станции «Юных натуралистов», ездили полоть сурепку на бескрайних полях какого-то колхоза, где наша работа вряд ли стоила выпитого нами молока.

Каждый класс считался отрядом. Наш стал носить имя героя афганской войны Руслана Аушева. На уроках литературы мы читали рассказы о стране Афганистан, о том, как помогают там наши солдаты, о подвигах героев: про заставы, палящее солнце, извилистые дороги, засады, душманов. На Новый год классом собирали елочные игрушки, блокноты и карандаши для афганских детей.

* * *

Перемены пришли одновременно со всех сторон. Саманта Смит в СССР! Катя Лычова в США! Первый обмен старшеклассников нашей спецшколы с американцами! Это было событие века. С легендарными участниками первой делегации в Бостон всю четверть устраивали встречи. Каждый класс их ждал, каждый хотел подержать в руках иностранные трофеи. Домой мы возвращались в восторге и зависти. Представляете, им подарили такие альбомчики для фотографий! У них дутые обложки с сердечком, а внутри прозрачные странички из клеенки, куда можно вставлять фотографии.

И в этой новой чехарде как-то между делом исчезли красные галстуки, отпала «сменка» и школьная форма, на уроках труда стали собирать картонные коробки для кондитерской фабрики и получать за это мелкие, но деньги, а сама школа переехала в современное трехэтажное панельное здание. Школу сдавали авралом и отмывали силами учителей и учеников весь сентябрь. Вместо «темного низа и светлого верха» по утрам мы являлись в рабочей одежде с тряпкой в руке. На улице стояло бабье лето, и было как-то странно кружить в тумане строительной пыли среди грохота молотков и визга дрели, как будто каникулы продолжались.

В том же 1990 году принимали самую первую ответную американскую делегацию. В школьной столовке их кормили отдельно, с откуда-то взявшимися скатертями и вилками. Зато на переменах толпы желающих пообщаться не давали американцам проходить. Излияния в вечной обоюдной дружбе неизменно заканчивались раздачей жвачек, календарей с президентами США и значков с американской символикой.

За три года в новой школе больше почти ничего не запомнилось. Мы стали старшеклассниками. На уроках технического перевода разбирали статьи про СПИД, тайком проносили бутылку спиртного на праздничные вечера. Кто-то курил в подъезде дома напротив. Как-то в женском туалете оказался наполненный водой презерватив. Пока завуч негодовала и принимала меры, все бегали посмотреть. Приближалось время экзаменов. После уроков часами бились над задачами по тригонометрии, зубрили билеты и цитаты для сочинений.

И настал тот июнь 1993, когда в школьном дворе раздавалось эхо шагов лишь тех, кто в полуобморочном состоянии шел на экзамен. Кружка воды, выплеснутая за спиной и нетерпеливое ожидание домашних, шелест последних конспектов, возбуждение и тихое отчаяние: «Перед смертью не надышишься»!

Списки с оценками вывешивают после обеда. Под солнцем плавится асфальт, в глазах от волнения темно. Еще чуть-чуть, и вдруг становится так легко, что хочется раскинуть руки и бежать, и кричать, чтобы слышали все вокруг. Пятерка! Все позади! Самые счастливые мгновения «взрослой» жизни.

* * *

На одном из последних уроков химии, сидя вполоборота между передней партой и задней, мы шестером представляли себе двухтысячный год. Было любопытно, и захватывало дух. И нереальным казалось такое далекое будущее.

...Я смотрю на черно-белую фотографию малышей-первоклашек, на цветную с принаряженными молодыми людьми. Проговариваю про себя имена, фамилии и уже запинаясь. В первом классе нас сорок шесть. Потом разделят, и станет только тридцать. А после девятого кто-то уйдет вообще, и вместе с новенькими нас останется двадцать четыре. Мы были одноклассниками, не друзьями. Оказалось, что на втором вечере встречи большинству уже почти не о чем говорить, но десять лет прожито вместе, в мире, который незнаком больше никому.

19 марта 2006.

Задоринки

ПАРОДИИ, ЮМОР, САТИРА

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

- Иногда движение вперед является результатом пинка сзади.
- Бизнесмену – олигарху: «Скажи, сколько у тебя друзей и я скажу, сколько раз тебя закажут».
- С возрастом женщины утешают себя косметикой, а мужчины – чувством юмора.
- Для того, чтобы быть другом не обязательно быть собакой.
- Наша родина всегда была душой нашего народа. Государство – его клеткой.
- Если их капитализм загнивал социально, то наш социализм – капитально.
- Раньше в России было две беды: дороги и дураки. Теперь прибавилась третья: дураки, указывающие какой дорогой идти!
- Возраст человека делится на три стадии: «Детство. Юность и ... «Вы отлично выглядите!». Есть правда еще четвертый этап – совсем грустный – «Вы прекрасно держитесь!». Так хочется подольше задержаться в третьем возрасте.
- У диетолога при мне сидит женщина, он ей говорит: «Вам нельзя мяса и теста». Она говорит: «Ой, доктор, а пельмени можно?»
- Я не понимаю, как наши врачи учатся на мертвых, а лечат живых.
- Раньше была интеллигенция, теперь – тусовка!
- Когда русские люди во всех своих бедах винят евреев, мне хочется им сказать: «Не надо по Березовскому судить о Жванецком!»

ВЛАДИМИР СКОРИК

БЛОХА И ЛЕВ

Басня

Питаюсь львиной кровью,
Блоха совсем рассудок потеряла.
Зверей пугая уверяла,
Да что там уверять... грозила!
Теперь, мол, у нее такая сила –
Вмиг уничтожить может всех!
Вы улыбаетесь, вам смех...
До смеха ли зверью,
Когда Блоха оттуда,
С львиной холки,
Грозится, обнаглев:
Кровь выпью и убью.

И страх берет иных:

«Вот сила у Блохи,
Вот голова! На ком ведь ездит...
Оседлала Льва! Ну-с! Какова?
Натерпишься страстей.
Не соберешь, гляди, костей!»
И звери прятались в кусты,
Завидев ту Блоху за полверсты.
Другие лытели, кланялись ей низко
Когда, случилось,
сталкивались близко.

Так в жизни иногда:
Ничтожество куражится, грозит...
В глаза смеется,
Когда, как та Блоха
К начальству присосется.

ПОСКОРЕЙ БЫ ВЗРОСЛЫМ СТАТЬ!

КРЫЛАТЫЙ ДНЕВНИК

Когда пятерки в дневнике,
Иду из школы налегке.
Клянусь, что мой дневник крылат,
Когда пятерки в нем стоят!

Но что сейчас случилось с ним,
Крылатым дневником моим?
Я сумку не могу поднять!
Никак я не могу понять,
Кто положил в нее свинец?

Я понял, понял, наконец –
От двойки так тяжел дневник,
А он крылатым быть привык!

ПОРТРЕТ

Рисовал Саид портрет.
– Это кто? Зайчишка?
– Нет!
Салихат! Она трусишка,
Всех боится, как зайчишка!
Потому у Салихат
Уши длинные торчат!

ШУ-ШУ-ШУ

Я уже не выношу –
Обо всех он: «Шу-шу-шу!» –
И о папе, и о маме,
О друзьях, что рядом с нами,
О сестре, о брате, дома,
В школе, обо все знакомых.
Старому и малышу –
Он повсюду: «Шу-шу-шу!»
Эй, Шамиль! Тебя опять
«Шу-шу-шу» мы будем звать!

ЧАСЫ УСТАЛИ

Не идут часы у нас.
Я открыл их как-то раз.
Шестеренки поглядел...
В общем, с ними много дел!
Тут я понял, что с часами!
Просто стали! Стали сами!
Я ведь, если устаю,
Тоже стану и стою!

БЛИЗНЕЦЫ

Мы с Гусейном близнецы.
В школу ходим дружно.
Друг за друга постоим,
Если будет нужно.
Всюду вместе мы всегда,
До того похожи,
Что никто нас никогда
Различить не может.

И оценки каждый раз,
Честно вам признаться,
Одинаковы у нас –
Чтоб не выделяться.
Двойка брату, двойка мне –
Ну а вместе сколько?
Получается вполне
Твердая четверка!

Мама с гордостью всем-всем
Говорит на улице:
– И Гасан мой, и Гусейн
На четверки учатся!

ЗАВТРА ПОСТАРАЮСЬ

– Скажи, Шамиль, учиться лень?
Все тройки, тройки каждый день!
Других оценок не бывает?
А, может, духу не хватает?
– Хватает. Завтра постараюсь
И вас обрадую вдвойне –
Две двойки жирные поставит
В дневник учитель завтра мне!

САМЫЙ, САМЫЙ...

Кто сильнее всех в ауле?
Всех сильнее Омари
(Сам об этом говорил!).
Гиря для него, что мяч,
Омари у нас силач.
Побороть любого может,

На лопатки всех положит!
Кто быстрее всех в ауле?
Всех быстрее Омари
(Сам об этом говорил!)
Нет такого бегуна,
Чтобы он не обогнал.
Он прыгун отличный тоже –
Выше всех он прыгнуть может!
Кто, сильнее, кто быстрее,
Кто смелее Омари?
Он один такой у нас –
Хвастунишка – высший класс!
И на весь аул его
Хватит нам и одного.
Убедились, что за птица:
Наш смельчак гусей боится!

Я НЕ ЗНАЮ

Из-за гор выходит солнце,
Светит в каждое оконце,
За гору опять заходит.
Почему так происходит?
Я не знаю!

Дерево в саду растет,
Каждый год оно цветет.
Все так связано в природе!
Почему так происходит?
Я не знаю!

Птицы с юга по весне
Возвращаются ко мне.
Почему они назад
Снова осенью летят?
Я не знаю!

Мал я, чтобы это знать.
Поскорей бы взрослым стать!
Что же делать, чтоб суметь
Поскорее повзрослеть?
Я не знаю!

Перевод Любови Шубной

К 450-ЛЕТИЮ ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ

ЮРИЙ ТХАГАЗИТОВ

«И В СТИХЕ Я ЖИВУ...»

Размышления о творчестве выдающегося
кабардинского поэта Алима Кешокова

Кабардино-Балкария отметила 90-летие лауреата Государственных премий КБР и СССР, выдающегося кабардинского поэта и писателя Алима КЕШОКОВА (1914-2001).

А. Кешоков – автор одиннадцати романов. Роман «Вершины не спят» был удостоен Государственной премии РСФСР. А в 1990 году писателю было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Много споров и разных оценок вызвал роман «Сломанная подкова», в котором писатель рассказал правду о Великой Отечественной войне, участником которой он был. Для увековечения памяти Алима Кешокова в Нальчике была названа его именем одна из улиц города, а перед зданием мэрии состоялась закладка камня, на месте которого в скором времени планируется установить памятник.

* * *

В. Солоухин как-то сказал: «Для истинного поэта поэзия – это и есть его общественное поведение, а его поведение это и есть его поэзия». И действительно, жизнь и творчество Алима Кешокова были неразсторжимы. К книге судьбы, которую он нам оставил, уверен, не раз будут возвращаться как прежние, так и новые поклонники его творчества. И они непременно найдут у него непреходящие уроки мужества, благородства и чести...

Долитературная традиция адыгов, от нартского эпоса до историко-героической песни, стремилась воплотить в себе мир

человека в самых его глубинных проявлениях и связях с бытийными основами. Вот где истоки творческого кредо Алима Кешокова. К какой бы теме он ни обращался (любовь, горы, человек труда), всегда можно наблюдать в его творчестве тот эпический синтез (соединение лирического начала с народно-поэтической традицией), который отличает почерк Кешокова, поэта и прозаика. Приведем несколько примеров из раннего творчества Алима Кешокова с его романтическим порывом и устремленностью к гармонии и пластике фольклорно-мифологической поэтики.

*О, если б мне чудесный конь
достался,
Не стал бы я на нем сидеть
в седле:
Вскочил бы на хребет его
и мчался,
И Млечный путь провел бы
на земле.*

В этом ключе написаны и другие, прекрасные своей лукаво-иронической концовкой стихи:

*Куда тебя, прыть молодая,
Несет под полночной луной?
Смеется джигит: – Никогда я
Не езжу дорогой дневной!
– Безумец, коль веришь в удачу,
Посватай-ка дочку мою!
Добьешься согласия – в придачу
Любого коня отдаю!
– Чужих скакунов не седлали,
Дареных не держим коней.
А дочка твоя... – не она ли
Под черною буркой моей!*

Дальнейший поиск художественного осмысления основ народного бытия трансформирует народно-поэтическую в своей основе лирику Алима Кешокова в философскую. В силу этого – значимость поэтической образности, ее действенность на сознание отдельного читателя, а также на развитие национально-художественного мышления. Но лейтмотивом творчества Алима Кешокова остается тема родины в ее радостных и трагических испытаниях:

*Скала единой глыбой была,
Была она величьем знаменита,
А ныне даль осколками покрыта.
Был мой народ единым, как скала,
Судьба народа,
Как судьба гранита.*

За постоянством темы стоит нарастающий философский потенциал, художественное преодоление противоречивости бытия, что делает творчество Алима Кешокова типологичным творчеству таких известных в России поэтов, как К.Кулиев, Р.Гамзатов, Д.Кугультинов и др. Со временем в оценках наших и российских критиков перечисленные имена стали не только ориентиром, но мерой в оценке развития молодых национальных литератур России. И в ответ на доверие читателя и критики – мужественное, честное и выстраданное слово поэта, обращенное к верному другу Кайсыну Кулиеву, но также ставшее характеристикой гордого и негибнущего, достойно вписавшегося в свое время поколения:

*Мы всадники, что стремя в стремя
Летят, избрав нелегкий путь,
И волны поднимает время
И опускает нам на грудь.*

Разносторонний талант видного писателя по праву заслужил всеобщее признание.

В своих лучших произведениях Алим Кешоков ставил вечные проблемы и всю силу художественного слова отдавал идеалам гуманизма, справедливости и торжеству созидательного начала в человеке. Перечитывая такие замечательные произведения, как «Вершины не спят» и «Сломанная подкова», мы не перестаем восхищаться масштабностью его мышления, умением воплотить на материале жизни небольшого народа общечеловеческие проблемы. Поэтому и сегодня его произведения, даже те, которые появились на свет много лет назад, не стали только

литературной историей, а органично вписываются в современные животрепещущие проблемы, укрепляя при этом в наше сложное и неоднозначное время мятущуюся души читателей.

Напомним, национальная эпопея «Вершины не спят» повествует об истории и типе жизни кабардинского и балкарского народов в предоктябрьский, революционный и послереволюционный периоды их жизни. Алим Кешоков художественно исследует закономерности этого исторического движения, которое воедино связано с судьбами отдельных героев, и, прежде всего, двух лидеров наших народов – революционера Инала Маремканова и исповедующего мысль о примирении враждующих классов на основе идей шариата Казгирея Матханова. Народ и революция, утверждение коренных преобразований в Кабардино-Балкарии, становление национальной интеллигенции – вот далеко не полный перечень тем, которые нашли отражение на страницах «Вершин...».

Самодвижение национальной истории (во многом циклическое) актуализирует переключку схожих политических идей, которыми мы жили тогда и живем сейчас.

И в этом смысле художественный конфликт (Маремканов – Матханов) далеко не исчерпан адыгскими литературными, что, на мой взгляд, открывает исследователям возможность осмысления новых проблемных граней в опередившем время кешоковском произведении. Да, действительно, Казгирей Матханов – самая загадочная фигура в адыгских литературах – большая удача писателя. Матханов как художественная (и политическая) реальность есть, собственно, национальная традиция, которая, в отличие от заемного радикализма, может (должна) стать дополнительным ориентиром в дальнейшем формировании стабильного в своей основе общества.

Я уже несколько раз называл «Вершины...» эпопеей. В этом богатом художественном мире озвучены все звенья народно-поэтических традиций, от бытийных основ до элементов быта, уходящих своими корнями в фольклорно-мифологические представления адыгов.

Алиму Кешокову удалось воссоздать диалог различных по своему содержанию традиций в конкретно-исторических условиях.

«Вершины не спят» стали этапным произведением как раз потому, что ее автор многоступенчатым конфликтом преодолел бытовавший в национальной литературе схематизм художественного мышления – прямолинейное противопоставление прошлого и настоящего.

Гуманизм и глубина его творчества, тонкое чувство национальной самобытности определили уникальность его творческого наследия. И яркий пример тому – «Сломанная подкова», где народ снова предстал перед своей судьбой. И в «Сломанной подкове» Алим Кешокову удалось преодолеть упрощенную трактовку событий Великой Отечественной войны, свойственную адыгской прозе.

Актуальную проблему нравственного выбора А. Кешоков решает на основе лучших этических и фольклорных традиций. Диалектическое соотношение понимания национального и общечеловеческого делает «Сломанную подкову» многомерным произведением. И здесь писатель дает ряд запоминающихся национальных характеров, ставших неотъемлемым фактором нашего сознания и национальной культуры в целом. Образ Хабибы – основа национально-художественного повествования. Именно у таких людей, как Хабиба, учился понимать жизнь Алим Кешоков и, как говорится, вернул народу образ обогащенным. Для «Сломанной подковы» точка зрения автора совпадает с народной и идет из глубины народного бытия, а потому идея целостности, единства мира, пусть и расколовшегося на мир Добра и Зла, сводила к формообразующему центру повествования – образу Хабибы. Отсюда в силу следования фольклорно-мифологической мотивировке движение коллизии в «Сломанной подкове» осуществляется не столько по причинно-следственной логике внешних событий, сколько по глубинной логике борьбы Добра и Зла. Отсюда – включение в сюжет, казалось бы, не влияющих на интригу эпизодов.

Словом, для творчества Алима Кешокова характерна тяга к эпическому

мышлению. Но если рассматривать прозу А. Кешокова в рамках эволюции национально-жанровых форм, то вырисовывается путь писателя от эпопеи к собственно романному мышлению. Рискну предположить, что «Сломанная подкова» была задумана в традиционных требованиях жанра романа, но автор «вынужден» был следовать за саморазвитием образа Хабибы и не смог, возможно, реализовать свой первоначальный замысел. Интересно, что этот замысел, как мне кажется, был реализован неожиданно и для писателя, и для критиков в «Восходе луны». Свою роль здесь, наверное, сыграло не сущностное знание восточной жизни, а «взгляд со стороны», ибо в этом случае «легче» было придерживаться творческой установки.

Если вернуться к «Сломанной подкове», то можно сказать, что герои Кешокова выдержали трудные испытания. Нравственный итог, к которому подводит Бекан, выражая в форме традиционной мудрости новое отношение к историческому пути своего народа: «Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана». И в этом очень сложном произведении Алим Кешоков остался искренним и честным, каким может быть только настоящий художник. Уверен, что творчество Алима Кешокова, уже являясь основой кабардинской литературы, также станет сегодня ориентиром возрождения и высокой духовности нашей культуры.

В заключение приведу стихи Алима Пшемаховича, ставшие для него нерукотворным памятником:

*Сто лет проживу,
ибо так я устроен,
Хотя долгожителем я не слышу.
Весь город моими домами
застроен,
И в каждом мой стих,
и в стихе я живу.*

г. Нальчик

НАВСТРЕЧУ V МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ «МИР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ЧЕРЕЗ ЯЗЫКИ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРУ»

Рубрику ведет профессор
ЕЛЕНА АБУЛОВА

ЧАРУЮЩИЙ, ВСЕХ НАС ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ...

В сокровищнице общечеловеческой культуры почетное место занимает русский язык. Этот один из наиболее развитых языков мира обладает богатейшим лексическим и фразеологическим составом: в нем около 200 тысяч слов и устойчивых сочетаний. В настоящее время на русском языке публикуется свыше трети книг на планете, а книг по точным наукам и технике больше, чем на всех других крупных языках, вместе взятых. Им владеют около полумиллиарда человек и изучают почти 30 млн., более чем в 100 странах. По данным ЮНЕСКО, каждая шестая книга в мире издается на русском языке. Знание его открывает доступ к 2/3 всей существующей информации.

В результате победы советского народа в Великой Отечественной войне ООН признала русский язык, наряду с английским, французским, испанским, китайским, арабским, одним из своих официальных и рабочих языков. Как средство общения он зазвучал на международных переговорах, научных и иных конгрессах, съездах, конференциях.

Русский язык в соответствии со статьей 68 Конституции РФ является государственным языком на всей территории России, т.е. официальным языком нашего государства, языком производства, науки и культуры. Республики вправе также устанавливать свои государственные языки.

На Кавказе издавна звучит русская речь. Взаимодействие русского языка с языками народов Северного Кавказа – сложный и длительный процесс, уходящий корнями в далекую историю. Первые контакты коренного населения с представителями Российского государства отмечаются

в IX-X вв. в связи с походами древних русов на Кавказ. Прочные систематические связи горцев с русскими устанавливаются с XVI века, следствием их явилось взаимопроникновение и обогащение языков и культур. В числе одного из первых заимствований из русского языка исследователи считают слово «русский» (урыш – в абазинском, урыс – в кабардино-черкесском, орус – в карачаево-балкарском языках). В свое время предки современных жителей Кавказа указывали на исключительную важность русского языка для развития народов и их культур. Известный просветитель кабардинец Кази Атажукин в 1870 г. писал: «Потребность к знанию русского языка не может исчезнуть в Кабарде; ее положение и отношение к русским таково, что ей обходиться без русского языка невозможно. Это сознают и будут сознавать сами кабардинцы».

Трудно переоценить роль Кавказа в творчестве и жизненных судьбах великих русских писателей и поэтов. Они хорошо знали быт горцев и создали замечательные образы борцов за свободу и независимость родного края. Пятигорск, где погиб М.Ю. Лермонтов, бережно хранит память о поэте-изгнаннике, перу которого принадлежат «кавказские» поэмы «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Мцыри», «Демон». Некоторые места в произведениях А.С. Пушкина адресованы непосредственно Кавминводам. И по прошествии почти 170 лет со дня его смерти мы восхищаемся поэтическим языком, которым он описывает этот дивный уголок:

*Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный*

*И зеленеющий Машук.
Машук, податель струй целебных,
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой...*

Знакомству горцев с русским языком и культурой способствовало также пребывание на Северном Кавказе ссыльных офицеров и декабристов, которые, в свою очередь, познакомились с их бытом и традициями, песнями и преданиями, подружались с местным населением и завели кунаков. А некоторые к тому же и в совершенстве овладели их языками, как например, А.А. Бестужев-Марлинский, проживший много лет на Северном Кавказе (1829–1837). Он изучил татарский, персидский и арабский языки, что дало ему возможность стать для своего времени большим знатоком горного края. Не случайно брат Николай назвал его «гордостью культурных людей России».

По образному выражению Белинского, Кавказ прочно утверждается за русским владычеством «оружием цивилизации». Великий аварский поэт Расул Гамзатов проникновенно пишет:

*Нет, не смирились и негнули спины
И в те года, и через сотни лет,
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет.
Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем:
Я утверждать берусь –
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила пушкинская Русь.*

Одна из интересных проблем взаимодействия языков и культур – переводы. Судьба литературного произведения зависит не только от автора, но и от переводчика. Язык как средство общения и важнейший элемент культуры требует бережного обращения, глубокого знания законов его развития. Нередко произведения национальных писателей переводятся на русский язык, а потом, уже вторично, – с русского на другие языки. Это ведет к увеличению вклада национальных языков в общую языковую картину мира. Переводы позволили миллионам читателей познакомиться с творчеством многих известных кавказских писателей и поэтов – Ш. Руставели, К. Хетагурова, С. Стальского, Р. Гамзатова, К. Кулиева.

Талантливые переводы – дело тонкое и сложное. По образному выражению Кайсына Кулиева, перевод является вечным и в какой-то мере даже трагическим

вопросом, ибо только на языке оригинала поэзия живет полной жизнью. «...Если стихи – это дерево или река, – заметил он, – то перевод – не само дерево, а его тень, не река, а ее отдаленный шум. И все же лучше читать Лермонтова или Лорку в переводе, чем своего посредственного поэта в оригинале».

В процессе взаимодействия языков особенно обогащается лексика, отражающая изменения, которые происходят в сфере политики, науки, культуры. Однако русский язык способствовал не только лексическому пополнению национальных языков, но также развитию их потенциальных возможностей обозначения фрагментов картины мира, обогащению исконной лексики новыми значениями. Под влиянием русского языка во многих языках народов Северного Кавказа сформировался ряд новых областей терминологии: общественно-политическая, научно-техническая и др. Русский язык способствует взаимообогащению национальных культур, т.к. с него переводят произведения художественной и научной литературы многих народов. Обилие фразеологизмов, синонимов, слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами – все это составляет его неповторимость и богатство.

Лингвисты отмечают, что за последние восемьдесят лет из русского языка было заимствовано, например, дагестанскими языками значительно больше слов, чем за тысячелетие из арабского языка, хотя последний, благодаря исламу, является культовым, письменно-литературным и оказывал существенное влияние на все стороны жизни народов Дагестана. Свыше 11 процентов словаря дагестанских языков – это заимствования из русского. В общем же, в так называемых младописьменных языках Северного Кавказа, каждое пятое-шестое слово взято из русского, что составляет 18-20 процентов всей их лексики.

Вместе с тем в разные периоды, начиная с древних пор, в русский язык проникло более тысячи лексических заимствований из языков горских народов. Это явления природы и географические понятия, животный мир и поселения, одежда и пища. Как в свое время заметил К. Маркс, «всякая нация может и должна учиться у других». По данным ученых-лингвистов, вопросы, связанные с обогащением русского языка в ходе его взаимодействия с языками соседних народов – тюркских,

кавказских, иранских и др., – еще достаточно не изучены.

Исследования, связанные с общими и специальными вопросами функционирования русского языка на Северном Кавказе, системное изучение языковых контактов и языковой ситуации в регионе, осуществляют функционирующие на кафедрах русского языка, современного русского языка, отечественной и зарубежной литературы ПГЛУ лаборатории «Русский язык на Северном Кавказе» и «Сравнительное литературоведение на Северном Кавказе». На факультете немецкого языка стало доброй традицией проведение «круглых столов» по проблемам межнациональных отношений, где большое внимание уделяется языковой

жизни в регионе. Кавказская проблематика и сегодня привлекает филологов.

«Северный Кавказ: чарующий русский язык» – так называется творческая работа, выполненная большим интернациональным коллективом студентов ряда факультетов ПГЛУ: немецкого языка, переводческого, филологического – в преддверии IV Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Палитра родных языков авторов довольно богата: русский и украинский, армянский и осетинский, лезгинский и кумыкский, карачаево-балкарский и абазинский, калмыцкий и чеченский, кабардино-черкесский и греческий, корейский и татарский...

2007 – ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА

Руслан ЛУКОЖЕВ: Я по национальности кумык, родился в небольшом селе, где лишь немногие могли говорить на хорошем русском языке, в основном это были люди, закончившие вузы. Мне исполнилось семь лет, когда мы переехали в город, и я пошел в русскую школу (благо, изучил азбуку еще в селе). Только к четвертому классу я уже мог говорить по-русски, а до этого времени моя речь вызывала смех у одноклассников и учителей. Нередко случалось, что я не понимал, чего хочет от меня моя учительница и какое задание она дает на дом. Шло время, и в пятом классе я уже знал русский даже лучше, чем свой. Мои двоюродные сестры и брат с детства росли в городе и плохо говорили по-кумыкски. Им было легче в городе, но когда мы приезжали в село, я был любимцем семьи, ибо говорил на своем родном языке. Когда мои двоюродные начинали говорить по-русски, то обычно слышали в ответ грозное: «Аганы тылинен сэйле!» («Говорите на языке своих отцов!»). Ведь именно язык делает нацию нацией.

Сегодня, благодаря влиянию телевидения и радио, все больше людей в аулах, деревнях говорят на русском языке. Он сыграл огромную роль в установлении межнациональных контактов и объединении северокавказских народов. Взять, например, наше село, пограничное с Ингушетией. Здесь много смешанных браков, как найти общий язык кумыкским и ингушским семьям? Только с помощью

русского. Среди симфонии северокавказских языков русский звучит везде, но, позвольте заметить, с очень необычным, отличительным оттенком. Многонациональность региона создает интересную манеру говора русского языка. Можно отличить, когда говорит русский, ингуш, дагестанец или кабардинец. Каждая из наций придает свой неповторимый акцент русскому, что, по-моему, очень красиво. Сегодня он все больше входит в обиход горцев, и пусть на Кавказе будут звучать только хорошие, добрые слова этого удивительно богатого языка.

Анна МАЛАФЕЕВА: В нашем небольшом поселке Ясная Поляна проживает всего около пяти тысяч человек, это представители 26 национальностей. Каждый народ внес свой вклад в развитие науки и техники, культуры и литературы. У каждого много интересного и разного, но что объединяет всех нас – русский язык, являющийся средством межнационального общения. Он понятен греку и карачаевцу, чеченцу и грузину. Это прекрасный язык, в котором сочетаются звучание музыки и блеск красок.

Мне вспоминается одна история, случившаяся очень давно. Поздно вечером к сакле на окраине аула подсакал всадник. Он был бледен и тяжело дышал. Старик хозяин, не спросив ни слова, приоткрыл незнакомца, и в тот же миг за окном послышался конский топот. Трое всадни-

«СОВРЕМЕННЫЙ КАВКАЗ»

ВЫШЕЛ В СВЕТ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Журнал «Современный Кавказ» – это первый в Южном федеральном округе проект, где представители власти, гражданского общества и бизнеса смогут дискутировать и находить точки соприкосновения, вырабатывать консолидированные решения по стратегическим направлениям развития Северо-Кавказского региона и России.

Первый номер посвящен итогам гражданского форума Юга России, который проходил 21-22 марта в Пятигорске под эгидой Института региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. В течение двух дней форума и полутора месяцев после него представители федеральных и региональных органов власти, неправительственных организаций и ведущих вузов страны выявляли проблемы и искали механизмы взаимодействия на стратегических направлениях общественных реформ.

Журнал получился отнюдь не комплиментарным, проблемы высвечены и высвечены достаточно остро. Оценки экспертов, выступивших в журнале, нельзя назвать официально сплаженными: на Кавказе есть проблемы – не секрет. Но Кавказ – это глобальная модель даже не России – это своего рода модель нашего мира. Лучше признать, что есть проблемы и начать их решать, нежели пытаться воспаление легких лечить микстурой от кашля.

Публикации не просто вскрывают болевые точки Кавказа – на страницах журнала проходит апробация ответов и решений далеко неоднозначных вопросов.

В этом номере журнала опубликованы аналитические материалы и интервью губернатора и председателя Государственной Думы Ставропольского края Александра Леонидовича Черногорова и Юрия Афанасьевича Гонтаря; президента и председателя Народного Собрания Дагестана Муху Гимбатовича Алиева и Маго-

медсалама Магомедалиевича Магомедова; президента Чеченской Республики Алу Дадашевича Алханова; депутата Госдумы России, директора Высокотехнологического института Михаила Чоккаевича Залиханова; депутата Государственной Думы России, доктора экономических наук, бывшего губернатора Красноярского края Валерия Михайловича Зубова; члена Совета Федерации Федерального собрания Анатолия Антоновича Коробейникова; генерального директора Института стратегии национальной безопасности Рустама Юрьевича Ибрагимова; заведующего отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа Сергея Мирославовича Маркедонова, ученых с мировым именем из МГУ и МГИМО и многих других.

Электронная версия журнала будет размещена на официальном сайте Института региональных проблем российской государственности. Журнал будет выходить ежеквартально, и в следующих номерах получат свое продолжение с разных позиций актуальные темы гражданского общества и прав человека, соотношения унитаризма и федерализма, вопросы социализации гендерных групп и национальных меньшинств, проблемы культурного и политического развития региона, вопросы противодействия терроризму, воспитания толерантности и идентичности. В деятельности Института и на страницах журнала будут подниматься вопросы, от которых зависит настоящее и будущее Кавказа.

Владимир Ветров

От редакции: нам только что сообщили о выходе второго номера журнала «Современный Кавказ», авторы которого, как и первого, продолжают поиск точек соприкосновения и формирования стратегически важных направлений развития Северо-Кавказского региона.

ков потребовали выдать беглеца, однако хозяин твердо ответил, что в его доме гость, который находится под его защитой. Старик погиб, защищая незнакомого человека. Сегодня на Северном Кавказе гремят выстрелы и льется кровь. Люди живут в страхе и не доверяют друг другу, с опаской, иногда и с ненавистью смотрят на представителей другой национальности, говорящих на иных языках. Скажите, кто в этом виноват?..

Я смотрю на небо. Вот оно, безгранично-прекрасное, великолепно-манящее, царственно-недоступное, трепетно-тревожное, нежно-загадочное, ласково-чуткое, таинственно-изменчивое, неожиданно-хмурое, туманно-печальное, бездонно-пугающее, молчаливо-томящее, спокойно-предгрозовое небо. Такое разное! Но пусть оно обязательно будет мирным, и пусть под ним весело звучит все многоголосье языков Северного Кавказа. Ведь это в наших силах!

Дмитрий ГИМАДЕЕВ: Начав писать, я вдруг понял, что никогда ранее не задумывался над данной темой, хотя и живу на Северном Кавказе уже много лет. Как бы высокопарно ни звучало, но мне кажется, что русский язык играет огромную роль во взаимопонимании народов. Справедливости ради нужно сказать, что и без русского языка этносы данного региона смогли бы найти средства коммуникации. Но представьте лишь на миг, что русский язык в одночасье исчезнет с просторов Кавказа. Я даже боюсь предположить, к чему это могло бы привести. Ведь как без русского языка лезгин поймет аварца, а осетин – абхазца или черкеса? Я ни в коем случае не хочу приуменьшить значение родного языка для каждого из этих народов. Родной язык знать нужно обязательно – это даже не обсуждается. Но разве плохо, если с ранних лет ребенок, помимо родного языка, знает еще один? А тем более, если человек проживает на территории России, знание русского языка значительно облегчит нашу сложную жизнь.

Еще с ранних лет мне казалось, что язык, на котором я говорю, какой-то осо-

бенный, не такой, как другие. Возможно, это было из-за того, что я рос во времена октябрят и пионеров и нас воспитывали в патриотическом духе. Прожив 15 лет на Северном Кавказе, я пришел к выводу: прав был тот, кто сказал, что русский язык – интернациональный. Очень хотелось бы, чтобы он объединял народы не только Северного Кавказа, но и всего мира.

Татьяна МАТВЕИЧЕВА: Я родилась и провела свое детство и юность в одной из многонациональных республик Северного Кавказа – в Кабардино-Балкарии. И просто не могу себе представить, чтобы когда-нибудь переехать и жить в другом месте. Я настолько привыкла видеть вокруг себя великолепную природу, вдыхать чистый воздух, пить живительную минеральную воду и, конечно, наслаждаться великолепием окружающих нас могучих гор. И самая большая наша гордость – белоснежная жемчужина Северного Кавказа, двуглавый Эльбрус.

На протяжении многих лет провожу свой отдых в Приэльбрусье и признаюсь честно – обожаю горы. Вообще, я считаю Северный Кавказ уникальным местом, как по своей природе, так и по удивительному многообразию проживающих национальностей. Здесь можно услышать речь на кабардинском, балкарском, карачаевском, черкесском, чеченском, армянском, грузинском и других языках. При этом характерно, что представители различных этносов, помимо своего родного языка, также хорошо владеют и русским. Вследствие этого налицо уникальное явление – естественный билингвизм. По-моему, это просто замечательно – одинаково хорошо знать два, а может, даже и три языка.

Сама я русская, отец мой родом из Татарстана, и я сожалею, что не знаю татарского. Это было бы хорошим дополнением для меня как будущего лингвиста: помимо немецкого и английского знать и татарский, что дало бы возможность сравнить эти языки.

Русский на Северном Кавказе имеет особое значение. Для многих он стал вторым родным языком. А ведь русский язык, как известно, велик и могуч.

КУРОРТ СТАЛ НАМ РОДНЕЕ

В Пятигорске я, увы, никогда не был. Знаю его только по литературе. В основном, художественной. Архитектурный облик представляю по кинофильмам, тоже художественным, где примечательные здания служат красивым фоном. А историко-документальных лент о городах у нас до сих пор совсем немного.

С архитектурой старого Пятигорска я, как историк русского зодчества, смог познакомиться в альбомах и путеводителях. Однако они, прежде всего, рассказывали о лермонтовских местах, об остальных достопримечательностях сообщая мимоходом, без подробностей. Чувствовалось, что эта краткость порождена главным образом плохим знанием или нехваткой документальных источников. Многие из них сосредоточены не в Пятигорске, а в архивохранилищах Петербурга и Москвы, где каждодневно работать нужно не недели, а месяцы. Местным краеведам сделать это трудно, а у столичных – всегда много своих забот.

Наконец эта сложность преодолена. В прошлом году пятигорское издательство «Снег» напечатало к юбилею города монографию историка С.В. Боглачёва «Архитектура старого Пятигорска». Ее автору удалось хорошо изучить как местные, так и петербургские архивы, и найти в них много неизвестных ранее сведений, которые в книге впервые опубликованы и введены в научный оборот, ибо по большому счету читателю предлагается первое полноценное историческое исследование о наиболее замечательных архитектурных памятниках курорта, начиная с его основания до 1917 года.

Но вначале о самом издании, его оформлении и полиграфическом исполнении. Эта сторона заслуживает многих похвал. Понятно, что юбилейное и подарочное издание должно иметь и богатое оформление и качественную полиграфию (за нее отвечала типография А.С. Ютишева в Ростове-на-Дону). Все это есть в наилучшем виде, но есть и другое, что, к сожалению, частенько отсутствует даже в столичной

книгопродукции, а именно продуманный и оригинальный дизайн: сочетание исторических и современных фотографий, карт и чертежей, общих видов и фрагментов, расположение и формат иллюстраций, их сочетание с текстом. Правда, в этом иллюстративном изобилии тексту иногда тесновато; ему не хватает «воздуха». К сожалению, обложка книги смотрится маловыразительно.

Свое изложение автор строит по двум классическим правилам: хронологическому и типологическому, т.е. группирует здания по назначению и по времени их постройки. После краткой истории городского строительства повествование сосредотачивается на заведениях минеральных вод, с которых начинался и которыми прославился Пятигорск. Его редкая архитектурная особенность – это ванны, грязелечебницы, галереи, бульвары и парки для прогулок. Все ванны имеют оригинальный облик: Николаевские – поздний классицизм, Ермоловские – неовизантийский стиль, Ново-Сабанеевские – эклектика, Тиличевские – неоклассика. Блестящий пример неоклассики – Романовская грязелечебница, творение петербургского зодчего М.М. Перетятковича. В застройке курорта представлены основные стили русской архитектуры XIX – начала XX века.

Кроме Перетятковича, для Пятигорска творили и другие столичные зодчие: братья Бернардацци, И.И. Шарлемань, К.Н. Кодрунцев, О.И. Тибо-Бриньоль, Н.В. Дмитриев и Б.К. Правдзик, но неповторимый облик городу придали все-таки местные архитекторы, среди которых, прежде всего, следует выделить А.И. Кузнецова и С.И. Гущина, обладав-

ших и талантом, и вкусом. В конце книги обо всех зодчих приведены краткие биографические справки. В отдельных статьях рассказывается не только строительная история отобранных построек, но анализируются также их стилевые и планировочные особенности, что усиливает научную ценность монографии. В одном можно упрекнуть автора – он не стал сравнивать изучаемые объекты с современными аналогами русской архитектуры. А сравнение привело бы к интересным рассуждениям и заключениям. Жаль также, что не нашлось места для архивных ссылок и перечня статей, помещенных в периодике. Если дается полный именной указатель, то и библиография должна быть полной. На этих важных мелочах не стоит экономить.

Хотя издание посвящено дореволюционной архитектуре курорта, автор касается также последующей судьбы зданий и их нынешнего использования, т.е. выходит за поставленные временные рамки. Чаше всего он это делает, когда речь идет об утраченных памятниках, некоторые из которых (например, Спасский собор и Скорбященская церковь) составляли украшение

города. Теперь о них напоминают только старые фотографии и рисунки. Описать и документировать эти утраты нужно было, ибо многие жители самого Пятигорска о них или не знают или забыли. Кроме того, книга Боглачева – это архитектурная энциклопедия, а энциклопедия не должна иметь лакун.

В редакционной аннотации говорится, что «данная книга является первой из серии книг, посвященных старинной архитектуре городов КМВ». Если все предполагаемые книги окажутся на таком же уровне, что и рецензируемая, то можно будет поздравить местных краеведов, издательство и администрацию Вод с очень большим культурным достижением. Сейчас по истории русских городов печатается много книг, однако в них, как правило, нет гармоничного сочетания высокого профессионализма авторов и такого же профессионализма издателей. Одна сторона всегда хромает. В «Архитектуре старого Пятигорска» это сочетание, несомненно, присутствует, что заметно даже в далеком Петербурге. С этой книгой Пятигорск стал нам роднее.

Январь 2006 г., Санкт-Петербург.

ЛЮДМИЛА ЧИГЛИНЦЕВА

ИСТОРИЯ КАВКАЗА В ЛИЦАХ

Эта книга невольно привлекает к себе внимание: ее футляр украшен мозаикой старинных гравюр и литографий на кавказскую тему. Взяв в руки красочный фолиант большого формата, чувствуешь солидную тяжесть, вернее сказать – весомость, вполне оправданную, как в этом вскоре убеждаешься, перелистывая страницу за страницей. Книга Николая Маркелова «Кавказские силуэты» имеет подзаголовок: «История Кавказа в лицах» и охватывает период от библейских времен до начала XX века. В ее состав вошли 49 литературных портретов выдающихся деятелей, чьи имена навсегда вошли в историю России и Кавказа.

Н.В. Маркелов – автор более трехсот статей и очерков о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века, отразившихся на страницах русской классической литературы. Его перо воскрешает для нас многие важные события

в сфере русско-кавказских отношений: походы русского князя Мстислава Храброго, отмеченные еще в «Слове о полку Игореве», персидскую военную экспедицию графа В.А. Зубова, упоминания о которой есть в произведениях Г.Р. Державина и А.С. Пушкина, пребывание на Кавказе таких крупных военных и государственных деятелей как А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский и другие.

Многие страницы книги отданы представителям русской словесности, для большинства из которых пребывание на Кавказе совпало с началом литературной деятельности. Главы, посвященные А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Л.Н. Толстому и другим писателям и поэтам, представляют собой интересный экскурс в тему «Кавказ в русской литературе». Здесь собраны не только подробные сведения биографического характера, но и раскрыта творческая история кавказских произ-

Людмила Чиглинцева – заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, Пятигорск.

Виктор АНТОНОВ – известный санкт-петербургский историк-искусствовед, лауреат Анциферовской премии.

«РУССКИЕ НА КАВКАЗЕ»

ведений, и, что особенно важно, судьбы литературных персонажей рассмотрены в сопоставлении с реальной судьбой их исторических прототипов.

Очень взвешенно и исторически достоверно нарисованы портреты многих выдающихся представителей кавказских народов, чьи имена навсегда вошли в историю края. Это кабардинский князь Измаил Атажуков, причудливая судьба которого послужила юному Лермонтову сюжетной канвой поэмы «Измаил-Бей». Просветитель и поэт Шора Ногмов, справедливо получивший почетный титул «Нестора кабардинской истории». Владыка гор – имам Дагестана и Чечни Шамиль. Художник П.З. Захаров-Чеченец, отважный воин Хаджи-Мурат, знаменитый чеченский абр-рек Зелимхан и многие другие.

Среди героев Н.В. Маркелова – художники, запечатлевшие картины «природы дикой и угрюмой». В книге отражен интерес к Кавказу со стороны российских ученых; отдельные главы посвящены пребыванию здесь П.С. Палласа и Ф.П. Гааза, изучавших целебные источники Кавказских Минеральных Вод.

Книга «Кавказские силуэты» насыщена интересными подробностями, раскрыты многие забытые и малоизвестные страницы кавказской старины. Повествование построено на документальной основе, автор использовал многочисленные отечественные и зарубежные исторические источники. Книга художественно оформлена и прекрасно иллюстрирована, для чего использованы многие подлинные графические работы из собрания Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Это произведения М.А. Зичи, Теодора Горшельта, Г.Г. Гагарина, жизни и деятельности которых на Кавказе также уделено несколько отдельных очерков. Некоторые из графических работ опубликованы впервые. Книга снабжена справочным аппаратом и имеет перечень наиболее важной литературы по избранной теме. Автор широко цитирует мемуарные сочинения, письма, конкретные документы и строки давно не издававшихся литературных произведений, делая этот обширный пласт исторических источников доступным для своих читателей.

Книга Н.В. Маркелова «Кавказские силуэты» может быть использована в качестве учебного пособия по таким предметам как русская литература, история народов России, краеведение и музейное дело. Несомненное достоинство книги – простота и доступность в изложении материала, взвешенность и деликатность в истолковании многих острых вопросов русско-кав-

казских отношений, передача исторического процесса через судьбы конкретных людей. Книга служит взаимопониманию народов, сближению их культур и освобождению национальной памяти от многих ложных и негативных представлений. Знакомство с новой книгой Н.В. Маркелова поможет учащимся средних и высших учебных заведений не только расширить свой кругозор, но и научиться методологически верным подходам к осмыслению многих непростых фактов истории и литературы. Почти целиком построенная на материалах из собрания Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, книга является весомым итогом серьезной двадцатилетней деятельности главного хранителя музея Николая Васильевича Маркелова и в этом смысле служит прекрасным примером музееведческой работы.

Книга «Кавказские силуэты», выпущенная в свет пятигорским издательством «Снег», была представлена на XIX международную книжную выставку в Москве. Здесь ее можно было увидеть на стенде Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Даже среди огромного количества книг, изданных в обеих столицах, «Силуэты» выглядели вполне достойно. В рамках конкурса «Книга года 2006» они вошли в одну из самых престижных номинаций – «Отпечатано в России» и, таким образом, попали в список тридцати лучших книг, выпущенных в текущем году в нашей стране.

Под таким названием в издательстве «Воскресенье» вышел в свет пятый том шеститомного собрания сочинений известного русского писателя Георгия Пряхина.

В первые тома вошли как популярные романы «Грешники в раю», «Дом скорби», «Сераль-55», так и произведения, практически не известные широкому читателю, – стихотворения и публицистика Георгия Владимировича.

Пятый том представлен романом «Прощание славянки», повестью «Варя большая, Варя маленькая», рассказом «Десятым сталинским ударом», стихотворениями, публицистикой и предлагаемым послесловием, автор которого пытается заглянуть в мастерскую писателя:

«Так получилось, что я был свидетелем того, как рождалась первая повесть Георгия Пряхина – «Интернат». А рождалась она по утрам в редакции одной из центральных газет, где мы в то время работали. Георгий приходил за несколько часов до планерки и к ее началу успевал написать пару страниц. Потом увлеченно читал мне, юному стажеру, свежее испеченный текст. Признаюсь честно: я искренне восторгался услышанным. И вовсе не потому, что Пряхин был моим начальником. Мне действительно нравилась его проза, в которой удивительным образом соединялось кровное, нутряное знание народной жизни – и высочайшая писательская техника, метафоричность и отточенность языка.

Через несколько лет по этой повести сняли фильм. Я смотрел его по телевидению, находясь вдалеке от Москвы в служебной командировке. И еще раз пережил описанную в «Интернате» нелегкую судьбу моего старшего товарища: безотцовщина, полугодовалое детство в ставропольском селе, горький хлеб детдома...

Все это так меня растрогало, что я решил немедленно позвонить в столицу Пряхину. Но что-то меня остановило. Георгий к этому времени уже занимал достаточно высокий пост в отделе печати ЦК КПСС, и я не знал, как он воспримет мой звонок.

– А жаль, что не позвонил. Мне как раз

тогда была нужна поддержка, – сдержанно сказал Георгий, когда я спустя время рассказал ему об этом эпизоде.

Ситуация в стране переменялась, и Пряхин потерял не только свой пост личного референта последнего генсека, но и вообще доступ в коридоры власти. Однако нет худа без добра. Крушение политической карьеры позволило ему целиком посвятить себя писательскому ремеслу, которое – я в этом убежден – как раз и является его истинным призванием.

Теперь героями его книг становятся уже не только ставропольские земляки, выуженные цепкой памятью из далекого и недавнего прошлого, но и люди, облеченные высшей государственной властью, которых он имел возможность достаточно длительное время наблюдать вблизи. И снова его писательский взгляд остр и свеж. Достаточно вспомнить описание того, как первая леди Советского Союза «смешно, как для поцелуя выпячивая накрашенные губы» угощается «припудренными чесночной пудрой пампушками», которыми ее потчует супруга Щербицкого. Так, как Пряхин, о первых лицах в нашем государстве, кажется, еще никто не писал. И это еще более подогревает читательский интерес к его книгам.

*Виктор Шушкевич,
«Российская газета»*

Редакция альманаха сообщает о том, что, начиная со второго номера, «Голос Кавказа» приступит к публикации нового, в чем-то биографического романа Георгия Пряхина «Хазарские сны», пронизанного искренней болью за судьбы казачьего рода и всего Северного Кавказа, то и дело умело подставляемого под удары «судьбы». Кстати, роман «Хазарские сны» готовится к печати на французском языке в известном парижском издательстве «ФЛАММАРИОН».

ДИНАМИКА ТВОРЧЕСТВА

О СЛОВАРЕ «ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ. XX ВЕК»

Этот первый в отечественной науке труд, объемом около сорока печатных листов (Москва. Издательство «Наука», 2006 г.), обобщает вековой опыт более чем пятидесяти национальных литератур народов Российской Федерации и является итогом многолетней кропотливой работы коллектива Отдела литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. Горького РАН, редакционной коллегии издания, в состав которой вошли и ведущие ученые из регионов России, а также ответственного редактора издания – доктора филологических наук Н.С. Надъярных.

Словарь создан при активном участии ведущих ученых-литературоведов из институтов гуманитарных исследований и высших учебных заведений всех регионов России. Они являются авторами общих глав и статей по персоналиям крупных писателей национальных литератур нашей страны.

Создатели труда руководствовались задачей максимального охвата фактов, их систематизации с учетом научных требований и открывшихся возможностей для выработки целостного позитивного взгляда на историческую динамику национальных литератур в XX веке. Именно поэтому в общих главах, статьях, посвященных персоналиям крупных национальных писателей, актуальные проблемы осмыслены в широком историческом контексте культуры народов Российской Федерации: мифология, этногенез, фольклор, язык, религиозное мирознание, что подтверждено и научно-библиографическим аппаратом.

Редколлегия словаря в кратком предисловии акцентирует внимание читателей на концепции и структуре труда, отмечая, что при их выработке во главу угла ставилось сочетание критериев национальной неповторимости каждой литературы и закономерностей их взаимосвязей: генетических, исторических, типологических. Этот принцип способствовал наиболее адек-

ватному осмыслению авторами статей исторического процесса в каждой национальной литературе и закономерностей взаимодействия их в многонациональном пространстве на протяжении XX века.

Выход словаря, несомненно, явится событием в истории национальных культур народов Российской Федерации. Для многих народов – это возможность впервые представить в столь авторитетном издании и столь широкой аудитории читателей свою национальную литературу, наиболее яркие творческие индивидуальности, опыт которых аккумулировал вневременные ценностные представления народов. Так, впервые столь широко представлены литературы народов Караево-Черкесии: абазинская, карачаевская, ногайская, черкесская. Авторы статей – ученые-литературоведы, доктора наук Бекизова Л.А. (она является и членом редколлегии издания), Караева З.Б. и кандидат наук Суюнова Н.Х.

Значимость увидевшего свет труда определяется и тем, что он представляет собой уникальное по содержанию издание, воплотившее выверенный фактический материал во всей полноте. Это подтверждено фактом воссоздания авторами статей литературного процесса впервые с учетом материала диаспоры, а также с учетом разностадиальности национальных литератур. По-новому поставлена проблема двуязычия и диалога культур. Актуализация этих проблем, акцент на особенном проявлении их в каждой отдельно взятой национальной литературе способствовали наибольшей адекватности авторских интерпретаций литературного материала.

В словаре прослеживается стремление его создателей к максимальной конкретизации этапов генезиса национальных литератур, а также историко-культурного контекста национальной словесности, столь сдержанно освещавшихся ранее. Это особенно актуально в отношении роли религиозного мирознания в судьбах национальной словесности. Это актуально в отношении особой роли

такого этапа в ее развитии, как просветительство. Авторы статей представили уникальный материал, выключенный из литературного процесса по причинам ненаучного характера, в том числе и материал, свидетельствующий о наличии письменной культуры у народов, ранее считавшихся бесписьменными.

Бесспорно, значение труда тем важнее, чем более явственной становится тяга народов к взаимоузнаванию, к

культурному взаимодействию, что уже на качественно новом уровне обеспечивает духовную целостность народов. Время отчетливо продемонстрировало, что гуманитарный диалог более результативен, чем политический. Словарь «Литературы народов России. XX век» предоставил прекрасный материал для ведения такого диалога на равных между всеми его участниками.

Владимир Кленов.

ВЫХОДИТ В СВЕТ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЫДАЮЩЕЙСЯ ДОЧЕРИ ДАГЕСТАНА МАРИАМ ИБРАГИМОВОЙ

Северо-Кавказское издательство «МИЛ» приступило к выпуску пятнадцатитомного полного собрания сочинений Мариам Ибрагимовны Ибрагимовой. Это стало возможным благодаря титанической работе редактора издания А.П. Иваненко и сыну Мариам – Рустаму Ибрагимову.

Из богатейшего архива писательницы отобран, систематизирован, отредактирован, казалось бы неподъемный материал. Но, слава Аллаху, все позади.

Мариам Ибрагимова – уникальное явление северокавказской культуры. Медик по образованию, известный врач, долгие годы работавший в городе Кисловодске, она оставила о себе неизгладимую память ее пациентов, друзей и всех, кто хоть однажды пообщался с нею.

Центральным фактором ее богатой биографии, безусловно, является роман-трилогия «Имам Шамиль», это новое слово в истории ярчайшей, героической и противоречивой личности, ка-

ковой был Шамиль. Это и новое слово в литературе.

Уже один перечень произведений, вошедших в полное собрание сочинений Мариам Ибрагимовны, говорит о масштабе мышления писателя и ученого. Кроме романа о Шамиле, в 15 томах читатель найдет «Диалог с тайным советником вождя» (роман-исповедь), «Звенел булат» (документально-исторический роман), «Завещание потомкам» (роман-исповедь), романы «Туман спустился с гор», «Мал золотник...», стихи и поэмы, составившие том «И слово пробуждается во мне», и медицинские исследования.

Словом, выход пятнадцатитомника Мариам Ибрагимовны – важнейшее событие в культурной и художественной жизни Северного Кавказа, так нуждающегося сегодня в мире и согласии, в бережном отношении к памяти своих славных сыновей и дочерей.

Александр Золкин

«ГОЛОС КАВКАЗА»

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ

КОНКУРСЫ

- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ ИМЕНИ ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО ПОЭТА-ПЯТИГОРЧАНИНА ГЕННАДИЯ КОЛЕСНИКОВА
меценат В.А. Хнычев
- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И ОБ ИСКУССТВЕ
меценаты: В.Н. Арзуманов
О.Т. Басаев

Мы будем признательны и частным, и коллективным меценатам.

Редакция оставляет право за регионами Южного федерального округа назвать известного деятеля литературы, искусства, публицистики для объявления новых конкурсов и перечислить на р/счет нашего учредителя – института ОАО «Севкавгипроводхоз» возможные средства с пометкой: «НА КОНКУРС».

**Р/с 40702810400000000147 в ОАО КБ «Евроситибанк», г. Пятигорск
БИК 040708774, ИНН банка 2632052342
ИНН/КПП 2632005141/263201001, кор/с 30101810200000000774**

Итоги конкурсов будут подводиться ежегодно на основании опроса читателей на сентябрьском заседании редколлегии альманаха.

Редакционная коллегия

Учредитель

Северо-Кавказский институт по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»).
К 80-летию со дня основания

Директор проекта

Носов К.Н., заслуженный мелиоратор России

Главный редактор

Ольхов В.Н.

Редакционная коллегия

Арзуманов В.Н. (ред. отдела искусств)
Ахмедов А.А.
Басаев О.Т.
Бедоев Ш.Е.
Бекизова Л.А.
Маркелов Н.В. (ред. отдела истории и культурного наследия)
Машбаш И.Ш.
Мамакаев Э.А.
Мосиенко А.А. (ред. отдела критики и библиографии)
Мосинцев А.Ф. (ред. отдела литературы)
Панкова Л.А. (ред. отдела публицистики)
Пелешенко Н.А. (ответ. секретарь)
Пряхин Г.В. (зам. главного редактора)
Разумовская З.М. (ред. международного отдела)
Санджиев Н.Д.
Созаев А.С.
Трилисов А.И. (ред. отдела переводов)
Ходов К.З.
Хамхоев В.В.

Технический редактор

Беляев В.И.

Над оформлением номера работали:

художники Арзуманов В.Н., Кондратенко Е.Ю., Рукавков В.В.,
Эйзериков И.Б., Яковлев А.А.
фотохудожники Айвазов В.Т., Самойлов Ю.П., Танасьев В.П.
компьютерная верстка, дизайн – Морозова Т.С.
компьютерный набор – Василенко Л.И., Сагинор Л.Г.
корректор – Пелешенко Н.А.

Адрес редакции: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.
ОАО «Севкавгипроводхоз», альманах «Голос Кавказа».
Контактные телефоны: (8793) 39-34-08, 39-30-07. Факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.
E-mail: skgvh@skgvh.ru
Международный отдел: erudit5@mail.ru

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26977 от 19.01.2007 г.

Подписано в печать 12.04.2007 г. Формат 72 x 104^{1/16}. Офсет. Тираж 1000 экз. Заказ 58.

Отпечатано в типографии института ОАО «Севкавгипроводхоз».

К сведению уважаемых авторов:

- Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении.
- Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются.
- Рукописи менее двух печатных листов редакция не возвращает.